

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОБЛЕМ

В.Е. Пушкин, М.В. Зенкин,
Л.Н. Колосова, В.В. Литвиненко,
В.И. Чернобаев

Политология

Учебное пособие

Часть 4

ХРЕСТОМАТИЯ

2-е издание, переработанное и дополненное

Под редакцией чл.-корр. Украинской академии
исторических наук, профессора В.Е. Пушкина

Рекомендовано
Министерством образования и науки Украины
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений

Днепропетровск
НГА Украины
2002

УДК 32 (082.24)

ББК 66.0

П-50

ПОЛІТОЛОГІЯ. Ч. 4. Хрестоматія: Навч. посібник / В.Ю. Пушкін, М.В. Зенкін, Л.М. Колосова, В.В. Литвиненко, В.І. Чернобаєв: За ред. В.Ю.Пушкіна. – 2-е видання перероб. та доповн. – Дніпропетровськ: Національна гірнична академія України, 2002. – 250 с.

Рекомендовано Міністерством освіти і науки України як навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів (лист Міністерства освіти і науки України №14/18.2 – 1445 від 11.07.2002 р.).

Хрестоматія є складовою частиною комплексу навчально-методичної літератури, підготовленого колективом кафедри історії та політичної теорії Національного гірничого університету України. В хрестоматії наведені уривки з праць видатних мислителів різних епох, країн та народів, пропонуються їх політичні портрети.

Видання розраховане на студентів, аспірантів та викладачів вищих навчальних закладів.

РЕЦЕНЗЕНТЫ: доктор історичних наук, професор Болебрух А.Г. – декан історичного факультету Дніпропетровського національного університету
доктор соціологічних наук, професор Сурмін Ю.П. – зав. кафедри філософії, соціології державного управління Дніпропетровського регіонального інституту Української академії державного управління при Президентіві України

© Національний гірничий університет, 2002
© В.Ю. Пушкін, М.В. Зенкін, Л.М. Колосова,
В.В. Литвиненко, В.І. Чернобаєв, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хрестоматия по истории политических учений издается кафедрой истории и политической теории Национального горного университета Украины в целях оказания помощи студентам в изучении сложного и весьма объемного курса истории политических учений. В учебнике, призванном охватить все вопросы учебной программы курса "Политология", невозможно с достаточными подробностями изложить содержание политических воззрений мыслителей прошлого - в нем дается анализ лишь важнейших, ведущих положений их учений, определяется их роль в политической жизни соответствующей эпохи, показывается значение для развития политической науки. Знания, приобретенные лишь из учебника, неизбежно несут определенную долю догматизма, студент не получает достаточного представления о содержании отдельных произведений того или иного мыслителя, его манере изложения своих идей. Как правило, студент не приобретает достаточных навыков самостоятельного анализа политических произведений, идей, взглядов. Между тем, воспитание таких навыков и умений имеет особое значение для подготовки высококвалифицированного специалиста, способного правильно анализировать и оценивать не только идеи и взгляды мыслителей прошлого, но и всю окружающую его политическую действительность.

Ознакомление с оригинальным текстом произведений политических мыслителей разных эпох сопряжено для студентов с большими трудностями. Во-первых, вследствие чрезвычайно большого числа таких произведений сложно выбрать из них те, которые являются наиболее необходимыми и важными. Во-вторых, многие из таких произведений имеются только в академических библиотеках и студенты лишены возможности пользоваться ими на учебных занятиях.

Восполнить, образовавшийся таким образом вакуум в учебной литературе и призвана настоящая хрестоматия, составленная применительно к учебной программе курса "Политология" и предназначенная для использования в качестве учебного материала на семинарских занятиях и для самостоятельной работы студентов.

Хрестоматия состоит из разделов-периодов, каждый из которых включает отрывки из произведений одного или нескольких мыслителей прошлого. Каждому

отрывку предшествует политический портрет мыслителя, дающий представления об основных положениях его политической концепции. Необходимо также отметить, что в отличие от первого издания, данное пособие базируется на логической схеме развития мировой политической мысли, представленной в подготовленной кафедрой второй части учебно-методического комплекса.

В основу отбора материала для настоящей хрестоматии были положены следующие принципы, формирующие у студентов основополагающие навыки и умения:

1) История политических учений не сводится к простому изучению политических идей прошлого. Научное изучение истории политических учений исходит из необходимости указать связь политических идей и учений с обуславливающими их социально-экономическими и политическими факторами.

2) Задачей изучения истории политических учений является выявление основных этапов и тенденций развития политической мысли. Поэтому в хрестоматию включены произведения тех мыслителей, которые оставили наиболее глубокий след в политической науке, характеризовали собой определенные этапы в ее развитии.

3) Изучение политических идей прошлого показывает, что каждый выдающийся мыслитель опирался на выводы своих предшественников в области политической идеологии. Включенные в хрестоматию произведения прослеживают эти идейные связи.

При составлении хрестоматии использовались отрывки из наиболее известных произведений, которые оказали глубокое влияние на политическую жизнь прошлого, сохраняя в определенной мере свою актуальность и поныне. Предлагаемая хрестоматия может быть полезна тем, кто стремится овладеть политическими знаниями, использовать их в практической деятельности.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ХАММУРАПИ

Хаммурапи (1792-50 до. н.э.)

Царь Вавилонии, с именем которого связано ее возвышение. Искусный политик и полководец, при котором в Вавилонии значительно развились товарно-денежные отношения, частное рабовладельческое хозяйство, укрепилась царская власть.

Законы царя Хаммурапи

Одним из важнейших достижений человеческой цивилизации является создание во II тысячелетии до н.э. писаного права, законов. Это важнейший памятник древневосточного рабовладельческого права. Оригинальный текст законов, начертанный клинописью на диоритовой стеле, был найден при раскопках в начале XX в.

Этот "жанр" клинописной литературы возник, как полагают ученые, на основе царской надписи – повествования о делах царя: цари сообщали о своих победах, строительстве храмов и каналов, могущих снискать им благословение богов и славу. В это время в междуречье Тигра и Евфрата с укреплением царской власти появляются "указы", развивается юридическое мышление и навыки систематизации. Процесс завершается созданием знаменитых Законов Хаммурапи, памятника фактически не имевшего себе равных в истории древности вплоть до кодификации религиозного права, осуществленной на двадцать три века позже. Кодекс состоит из пролога, 282 параграфов и эпилога, сгруппированных по определенным объектам законодательства. Царь был верховным законодателем и действовал по поручению Бога Солнца. Об этом говорит символическая сцена, изображенная на стеле с законами Хаммурапи: царь получает законы из рук сидящего на троне бога Солнца.

После многочисленных походов и завоеваний наступил период мира, когда Хаммурапи был занят консолидацией страны. Основное внимание он уделял процветанию сельского хозяйства, строительству ирригационных и мелиоративных систем, развитию торговли и средств сообщения. Он стремился обеспечить своим подданным жизнь в безопасности под защитой законов. Во вступлении к своду законов говорится: "Тогда меня, Хаммурапи, славного, богобоязненного государя для того, чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы погубить незаконных и злых, чтобы сильному не притеснять слабого, чтобы я, как Шамаш, восходил над черноголовыми и озарял страну, - призвали Ану и Энлиль для благоденствия людей".

Хаммурапи не ограничивался лишь составлением обличительных документов и указов, он принимал участие в решении проблем управления страной, наставлял чиновников строго выполнять обязанности, заботился о возведении новых строений и поддержании храмов, о нуждах отдельных граждан.

"Законы царя Хаммурапи" отражают характерные черты рабовладельческого права, охватывают практически все мыслимые случаи жизни, по которым могут возникнуть судебные споры, носят ярко выраженный светский характер и являются свидетельством высокого уровня юридической мысли. "Законы" свидетельствуют о расслоении Вавилонского царства. Низший слой вавилонского общества составляли рабы. В правовом отношении рабы рассматривались как вещь, как скот и лишь в незначительной степени защищались законом. Из Кодекса царя Хаммурапи видно, что нанесение телесных повреждений рабу каралось иначе, чем такое же действие по отношению к свободному: "Если человек повредит, (выбьет) глаз кого-либо из людей", то должно повредить (выбить) его глаз. Если он повредит (выбьет) глаз раба или сломает кость раба, то он должен отвесить половину его покупной цены". Плата вносилась естественно хозяину раба, так как стоимость искалеченного раба уменьшалась. Для хозяина раб был ценной рабочей силой, с которой в собственных интересах следовало хорошо обращаться. Кодекс Хаммурапи свидетельствует, что источником рабства кроме военных походов была долговая кабала: "Если человек имеет на себе долг и отдает за серебро или дает в долговую кабалу свою жену, своего сына или свою дочь, то они должны служить в доме их покупателя или заимодавца три года; на четвертый год должно отпустить их на свободу". Однако неясно во всех ли случаях применялся этот закон, и действительно ли освобождались долговые рабы Рабам, лишенным прав и имущества противостояли свободные граждане. Внутри социального слоя свободных были три большие группы господствующего класса – царские придворные, жречество и войско. Мелкие ремесленники, торговцы, крестьяне и арендаторы, юридически свободные, по условиям жизни часто немногим отличались от рабов, и путь в рабство для них не был длинным. Это различие в положении свободных граждан нашло отражение в законах. Так, Кодекс Хаммурапи гласит: "Если человек ударит по щеке большего по положению, чем он сам, то должно в собрании ударить его 60 раз плетью из воловьей кожи. Если кто-либо из людей ударит по щеке кого-либо из людей, кто подобен ему, то он должен отвесить одну мину серебра... Если раб человека ударит по щеке кого-либо из людей, то должно отрезать ему ухо".

Законы Хаммурапи определяли правовое положение в земледелии и скотоводстве. На первом месте стояла защита прав собственника. Так, параграф 42 Кодекса Хаммурапи гласил: "Если человек арендует поле для обработки и не вырастит на нем хлеба, то его должно изобличить в том, что он не делал необходимой работы в поле, и он должен отдать хозяину поля хлеб, как и его соседи". Параграф 64 Кодекса Хаммурапи гласит: "Если человек даст сад садоводу для оплодотворения пальм, то садовод, пока он держит сад, должен отдавать две трети садового дохода хозяину сада, а треть должен брать себе".

В Кодексе Хаммурапи все сделки по купле-продаже должны были по возможности оформляться письменными документами, чтобы стать

правомочными. Так, в параграфе 7 Кодекса говорится: "Если человек купит из руки сына человека или из руки раба человека без свидетелей и договора или возьмет на хранение либо серебро, либо золото, либо раба, либо рабыню, либо вола, либо овцу, либо осла, либо что бы то ни было, то этот человек – вор, его должно убить". Обязанности подданных регулировались законами. В уголовном праве доминировал принцип возмездия. Преступление каралось по принципу око за око, зуб за зуб. Смертный приговор полагался за почти сорок различных преступлений, особенно за кражу имущества, принадлежавшего дворцу или храму, и за кражу, совершенную во время пожара. Смертью карались также ложное обвинение в тяжком преступлении, нарушение женщиной супружеской верности, преднамеренное убийство, кровосмешение. Применялись различные виды смертной казни – в зависимости от характера преступления. Совершившего преступление могли утопить, сжечь, посадить на кол, волочить по земле до смерти. За более мелкое преступление виновному выкалывали глаз, отрубали руку или обрезали ухо. Кроме того, предусматривались также порки – различное количество плетей. На представителей имущих классов за многие преступления налагались денежные штрафы.

Таким образом, обширный Кодекс законов царя Хаммурапи стал одним из важнейших источников сведений о древнем рабовладельческом праве и используется для изучения вавилонского классового общества и хозяйства, состояния торговли и ремесла, семейных отношений и религии.

Печатается по: Эвелин Кленгель-Брандт "Путешествие в древний Вавилон". Пер. с нем. Предисл. и примеч. В.А. Якобсона. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1979. С.55-60.

КОНФУЦИЙ

Конфуций, Кун-цзы (551-479 до н. э.)

Древнекитайский мыслитель, философ, историк, государственный деятель, основатель китайской государственной религии — конфуцианства. Происходил из обедневшего знатного рода и большую часть жизни провел в царстве Лу. В молодости — мелкий чиновник; затем — основатель первой в Китае частной школы. Основные взгляды изложены в книге "Беседы и суждения" ("Лунь юй"). Конфуций был провозглашен учителем "десяти тысяч поколений", в 1503 г. был причислен государством к лику святых, и его культ официально поддерживался до 1911 г. (до национально-буржуазной революции). Конфуций не выступал с собственным учением, но собрал, прокомментировал и пересказал 5 классических произведений Древнего Китая. Несомненно, ему принадлежат лишь комментарии к Книге Весны и Осени, истории Государства Лу. Приписываемые ему "Великое учение" и "Учение о середине" — это тоже лишь пересказы. Их основное содержание составляют пять простых и великих добродетелей, находящихся в соответствии с законами природы и являющихся важнейшими условиями

разумного порядка в совместной жизни людей. Теория гуманного управления Конфуция опиралась на идею обожествления власти правителя, существующую до Конфуция, но им развитую и обоснованную. Основным принцип "управлять — значит исправлять" обозначен в учении "чжень мин", в котором автор призывает всех в обществе ставить на свои места, строго и точно определять обязанности каждого.

Конфуций призывал государей управлять народом не на основе законов и наказаний, а при помощи добродетелей примером высоко нравственного поведения, на основе обычного права, не обременяя народ налогами и повинностями.

Изречения

Глава 1

5. Учитель сказал:

— Правя уделом, способным выставить тысячу боевых повозок, надо быть тщательным в делах, правдивым, любить людей, экономить средства и побуждать народ к труду в соответствии со сменой сезонов.

Глава 2

ПРАВИТЕЛЬ

3. Учитель сказал:

— Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность.

Глава 6

Вот Юн

7. Благодетельный из Младших спросил:

— Можно ли привлечь Чжун Ю к правлению? Учитель ответил:

— Ю человек решительный. С чем он не справится по службе?

— А можно ли и Цы привлечь к правлению?

— Цы человек понятливый. С чем он не справится по службе?

— А можно ли и Цю привлечь к правлению?

— Цю многое умеет. С чем он не справится по службе?

Глава 12

Янь Юань

2. Чжунгун спросил о том, что такое человечность. Учитель ответил: — Это когда ведут себя на людях так, словно вышли встретить важную персону, руководят народом так, словно совершают важный жертвенный обряд; не делают другим того, что не хотят себе; не вызывают ропота в стране, не вызывают ропота в семействе.

Чжунгун сказал:

— Я хоть и не сметлив, позвольте мне заняться исполнением этих слов.

7. Цзыгун спросил о том, в чем состоит управление государством. Учитель ответил:

— Это когда достаточно еды, достаточно оружия и есть доверие народа.

— А что из названного можно первым исключить в случае необходимости?

— спросил Цзыгун.

— Можно исключить оружие.

— А что из остающегося можно первым исключить в случае необходимости? — снова спросил Цзыгун.

— Можно исключить еду.

Смерть издревле никто не может избежать.

Когда ж народ не верит, то не устоять.

9. Князь Скорбной Памяти спросил Ю Жо:

— Как быть? Нынешний год неурожайный, и на покрытие расходов не хватает средств.

Ю Жо ответил:

— А почему бы не взимать налог в размере лишь одной десятой части.

— Я сейчас взимаю две десятых, и мне их не хватает. Как же я обойдусь одной десятой?—возразил князь. Ю Жо сказал:

— Как может Вам недоставать, когда будет хватать народу? Как может Вам хватать, когда народу не хватает?

11. Князь Великий из удела Ци спросил Конфуция о том, в чем заключается управление государством. Конфуций ответил:

— Да будет государем государь, слуга — слугой, отцом — отец и сыном — сын.

— Отлично! Воистину, если не будет государем государь, слуга слугой, отец отцом и сыном сын, то, пусть бы даже у меня был хлеб, смогу ли я его вкушать? — ответил князь.

14. Цзычжан спросил о том, в чем состоит управление государством. Учитель ответил:

— Когда руководишь, забудь об отдыхе.

А выполняя поручение, будь честен.

17. Благодетельный из Младших спросил Конфуция о том, в чем заключается правление. Конфуций ответил:

— Правление есть исправление. Кто же посмеет не исправиться,

Когда исправитесь Вы сами?!

18. Благодетельный из Младших был обеспокоен воровством и спросил совета у Конфуция.

Конфуций ответил:

— Коль сами будете скромны в желаниях,

Не согласятся воровать и за награду.

19. Благодетельный из Младших, беседуя с Конфуцием об управлении государством, спросил:

— Что, если казнить беспутных ради сближения с теми, у кого есть путь?

Конфуций ответил:

В Ваших руках бразды правления, зачем же Вам казнить? Вам стоит лишь увлечься самому хорошими делами, и весь народ тотчас же устремится ко всему хорошему. У благородного мужа добродетель — ветер, у малых же людей она — трава; склоняется трава вслед ветру.

20. Цзычжан спросил:

— Каким должен быть ученый муж, который мог бы называться выдающимся?

— А что, по-твоему, значит "выдающийся"? — спросил Учитель.

— Всегда быть прославляемым в стране, всегда быть прославляемым в семействе, — ответил Цзычжан. Учитель возразил:

— Это прославленный, а не выдающийся. А выдающийся бесхитростен и прям, он любит справедливость, вникает в то, что люди ему говорят, и изучает выражение их лиц, заботится о том, чтобы поставить себя ниже других. Он непременно будет выдающимся в стране и выдающимся в семействе. Кого же прославляют, тот внешне проявляет человечность, а поступает вопреки ей, и так живет, не ведая сомнений. Вот он и будет непременно прославляемым в стране и прославляемым в семействе.

Глава 13

Цзылу

1. Цзылу спросил о том, что значит быть правителем. Учитель ответил:

— Побуждай к усердию своим примером. Когда Цзылу попросил дальнейших разъяснении, Учитель сказал:

— Не знай отдыха.

2. Чжунгун стал управляющим у Младших и спросил о том, что значит быть правителем. Учитель ответил:

— Будь примером для своих подданных, не вини за малые проступки, выдвигай достойных и способных.

— А как узнать достойных и способных, чтобы их возвысить? — спросил Чжунгун. Учитель ответил:

— Возвысь тебе известных,

А тех, кого не знаешь, —

Отринут ли другие?

3. Цзылу сказал:

— Вэйский государь ждет Вас для дел правления. С чего Вы начнете? Учитель ответил:

— Нужно исправить имена.

— Вы так считаете? — возразил Цзылу. — Это слишком заумно. Зачем их исправлять? Учитель ответил:

— Как ты необразован, Ю! Благородный муж, наверное, промолчал бы, услышав то, чего не понимает. Ведь если не подходит имя, то неуместно его

толкование; коль неуместно толкование, не может быть успеха в деле; а без успеха в деле не процветают ритуал и музыка; но если ритуал и музыка не процветают, то наказания бьют мимо цели, когда же наказания бьют мимо цели, народ находится в растерянности. Поэтому все, что называет благородный муж, всегда можно растолковать, а что он растолковывает, всегда можно исполнить. Благородный муж лишь избегает в толковании небрежности.

9. В поездке в Вэй с Учителем был Жань Ю, который правил повозкой.

Учитель заметил:

— Какое множество людей! Жань Ю спросил:

— Когда их много, то что еще следует сделать?

— Их обогатить, — ответил учитель. Жань Ю снова спросил:

— А если станут и богаты, то что еще следует сделать?

— Их обучить, — ответил Учитель.

11. Учитель воскликнул:

— Воистину, как верно сказано, что если власть в стране в течение ста лет будет принадлежать хорошим людям, то они смогут справиться с насилием и обойтись без казней!

12. Учитель сказал:

— Даже когда приходит к власти истинный правитель, человечность может утвердиться лишь через поколение.

13. Учитель говорил:

— Когда ты исправляешь сам себя, то с чем не справишься в правлении?

Когда не можешь сам себя исправить, то как же будешь исправлять других?

14. Когда Жань вернулся с заседания. Учитель спросил:

— Почему пришел так поздно?

— Обсуждали одно государственное дело, — ответил ученик. Учитель возразил:

— Это дело не могло быть государственным. В противном случае я слышал бы о нем, хотя нигде и не служу.

15. Князь Твердый спросил:

— Можно ли одним высказыванием привести страну к расцвету? Конфуций ответил:

— Этого нельзя достичь высказыванием. Но люди говорят: "Трудно быть правителем и нелегко быть подданным". Если поймешь, как трудно быть правителем, то разве не приблизишься к тому, когда одним высказыванием приводят государство к процветанию?

— А можно ли одним высказыванием погубить страну? — спросил князь.

Конфуций ответил:

— Этого нельзя достичь высказыванием. Но люди говорят: "Мне доставляет радость быть правителем лишь то, когда не возражают на мои слова". Если то, о чем он говорит, прекрасно, разве плохо, что ему никто не возражает? Но если

сказанное дурно и никто не возражает, то разве не приблизишься к тому, чтобы одним высказыванием погубить государство?

16. Князь Шэ спросил, что значит управление государством. Учитель ответил:

— Это когда радуются те, что близко,
И приходят те, что далеко.

17. Когда Цзыся стал управителем Цюйфу, он спросил о том, как должен действовать правитель. Учитель ответил:

— Не рассчитывай на скорые успехи и не соблазняйся малой выгодой. Поспешишь — и не добьешься цели, соблазнишься малым — и не сделаешь великого.

19. Фань Чи спросил о том, что составляет человечность. Учитель ответил:

— Держать себя с почтительностью дома,
Благоговейно относиться к делу
И честно поступать с другими.
От этого нельзя отказываться,
Даже когда едешь к варварам.

20. Цзыгун спросил:

— Каким надо быть, чтобы могли назвать ученым мужем?

Учитель ответил:

— Ученым может называться человек, стыдливый в своем поведении, способный с честью выполнить приказ правителя во время миссии в чужом краю.

— Осмелюсь узнать, каков следующий за этим?

— Названный в роду почтительным к родителям, названный в деревне чтящим старших.

— Осмелюсь узнать, каков следующий за этим?

— Им будет, несомненно, малый человек. Чьи речи всегда искренни, а действия решительны. Он ограничен и упрям, но его тоже можно считать "следующим".

— А каковы те, кто в наши дни занят правлением?

— А... мелкие людишки! Они не могут идти в счет!

Глава 16

Младший

1. Когда Младший решил выступить против владения Чжуаньюй, Жань Ю и Цзи Лу встретились Конфуцием и сообщили:

— Младший решил начать боевые действия против Чжуаньюя. Конфуций ответил:

— Но в этом не ты ли, Цю, и виноват? Царь-предок в прошлом сделал Чжуаньюй ответственным за жертвоприношения горе Дунмэн, к тому же данное владение находится на территории нашего княжества и защищает его алтари. Зачем же выступать против него?

Жань Ю ответил:

— Наш господин желает этого, а мы оба, его подданные, не хотим. Конфуций ответил:

— Цю, у Чжоу Жэня есть высказывание: "Когда ты можешь проявить свои способности, то оставайся на посту, а не способен — уходи". Зачем слепому поводырь, который не поддерживает его в опасном месте и не помогает встать, когда он падает? Ты говоришь неверно. Кто виноват, когда из клетки убегает тигр или носорог или ломаются в шкатулке панцирь черепахи и нефрит?

— Городские стены во владении Чжуаньюй крепки, и оно находится недалеко от Би, — сказал Жань Ю.

— Если сейчас не захватить, то в будущем наверняка доставит беды сыновьям и внукам Младшего. Конфуций возразил:

— Цю, благородный муж не любит, когда не высказывают прямо своих побуждений, лишь стараются найти им оправдание. Я слышал, что того, кто правит государством или возглавляет знатный род, тревожит не отсутствие богатства, а его несоразмерное распределение, тяготит не малочисленность народа, а отсутствие благополучия. При соразмерности нет бедности; когда царит гармония, нет недостатка в людях; где утверждается благополучие, там не бывает потрясений. Так-то вот. Поэтому, коль непокорны жители далеких местностей, их привлекают тем, что совершенствуют образование и нравственность; когда же привлекают, то делают их жизнь благополучной. И вот вы оба, Ю и Цю, хотя и ходите в помощниках у господина, но жители далеких местностей ему не покоряются, и он не может их привлечь; в стране раздоры и разброд, а он не может ее уберечь, да еще замышляет выступить с оружием внутри страны. Младшим Суням, боюсь, надо опасаться не владения Чжуаньюй, а самих себя.

Глава 17

Ян Хо

1. Ян Хо хотел, чтобы к нему явился Конфуций, но Конфуций не приходил. Тогда он послал Конфуцию в подарок поросенка. Выбрав время, когда Ян Хо не было дома, Конфуций отправился к нему с визитом, но неожиданно встретил его по дороге.

— Подойти ко мне, — обратился к нему Ян Хо, — я хочу с тобой поговорить.

Затем он сказал Конфуцию:

— Может быть назван человеческим тот, кто, затаив за пазухой драгоценность, спокойно наблюдает, как его страна сбивается с пути? Не может. А может быть назван умным тот, кто стремится поступить на службу, но уже много раз упускал эту возможность? Не может. Дни и месяцы уйдут, с ними годы нас покинут.

— Согласен, я пойду служить, — ответил Конфуций.

18. Учитель отметил:

— Плохо, когда фиолетовый цвет затмевает ярко-красный; плохо, когда мелодии удела Чжэн портят возвышенную музыку; плохо, когда краснобаи губят государство.

Глава 20

Яо сказал

1. Яо сказал:

— О, Ты, Шунь! По преемству, установленному Небом, выбор пал на тебя. Держись твердо незыблемой середины. Если народ в пределах четырех морей будет терпеть лишения, то благословение Неба навсегда тебя покинет.

Шунь дал такое же указание Юю.

Тан сказал:

— Я, ничтожный Люй, осмеливаюсь принести в жертву черного быка и с трепетом докладываю Великому Владыке, что не смею миловать свершивших преступления и прикрывать Твоих, Владыка, слуг; пусть Твое сердце само сделает выбор. Если я виновен, не карай всех остальных; если виновны остальные, то за них меня подвергни каре.

Чжоуский дом одаривал щедро, и стали богаты хорошие люди.

"Хотя есть близкая родня, ей не сравниться с людьми, обладающими человечностью. Если виноват народ, его вина на мне одном".

Он произвел проверку мер длины, объема, веса, восстановил отброшенные должности, и правительственные распоряжения стали всюду выполняться. Он возродил погибшие уделы, угаснувшие поколения, возвысил тех, кого несправедливо отвергали, и все простые люди Поднебесной выразили ему с радостью свою покорность.

Чему он уделял особое невнимание, так это простым людям, обеспеченности продовольствием, обряду траура и жертвоприношениям.

Великодушие покоряет всех, правдивость вызывает у людей доверие, сметливость позволяет достигать успеха, а беспристрастность радует.

2. Цзычжан спросил Конфуция:

— Каковы условия участия в правлении страной?

Учитель ответил:

— Если относиться с почитанием к пяти достоинствам и устранять четыре недостатка, то можно принимать участие в правлении.

— Что значит пять достоинств? — спросил Цзычжан.

Учитель ответил:

— Благородный муж, оказывая милость, не несет расходов; не вызывает злобы у людей, когда заставляет их трудиться; его желания несовместимы с жадностью; он полон величавости, но чужд высокомерия; он грозен, но в нем нет свирепости.

— Что значит: "оказывая милость, не нести расходов?" — спросил Цзычжан.

Учитель ответил:

— Благотворить народу, используя все то, что приносит ему выгоду, — это ли не милость, не требующая расходов? Если для людей, которых заставили трудиться, выбирать посильный труд, то у кого из них возникает злоба? Когда стремятся к человечности и добиваются ее, откуда может взяться жадность? Благородный муж не смеет проявить пренебрежение, имеет ли он дело с многочисленным или немногим, великим или малым, — это ли не величавость без высокомерия? Благородный муж носит надлежащим образом шапку и платье, его взор полон достоинства, он так внушителен, что люди, глядя на него, испытывают трепет, — он ли не грозен без свирепости?

— Что значит четыре недостатка? — спросил Цзычжан. Учитель ответил:

— Казнить тех, кого не наставляли, значит быть жестоким; требовать исполнения, не предупредив заранее, значит проявлять насилие; медлить с приказом и при этом добиваться срочности, значит наносить ущерб; и в любом случае скупиться, оделяя чем-либо людей, значит поступать казенно.

Печатается по: Конфуций. Я верю в древность. М., 1995. С. 55, 56, 58, 113-120, 122-124, 143, 144, 148, 151, 162-164.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ АНТИЧНОСТИ

СОКРАТ

Сократ (470/469-399 до н.э.)

Древнегреческий философ. Один из крупнейших фигур в мировой философской и политической мысли, Сократ еще при жизни был признан дельфийской пифией мудрейшим из людей. Он был одним из родоначальников философии диалектики, понимаемой как нахождение истины при помощи бесед, т.е. постановки определённых вопросов и нахождения ответов на них. Проповедовал на улицах и площадях, ставя своей целью борьбу с софистами и воспитание молодёжи. Занимался поисками рационального, логически-понятийного обоснования нравственной природы государства и права. Обсуждение морально-политической проблематики он поднял на уровень понятий, чем заложил основы теоретического исследования в этой области. Понятийным подходом Сократ стремился сформулировать и отразить разумную природу нравственных, политических и правовых явлений и пришел к выводу о тождестве разумного, справедливого и законного, став принципиальным сторонником последнего. Теоретическая позиция Сократа не тождественна современному ему политическим порядкам, однако, он выдвигал среди благоустроенных государств (управляемых хорошими законами) аристократические Спарту и Крит, умеренно-олигархические Фивы и Мегары. Отрицательно относился к "крайней" демократии Афин, при господстве которой они потерпели поражение от Спарты и утратили ведущее положение в Элладе. Разумно-справедливым началом государства и права соответствует правление знающих. Этот политический идеал

расходился с принципами родовой аристократии, олигархии и демократии. Однако Сократа необоснованно обвиняли во враждебности к демократии. В действительности он критиковал все формы правления, нарушающие справедливость. Особо резко Сократ обрушивался на тиранию. В плане практической политики его идеал означал обоснование принципа компетентного правления, а в теоретическом плане – попытку выявить и сформулировать нравственно-разумную основу и сущность государства.

Учение Сократа, его жизнь и смерть (он был казнен) не только произвели большое впечатление на его современников и учеников, но и оказали заметное влияние на всю последующую историю философской и политической мысли. Сократ не оставил после себя каких-либо сочинений, поэтому его взгляды, в основном, известны по трудам его учеников — Ксенофонта и Платона. В большинстве диалогов последнего Сократ выступает как главное действующее лицо.

ПЛАТОН

Платон (427-347 до н.э.)

Древнегреческий философ. Свои взгляды излагал в так называемых диалогах. Социально-политические воззрения содержатся в следующих диалогах: "Государство", "Политик", "Законы" и др. Политика для Платона – это учение о государстве. Его взгляды претерпели известную эволюцию. В "Государстве" он проводит сословное деление общества, видя в этом условие прочности государства как совместного поселения граждан (правители-философы, воины, ремесленники и земледельцы). Эти сословия похожи на замкнутые касты, свободный переход внутри них строго запрещен. Стремясь преодолеть имущественное расслоение как основную причину нестабильности государства, платоновский проект отвергает частнособственнические отношения граждан. В правовом строе он постулирует господство божественного по своему источнику закона над властью. Согласно Платону, не государство существует для человека, а гражданин — для верховной власти. Переход от одной формы правления к другой связывается с порчей общественных нравов. Он выделяет всего семь типов государственного устройства. Первый из них стоит выше государства и законодательства и не нуждается в них. Из реально существующих два Платон считает правильными (монархия и аристократия), а остальные (тимократия, олигархия, демократия и тирания) — искаженными. Отличие "Законов" от "Государства" существенны: отказ от идеи коллективной собственности философов и воинов, деление граждан на сословия заменяется градацией по имущественному цензу (в зависимости от которого граждане получают и политические права), признание роли рабского труда, признание идеальным смешанное (монархия и демократия) правление. Государственный закон согласно теории Платона есть ни что иное, как совокупность религиозно-нравственных норм, установленных мудрыми в качестве ориентира для остальных граждан. Смысловым центром учения Платона о

государстве явилось стремление идеологической и социальной консервации форм полисной организации общественной жизни.

Государство

Книга первая

О справедливости как выгоде сильнейшего

[...]

— Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия — демократические законы, тирания — тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объясняют их справедливыми для подвластных — это и есть как раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости. [...]

Справедливость и несправедливость

[...]

— Значит, мы скажем следующим образом: справедливый человек хочет обладать преимуществом сравнительно не с подобным ему человеком, а с тем, кто на него не похож, между тем как несправедливый хочет им обладать сравнительно с обоими — и с тем, кто подобен ему, и с тем, кто на него не похож. [...]

Книга вторая

Справедливость и несправедливость (продолжение)

[...] Говорят, что творить несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть ее — плохо. Однако, когда терпишь несправедливость, в этом гораздо больше плохого, чем бывает хорошего, когда ее творишь. Поэтому, когда люди отведали и того и другого, т.е. и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они, раз уж нет сил избежать одной и придерживаться другой, нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливости, и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор. Установления закона и получили имя законных и справедливых — вот каково, происхождение и сущность справедливости. Таким образом, она занимает среднее место — ведь творить несправедливость, оставаясь притом безнаказанным, это всего лучше, а терпеть несправедливость, когда ты не в силах отплатить, — всего хуже. Справедливость же лежит посреди между этими крайностями, и этим приходится довольствоваться, но не потому, что она благо, а потому, что люди ценят ее из-за своей собственной неспособности творить несправедливость. Никому из тех, кто в силах творить несправедливость, т.е. кто доподлинно муж, не придет в голову заключать договоры о недопустимости творить или испытывать несправедливость — разве что он сойдет с ума. Такова, Сократ, — или примерно такова — природа справедливости, и вот из-за чего она появилась, согласно этому рассуждению.

А что соблюдающие справедливость соблюдают ее из-за бессилия творить несправедливость, а не по доброй воле, это мы всего легче заметим, если мысленно сделаем вот что: дадим полную волю любому человеку, как

справедливому, так и несправедливому, творить все, что ему угодно, и затем понаблюдаем, куда его поведут его влечения. Мы поймаем справедливого человека с поличным: он готов пойти точно на то же самое, что и несправедливый, — причина тут в своекорыстии, к которому, как к благу, стремится любая природа, и только с помощью закона, насильственно ее заставляют соблюдать надлежащую меру. [...]

— Я тебе скажу. Справедливость, считаем мы, бывает свойственна отдельному человеку, но бывает, что и целому государству. [...]

Разделение труда в идеальном государстве соответственно потребностям и природным задаткам

[...]

— Государство, — сказал я, — возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается. Или ты приписываешь начало общества чему-либо иному?

— Нет, ничему иному.

— Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства, не правда ли?

— Конечно. [...]

— [...] Я еще раньше обратил внимание на твои слова, что люди рождаются не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна, так что они имеют различные способности к тому или иному делу. Разве не таково твое мнение?

— Да, таково. [...]

— Так что же? Как будут они передавать друг другу все то, что каждый производит внутри самого государства? Ведь ради того мы и основали государство, чтобы люди вступили в общение.

— Очевидно, они будут продавать и покупать.

— Из этого у нас возникнет и рынок, и монета — знак обмена.

— Конечно. [...]

— Из-за этой потребности появляются у нас в городе мелкие торговцы. Разве не назовем мы так посредников по купле и продаже, которые засели на рынке? А тех, кто странствует по городам, мы назовем купцами.

— Конечно. [...]

— Чтобы у нас успешнее шло сапожное дело, мы запретили сапожнику даже пытаться стать земледельцем, или ткачом, или домостроителем; так же точно и всякому другому мы поручили только одно дело, к которому он годится по своим природным задаткам, этим он и будет заниматься всю жизнь, не отвлекаясь ни на что другое, и достигнет успеха, если не упустит время. А разве не важно хорошее выполнение всего, что относится к военному делу? Или оно настолько легко, что

земледелец, сапожник, любой другой ремесленник может быть вместе с тем и воином? Прилично играть в шашки или в кости никто не научится, если не занимался этим с детства, а играл так, между прочим. Неужели же стоит только взять щит или другое оружие и запастись военным снаряжением — и сразу станешь способен сражаться, будь то в рядах гоплитов или других воинов? Никакое орудие только оттого, что оно очутилось у кого-либо в руках, не сделает его сразу мастером или атлетом и будет бесполезно, если человек не умеет с ним обращаться и недостаточно упражнялся.

— Иначе этим орудиям и цены бы не было! [...]

Двойное воспитание стражей: мусическое и гимнастическое

— Каким же будет воспитание? Впрочем, трудно найти лучше того, которое найдено с самых давнишних времен. Для тела — это гимнастическое воспитание, а для души — мусическое.

— Да, это так. [...]

— Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой какие попало и кем попало выдуманные мифы, большей частью противоречащие тем мнениям, которые, как мы считаем, должны быть у них, когда они повзрослеют?

— Мы этого ни в коем случае не допустим.

— Прежде всего нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет — отвергнем. Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей скорее, чем их тела — руками. А большинство мифов, которые они теперь рассказывают, надо отбросить. [...]

Книга третья

Отбор правителей и стражей

[...]

— Значит, из стражей надо выбрать таких людей, которые, по нашим наблюдениям, целью всей своей жизни поставили самое ревностное служение государственной пользе и ни в коем случае не согласились бы действовать вопреки ей. [...]

— Разве не с полным поистине правом можно назвать таких стражей совершенными? Они охраняли бы государство от внешних врагов, а внутри него оберегали бы дружественных граждан, чтобы у этих не было желаний, а у тех — сил творить зло. А юноши, которых мы называем стражами, были бы помощниками правителей и проводниками их взглядов.

— Я согласен. [...]

Быт стражей

— В дополнение к их воспитанию, скажет всякий здравомыслящий человек, надо устроить их жилища и прочее их имущество так, чтобы это не мешало им быть наилучшими стражами и не заставляло бы их причинять зло остальным гражданам.

— Да, здравомыслящий человек скажет именно так.

— Смотри же, — продолжал я, — если им предстоит быть такими, не следует ли устроить их жизнь и жилища примерно вот каким образом: прежде всего никто не должен обладать никакой частной собственностью, если в том нет крайней необходимости. Затем, ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий. Припасы, необходимые для рассудительных и мужественных знатоков военного дела, они должны получать от остальных граждан в уплату за то, что их охраняют. Количество припасов должно хватать стражам на год, но без излишка. Столуясь все вместе, как во время военных походов, они и жить будут сообща. А насчет золота и серебра надо сказать им, что божественное золото — то, что от богов, — они всегда имеют в своей душе, так что ничуть не нуждаются в золоте человеческого, да и нечестиво было бы, обладая тем золотом, осквернять его примесью золота смертного: у них оно должно быть чистым, не то что ходячая монета, которую часто нечестиво подделывают. Им одним не дозволено в нашем государстве пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним, быть с ними под одной крышей, украшаться ими или пить из золотых и серебряных сосудов. Только так могли бы стражи остаться невредимыми и сохранить государство. А чуть только заведется у них собственная земля, дома, деньги, как сейчас же из стражей станут они хозяевами и земледельцами; из союзников остальных граждан сделаются враждебными им владыками; ненавидя сами и вызывая к себе ненависть, питая злые умыслы и их опасаясь, будут они все время жить в большем страхе перед внутренними врагами, чем перед внешними, а в таком случае и сами они, и все государство устремится к своей скорейшей гибели. [...]

Книга четвертая

Модель идеального государства (утопия)

— Я думаю, мы найдем, что сказать, если двинемся по тому же пути. Мы скажем, что нет ничего удивительного, если наши стражи именно таким образом будут наиболее счастливы; а впрочем, мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом. Ведь именно в таком государстве мы рассчитывали найти справедливость, а несправедливость, наоборот, в наихудшем государственном строе и на основании этих наблюдений решить вопрос, так долго нас занимающий. Сейчас мы лепим в нашем воображении государство, как мы полагаем, счастливое, но не в отдельно взятой его части, не так, чтобы лишь кое-кто в нем был счастлив, но так, чтобы оно было

счастливы все в целом; а вслед за тем мы рассмотрим государство, ему противоположное. [...]

Устранение богатства и бедности в идеальном государстве

[...]

— Счастлив ты, если считаешь, что заслуживает названия государства какое-нибудь иное, кроме того, которое основываем мы.

— Но почему же?

— У всех остальных название должно быть длиннее, потому что каждое из них представляет собою множество государств, а вовсе не "город", как выражаются игроки. Как бы там ни было, в них заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей; и в каждом из них опять-таки множество государств, так что ты промахнешься, подходя к ним как к чему-то единому. Если же ты подойдешь к ним как к множеству и передашь денежные средства и власть одних граждан другим или самих их переведешь из одной группы в другую, ты всегда приобретешь себе союзников, а противников у тебя будет немного. И пока государство управляется разумно, как недавно и было нами постановлено, его мощь будет чрезвычайно велика; я говорю не о показной, а о подлинной мощи, если даже государство защищает всего лишь тысяча воинов. Ни среди эллинов, ни среди варваров нелегко найти хотя бы одно государство, великое в этом смысле, между тем как мнимо великих множество, и они во много раз больше нашего государства. Или ты считаешь иначе?

— Нет, клянусь Зевсом. [...]

Роль правильного воспитания, обучения и законов в идеальном государстве

[...]

— Следовательно, ты не воздашь хвалы и государству, которое все Целиком, как мы недавно говорили, занимается чем-то подобным. Или тебе не кажется, что то же самое происходит в плохо управляемых государствах, где гражданам запрещается изменять государственное устройство в целом и такие попытки караются смертной казнью? А кто старается быть приятным и угождает гражданам, находящимся под таким Управлением, лебезит перед ними, предупреждает их желания и горазд их исполнять, тот, выходит, будет хорошим человеком, мудрым в важнейших делах, и граждане будут оказывать ему почести. [...]

— Так не сердись на них. И верно, такие законодатели всего забавнее: они, как мы только что говорили, все время вносят поправки в свои законы, думая положить предел злоупотреблениям в делах, но, как я сейчас заметил, не отдают себе отчета, что на самом-то деле уподобляются людям, рассекающим гидру. [...]

Четыре добродетели идеального государства

— Ясно, что оно мудро, мужественно, рассудительно и справедливо. [...]

— Значит, государство, основанное согласно природе, всецело было бы мудрым благодаря совсем небольшой части населения, которая стоит во главе и управляет, и ее знанию. И по-видимому, от природы в очень малом числе встречаются люди, подходящие, чтобы обладать этим знанием, которое одно лишь из всех остальных видов знания заслуживает имя мудрости.

— Ты совершенно прав. [...]

— Нечто вроде порядка — вот что такое рассудительность; это власть над определенными удовольствиями и вожделениями — так ведь утверждают, приводя выражение "преодолеть самого себя", уж не знаю каким это образом. И про многое другое в этом же роде говорят, что это — следы рассудительности. Не так ли?

— Именно так.

— Разве это не смешно: "преодолеть самого себя"? [...]

— Это не так, как с мужеством или мудростью: те, присутствуя в какой-либо одной части государства, делают все государство соответственно либо мужественным, либо мудрым; рассудительность же в государстве проявляется по-иному: она пронизывает на свой лад решительно все целиком; пользуясь всеми своими струнами, она заставляет и те, что слабо натянуты, и те, что сильно, и средние звучать согласно между собою, если угодно, с помощью разума, а то и силой или, наконец, числом и богатством и всем тому подобным, так что мы с полным правом могли бы сказать, что эта вот согласованность и есть рассудительность, иначе говоря, естественное созвучие худшего и лучшего в вопросе о том, чему надлежит править и в государстве, и в каждом отдельном человеке. [...]

— Между тем государство мы признали справедливым, когда имеющиеся в нем три различных по своей природе сословия делают каждое свое дело. А рассудительным, мужественным и мудрым мы признали государство вследствие соответствующего состояния и свойств представителей этих же самых сословий. — Верно. [...]

Три начала человеческой души

[...]

— Поистине справедливость была у нас чем-то в таком роде, но не в смысле внешних человеческих проявлений, а в смысле подлинно внутреннего воздействия на самого себя и на свои способности. Такой человек не позволит ни одному из имеющихся в его душе начал выполнять чужие задачи или досаждать друг другу взаимным вмешательством: он правильно отводит каждому из этих начал действительно то, что им свойственно; он владеет собой, приводит себя в порядок и становится сам себе другом; он прилаживает друг к другу три начала своей души, совсем как три основных тона созвучия — высокий, низкий и средний, да и промежуточные тоны, если они там случатся; все это он связует вместе и так из

множественности достигает собственного единства, рассудительности и слаженности. Таков он и в своих действиях, касаются ли они приобретения имущества, ухода за своим телом, государственных дел или же частных соглашений. Во всем этом он считает и называет справедливой и прекрасной ту деятельность, которая способствует сохранению указанного состояния, а мудростью — умение руководить такой деятельностью. Несправедливой деятельностью он считает ту, что нарушает все это, а невежеством — мнения, ею руководящие.

— Ты совершенно прав, Сократ.

Справедливое государство и справедливый человек

— Ну что ж, — сказал я. — Если мы признаем, что определили справедливого человека и справедливое государство, а также проявляющуюся в них справедливость, то нам не покажется, думаю я, будто мы в чем-то слишком уж заблуждаемся.

— Не покажется, клянусь Зевсом. [...]

— Стало быть, что значит поступать несправедливо и совершать преступления и, напротив, поступать по справедливости — все это, не правда ли, уже совершенно ясно, раз определилось, что такое несправедливость и что такое справедливость? [...]

Соответствие пяти типов душевного склада пяти типам государственного устройства

— Сколько видов государственного устройства, столько же, пожалуй, существует и видов душевного склада.

— Сколько же их?

— Пять видов государственного устройства и пять видов души.

— Скажи, какие?

— Я утверждаю, что одним из таких видов государственного устройства будет только что разобранный нами, но назвать его можно двояко: если среди правителей выделится кто-нибудь один, это можно назвать царской властью, если же правителей несколько, тогда это будет аристократия.

— Верно. [...]

Книга пятая

Роль женщин в идеальном государстве

[...]

— Итак, здесь надо сперва прийти к соглашению, исполнимо это или нет, и решить спорный вопрос — в шутку ли или серьезно, как кому угодно: способна ли женская часть человеческого рода принимать участие во всех делах наряду с мужчинами, или же она не может участвовать ни в одном из этих дел; а может быть, к чему-то она способна, а к другому — нет? То же и насчет военного дела:

способны ли они к нему? Не лучше ли всего начать именно так, чтобы, как положено, наилучшим образом и закончить?

— Конечно. [...]

— Значит, друг мой, не может быть, чтобы у устроителей государства было в обычае поручать какое-нибудь дело женщине только потому, что она женщина, или мужчине только потому, что он мужчина. Нет, одинаковые природные свойства встречаются у живых существ того и другого пола, и по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако женщина во всем немогуще мужчины. [...]

— Значит, мы, совершив круг, вернулись к исходному положению и признаем, что предоставление женам стражей возможности заниматься и мусическим искусством, и гимнастикой не противоречит природе.

— Нисколько не противоречит. [...]

Общность жен и детей у стражей (продолжение)

— Все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть родители не знают своих детей, а дети — родителей. [...]

— [...] Но далее, Главкон, в государстве, где люди процветают, было бы нечестиво допустить беспорядочное совокупление или какие-нибудь такие дела, да и правители не позволяют.

— Да, это совершалось бы вопреки справедливости.

— Ясно, что в дальнейшем мы учредим браки, по мере наших сил, насколько только можно, священные. [...]

Соотношение своего и общего в государстве

— Так не будет ли вот что началом нашей договоренности: мы сами себе зададим вопрос, что можем мы называть величайшим благом для государственного устройства, т.е. той целью, ради которой законодатель и устанавливает законы, и что считаем мы величайшим злом? Затем нам надо, не правда ли, рассмотреть, несет ли на себе следы этого блага все то, что мы сейчас разобрали, и действительно ли не соответствует оно злу.

— Это самое главное.

— Может ли быть, по-нашему, большее зло для государства, чем то, что ведет к потере его единства и распадению на множество частей? И может ли быть большее благо, чем то, что связует государство и способствует его единству?

— По-нашему, не может быть.

— А связует его общность удовольствия или скорби, когда чуть ли не все граждане одинаково радуются либо печалются, если что-нибудь возникает или гибнет.

— Безусловно. [...]

— То же можно сказать и о таком государстве, которое более всего по своему состоянию напоминает отдельного человека. Например, когда кто-нибудь из нас ушибет палец, все совокупное телесное начало напрягается в направлении к душе как единый строй, подчиненный началу, в ней правящему, она вся целиком ощущает это и страдает части, которой больно; тогда мы говорим, что у этого человека болит палец. То же выражение применимо к любому другому ощущению человека — к страданию, когда болеет какая-либо его часть, и к удовольствию, когда она выздоравливает. [...]

Правителями государства должны быть философы

[...]

— Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино — государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди — а их много, — которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно. Вот почему я так долго не решался говорить, — я видел, что все это будет полностью противоречить общепринятому мнению; ведь трудно людям признать, что иначе невозможно ни личное их, ни общественное благополучие. [...]

Книга шестая

Еще раз о подлинных правителях государства

[...]

— Попытаюсь разобрать это, если смогу. Я думаю, всякий согласится с нами, что такой человек, который обладал бы всем, что мы от него требуем для того, чтобы он стал совершенным философом, редко рождается среди людей — только как исключение. Или ты так не считаешь?

— Я вполне с тобой согласен. [...]

— Если установленная нами природа философа получит надлежащую выучку, то, развиваясь, она непременно достигнет всяческой добродетели; но если она посеяна и растет на неподобающей почве, то выйдет как раз наоборот, разве что придет ей на помощь кто-нибудь из богов. Или и ты считаешь, подобно большинству, будто лишь немногие молодые люди испорчены софистами — некими частными мудрецами и только об этих молодых людях и стоит говорить? Между тем кто так говорит, они-то и являются величайшими софистами, в совершенстве умеющими перевоспитывать и переделывать людей на свой лад — юношей и стариков, мужчин и женщин.

— Кто же это делает?

— Те, кто густой толпой заседают в народных собраниях, либо в судах, или в театрах, в военных лагерях, наконец, на каких-нибудь иных общих сходах и с превеликим шумом частью отвергают, частью одобряют чьи-либо выступления или действия, переходя меру и в том и в другом; они кричат, рукоплещут, и вдобавок их брань или похвала гулким эхом отражаются от скал в том месте, где это происходит, так что шум становится вдвое сильнее.[...]

Книга восьмая

Четыре вида извращенного государственного устройства

— Насколько помню, ты говорил, что имеется четыре вида порочного государственного устройства и что стоило бы в них разобраться, дабы увидеть их порочность воочию; то же самое, сказал ты, касается и соответствующих людей: их всех тоже стоит рассмотреть. [...]

Еще о соответствии пяти складов характера пяти видам государственного устройства

[...]

— Раз мы начали с рассмотрения государственных нравов, а не отдельных лиц, потому что там они более четки, то и теперь возьмем сперва государственный строй, основывающийся на честолюбии (не могу подобрать другого выражения, все равно назовем ли мы его "тимократией" или "тимархией"), и соответственно рассмотрим подобного же рода человека; затем — олигархию и олигархического человека; далее бросим взгляд на демократию и понаблюдаем человека демократического; наконец, отправимся в государство, управляемое тиранически, и посмотрим, что там делается, опять-таки обращая внимание на тиранический склад души. [...]

Тимократия

— Ну так давай попытаемся указать, каким способом из аристократического правления может получиться тимократическое. Может быть, это совсем просто, и изменения в государстве обязаны своим происхождением раздорам, возникающим внутри той его части, которая обладает властью? Если же в ней царит согласие, то, хотя бы она была и очень мала, строй остается незыблемым.

— Да, это так. [...]

"Тимократический" человек

— Каким же станет человек в соответствии с этим государственным строем? Как он сложится и каковы будут его черты? [...]

— Он пожестче, менее образован и, хотя ценит образованность и охотно слушает других, сам, однако, нисколько не владеет словом. С рабами такой человек жесток, хотя их и не презирает, так как достаточно воспитан; в обращении со свободными людьми он учтив, а властям чрезвычайно послушен; будучи

властолюбив и честолюбив, он считает, что основанием власти должно быть не умение говорить или что-либо подобное, но военные подвиги и вообще все военное, потому-то он и любит гимнастику и охоту.

— Да, именно такой характер развивается при этом государственном строе.

— В молодости такой человек с презрением относится к деньгам, но, чем старше он становится, тем больше он их любит — сказывается его природная склонность к сребролюбию да и чуждая добродетели примесь, поскольку он покинут своим доблестным стражем. [...]

Олигархия

— Следующим после этого государственным строем была бы, я так думаю, олигархия.

— Что за устройство ты называешь олигархией?

— Это строй, основывающийся на имущественном цензе: у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении.

— Понимаю. [...]

— Установление имущественного ценза становится законом и нормой, олигархического строя: чем более этот строй олигархичен, тем выше ценз; чем менее олигархичен, тем ценз ниже. Заранее объявляется, что к власти не допускаются те, у кого нет установленного имущественного ценза. Такого рода государственный строй держится применением вооруженной силы или же был еще прежде установлен путем запугивания. Разве это не верно?

— Да, верно. [...]

"Олигархический" человек

— Вслед за тем давай рассмотрим и соответствующего человека — как он складывается и каковы его свойства.

— Конечно, это надо рассмотреть.

— Его переход от тимократического склада к олигархическому совершается главным образом вот как... [...]

— Увидев, мой друг, все это, пострадав и потеряв состояние, даже испугавшись, думаю я, за свою голову, он в глубине души свергает с престола честолюбие и присущий ему прежде яростный дух. Присмирив из-за бедности, он ударяется в стяжательство, в крайнюю бережливость и своим трудом понемногу копит деньги. Что ж, разве, думаешь ты, такой человек не возведет на трон свою алчность и корыстолюбие и не сотворит себе из них Великого царя в тиаре и ожерельях, с коротким мечом за поясом?

— По-моему, да.

— А у ног этого царя, прямо на земле, он там и сям рассадит в качестве его рабов разумность и яростный дух. Он не допустит никаких иных соображений, имея в виду лишь умножение своих скромных средств. Кроме богатства и богачей,

ничто не будет вызывать у него восторга и почитания, а его честолюбие будет направлено лишь на стяжательство и на все то, что к этому ведет.

— Ни одна перемена не происходит у юноши с такой быстротой и силой, как превращение любви к почестям в любовь к деньгам.

— Разве это не пример того, каким бывает человек при олигархическом строе? — спросил я. [...]

— Олигархия переходит в демократию примерно следующим образом: причина здесь в ненасытной погоне за предполагаемым благом, состоящим якобы в том, что надо быть как можно богаче.

— Как ты это понимаешь?

— Да ведь при олигархии правители, стоящие у власти, будучи богатыми, не захотят ограничивать законом распущенность молодых людей и запрещать им расточать и губить свое состояние; напротив, правители будут скупать их имущество или давать им под проценты ссуду, чтобы самим стать еще богаче и могущественнее.

— Это у них — самое главное. [...]

Демократия

— Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию.

— Да, именно так устанавливается демократия, происходит ли это силой оружия или же потому, что ее противники, устранившись, постепенно отступят.

— Как же людям при ней живется? — спросил я. — И каков этот государственный строй? Ведь ясно, что он отразится и на человеке, который тоже приобретет демократические черты. [...]

— Я думаю, что при таком государственном строе люди будут очень различны.

— Конечно.

— Казалось бы, это самый лучший государственный строй. Словно ткань, испещренная всеми цветами, так и этот строй, испещренный разнообразными нравами, может показаться всего прекраснее. Вероятно, многие, подобно детям и женщинам, любующимся всем пестрым, решат, что он лучше всех.

— Конечно.

— При нем удобно, друг мой, избрать государственное устройство.

— Что ты имеешь в виду?

— Да ведь вследствие возможности делать что хочешь он заключает в себе все роды государственных устройств. Пожалуй, если у кого появится желание, как у нас с тобой, основать государство, ему необходимо будет отправиться туда, где есть демократия, и уже там, словно попав на рынок, где торгуют всевозможными

правлениями, выбрать то, которое ему нравится, а сделав выбор, основать свое государство.

— Вероятно, там не будет недостатка в образчиках.

— В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову. Разве не чудесна на первый взгляд и не соблазнительна подобная жизнь?

— Пожалуй, но лишь ненадолго.

— Далее. Разве не великолепно там милосердие в отношении некоторых осужденных? Или ты не видел, как при таком государственном строе люди, приговоренные к смерти или к изгнанию, тем не менее остаются и продолжают вращаться в обществе; словно никому до него нет дела и никто его не замечает, разгуливает такой человек прямо как полубог.

— Да, и таких бывает много.

— Эта снисходительность вовсе не мелкая подробность демократического строя; напротив, в этом сказывается презрение ко всему тому, что мы считали важным, когда основывали наше государство. Если у человека, говорили мы, не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое, если с малолетства — в играх и в своих занятиях — он не соприкасается с прекрасным. Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе.

— Да, весьма благородная снисходительность!

— Эти и подобные им свойства присущи демократии — строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство — уравнивающее равных и неравных.[...]

"Демократический" человек

[...]

— Когда юноша, выросший, как мы только что говорили, без должного воспитания и в обстановке бережливости, вдруг отведаёт меда трутней и попадает в общество опасных и лютых зверей, которые способны доставить ему всевозможные наслаждения, самые пестрые и разнообразные, это-то и будет у него, поверь мне, началом перехода от олигархического типа к демократическому.

— Да, совершенно неизбежно.

— Как в государстве происходит переворот, когда некоторой части его граждан оказывается помощь извне их единомышленниками, так и юноша меняется, когда некоторой части его вожделий помогает извне тот вид вожделий, который им родствен и подобен.

— Да, несомненно. [...]

Тирания

— Ну, так давай рассмотрим, милый друг, каким образом возникает тирания. Что она получается из демократии, это-то, пожалуй, ясно. [...]

— Да.

— А ненасытное стремление к богатству и пренебрежение всем, кроме наживы, погубили олигархию.

— Правда.

— Так вот, и то, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это ее и разрушает.

— Что же она, по-твоему, определяет как благо?

— Свободу. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе.

— Да, подобное изречение часто повторяется.

— Так вот, как я только что и начал говорить, такое ненасытное стремление к одному и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании.

— Как это?

— Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется встать дурным виночерпием, государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде, а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и не предоставляют всем полной свободы, и обвиняет их в мерзком олигархическом уклоне.

— Да, так оно и бывает.

— Граждан, послушным властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов, зато правителей, похожих на Подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и в общественном обиходе. Разве в таком государстве свобода не распространится неизбежно на все?

— Как же иначе? [...]

— Если собрать все это вместе, самым главным будет, как ты понимаешь, то, что душа граждан делается крайне чувствительной, даже по мелочам: все принудительное вызывает у них возмущение как нечто недопустимое. А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с законами — писаными или неписаными, — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти.

— Я это хорошо знаю.

— Так вот, мой друг, именно из этого правления, такого прекрасного и юношески дерзкого, и вырастает, как мне кажется, тирания.

— Действительно, оно дерзкое. Что же, однако, дальше?

— Та же болезнь, что развилась в олигархии и ее погубила, еще больше и сильнее развивается здесь — из-за своеволия — и поработает демократию. В самом деле, все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше наблюдается это и в государственных устройствах.

— Естественно.

— Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством.

— Оно и естественно.

— Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство. [...]

Три "части" демократического государства: трутни, богачи и народ

— Разделим мысленно демократическое государство на три части — да это и в действительности так обстоит. Одну часть составят подобного рода трутни: они возникают здесь хоть и вследствие своеволия, но не меньше, чем при олигархическом строе.

— Это так.

— Но здесь они много ядовитее, чем там.

— Почему?

— Там они не в почете, наоборот, их отстраняют от занимаемых должностей, и потому им не на чем набить себе руку и набрать силу. А при демократии, они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногих, распоряжаются подобные люди.

— Конечно.

— Из состава толпы всегда выделяется и другая часть...

— Какая?

— Из дельцов самыми богатыми большей частью становятся и наиболее собранные по своей природе.

— Естественно.

— С них-то трутням всего удобнее собрать побольше меду.

— Как же его и возьмешь с тех, у кого его мало?

— Таких богачей обычно называют сотами трутней.

— Да, пожалуй.

— Третий разряд составляет народ — те, что трудятся своими руками, чужды делячества, да и имущества у них немного. Они всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее, особенно когда соберутся вместе. [...]

Печатается по: Платон Собрание сочинений: В 4 т. М., 1993. Т. 3. С. 93, 94, 107, 118, 129-133, 136, 139, 140, 181, 183, 186-189, 192, 196-199, 202-204, 207, 218, 219, 221, 226, 229, 230, 232-234, 238, 252, 253, 270-272, 328-330, 333, 335, 336, 338, 339, 341, 343-345, 347, 350-353.

АРИСТОТЕЛЬ

Аристотель (384-322 до н.э.)

Древнегреческий философ. Политические взгляды Аристотеля охватывают область права, социальных и экономических институтов, а главная задача виделась им в отыскании совершенного государственного устройства. Эти воззрения изложены в трактатах: "Политика" и "Никомахова этика". Государство, рабство, частная собственность и другие социальные явления рассматривались Аристотелем как явления естественные, существующие от природы. Являясь целью существования семьи и селения как первичных форм общежития, государство телеологически выступает наиболее совершенной формой совместной жизни, возникая из естественного стремления людей к общению. Гражданами государства могут являться лишь свободные граждане. Аристотель отказывает в существовании праву вне политической жизни. Предвосхищая главные постулаты естественно-правовой школы, он делит политическое право на естественное и установленное, отдавая приоритет первому. Считая частную собственность явлением природного порядка, Аристотель тем самым критикует возможности обобществления имущества, допускаемые Платоном. Кроме того, общность собственности невыгодна и экономически, ибо человеку более свойственно заботиться о принадлежащем лично ему. Формы правления он различает по количеству властвующих и по цели, которую указанное правление преследует; таким образом, выделяются шесть видов государственного устройства. К правильным государствам относятся монархия, аристократия и полиция; к неправильным — тирания, олигархия и демократия. Политические симпатии самого философа на стороне полиции, смешанной формы правления, возникающей из сочетания элементов олигархии и демократии (Спарта, Крит и Афины времен Солона). Практически идеалом выступает у Аристотеля политически и экономически самодостаточный полис, претерпевший к его времени значительную историческую эрозию. Сословная дифференциация в данной теории заменяется возрастной дифференциацией социальных функций, а деструктивное противостояние бедных и богатых устраняется преобладанием зажиточных средних слоев.

Политика

Книга первая (А)

1. 1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага

(ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим. [...]

2. [...] Соответственно общению, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть семья. [...]

7. Общение, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, — селение. [...]

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство — продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. [...]

9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое. [...]

II. 1. Уяснив, из каких элементов состоит государство, мы должны прежде всего сказать об организации семьи, ведь каждое государство слагается из отдельных семей. Семья в свою очередь состоит из элементов, совокупность которых и составляет ее организацию. В совершенной семье два элемента: рабы и свободные. Так как исследование каждого объекта должно начинать прежде всего с рассмотрения мельчайших частей, его составляющих, а первоначальными и мельчайшими частями семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети, то и следует рассмотреть каждый из этих трех элементов: что каждый из них представляет собой и каковым он должен быть.

2. [Отношения, существующие между тремя указанными парными элементами, можно охарактеризовать] так: господское, брачное (сожителство мужа и жены не имеет особого термина для своего обозначения); и третье — отцовское (и это отношение не обозначается особым термином). Пусть их будет три, именно названные нами; существует еще один элемент семьи, который, по мнению одних, и есть ее организация, а по мнению других, составляет главнейшую часть ее; я имею в виду так называемое искусство накопления. [...]

4. Собственность есть часть дома, и приобретение есть часть семейной организации: без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить. [...]

11. Согласно нашему утверждению, во всяком живом существе прежде всего можно усмотреть власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум над нашими стремлениями — как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души — быть в подчинении у разума и

рассудочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении.

21. [...] Из предыдущего ясно и то, что власть господина и власть государственного мужа, равно как и все виды власти, не тождественны, как это утверждают некоторые. Одна — власть над свободными по природе, другая — власть над рабами. Власть господина в семье — монархия (ибо всякая семья управляется своим господином монархически), власть же государственного мужа — это власть над свободными и равными.

22. Господином называют не за знания, а за природные свойства; точно также обстоит дело с рабом и свободным. [...]

V. 1. Наука о домохозяйстве предполагает три элемента власти: во-первых, власть господина по отношению к рабам (об этом мы говорили выше); во-вторых, отношение отца к детям; в-третьих, отношение мужа к жене. Действительно, властвуют и над женой, и над детьми как существами свободными, но осуществляется эта власть не одинаковым образом.

2. Власть мужа над женой можно сравнить с властью политического Деятеля, власть отца над детьми — с властью царя. Ведь мужчина по своей природе, исключая лишь те или иные ненормальные отклонения, более призван к руководству, чем женщина, а человек старший и зрелый может лучше руководить, чем человек молодой и незрелый.

При замещении большей части государственных должностей между людьми властвующими и подчиненными соблюдается очередность: и те и другие совершенно естественно стремятся к равенству и к уничтожению всяких различий. Тем не менее, когда одни властвуют, а другие находятся в подчинении, все-таки является стремление провести различие между теми и другими в их внешнем виде, в их речах и в знаках почета. [...]

Книга вторая (В)

II. 4. [...] Собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной. Ведь когда забота о ней будет поделена между разными людьми, среди них исчезнут взаимные нарекания; наоборот, получится большая выгода, поскольку каждый будет с усердием относиться к тому, что ему принадлежит. [...]

III 11. [...] Итак, правильное суждение тех, кто смешивает несколько видов, потому что тот государственный строй, который состоит в соединении многих видов, действительно является лучшим. [...]

IV 12. Основное во всем этом — не столько уравнивать собственность, сколько устроить так, чтобы люди, от природы достойные, не желали иметь больше, а недостойные не имели такой возможности; это произойдет в том случае, если этих последних поставят в низшее положение, но не станут обижать. [...]

VI. Гипподам, сын Еврифонта, уроженец Милета, [...] проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую — земледельцы, третью — защитники

государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную. Священная — та, с доходов которой должен отправляться установленный религиозный культ; общественная — та, с доходов которой должны получать средства к существованию защитники государства; третья находится в частном владении земледельцев. По его мысли, и законы существуют только тройкого вида, поскольку судебные дела возникают по поводу тройкого рода преступлений (оскорбление, повреждение, убийство). 3. Он предполагал учредить и одно верховное судилище, куда должны переноситься разбирательства по всем делам, решенным, по мнению тяжущихся, неправильно; в этом судилище должно состоять определенное число старцев, назначаемых путем избрания. Судебные решения в судах должны, по его мнению, выноситься не путем подачи камешков: каждый судья получает дощечку, на которой следует записать наказание, если судья безусловно осуждает подсудимого, а если он его безусловно оправдывает, то дощечка оставляется пустой; в случае же частичного осуждения или оправдания пишется определение. Современные законоположения он считает неправильными: вынося либо обвинительный, либо оправдательный приговор, судьи вынуждены нарушать данную ими присягу. 4. Сверх того, он устанавливает закон относительно тех, кто придумывает что-либо полезное для государства: они должны получать почести; и дети павших на войне должны воспитываться на казенный счет, коль скоро такого установления еще нет у других. Такого рода закон в настоящее время существует и в Афинах, и в других государствах. Все должностные лица должны быть избираемы народом, т.е. теми тремя частями государства, о которых упомянуто ранее. Избранные должностные лица обязаны иметь попечение о государственных делах, а также о делах, относящихся к чужестранцам и сиротам. [...]

Книга третья (Г)

I 1. Исследователю видов государственного строя и присущих им свойств надлежит прежде всего подвергнуть рассмотрению вопрос о государстве вообще и разобрать, что такое собственно государство. В настоящее время на этот счет существует разногласие; одни утверждают, что то или иное действие совершило государство, другие говорят: нет, не государство, а олигархия или тиран. В самом деле, мы видим, что вся деятельность государственного мужа и законодателя направлена исключительно на государство (*pollis*), а государственное устройство (*politeia*) есть известная организация обитателей государства. 2. Ввиду того что государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин (*polites*), ведь государство есть совокупность граждан. Итак, должно рассмотреть, кого следует называть гражданином и что такое гражданин. Ведь часто мы встречаем разногласие в определении понятия гражданина: не все согласны считать гражданином одного и того же; тот, кто в демократии гражданин, в олигархии часто уже не гражданин.

5. [...] Мы же считаем гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании. Примерно такое определение понятия гражданина лучше всего подходит ко всем тем, кто именуется гражданами.

II 1. [...] Гражданин, говорим мы, находится в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне — к остальному экипажу. Хотя моряки на судне занимают неодинаковое положение: один из них гребет, другой правит рулем, третий состоит помощником рулевого, четвертый носит какое-либо иное соответствующее наименование, все же, очевидно, наиболее точное определение добродетели каждого из них в отдельности будет подходить только к нему одному, но какое-либо общее определение будет приложимо в равной степени ко всем; ведь, благополучное плавание — цель, к которой стремятся все моряки в совокупности и каждый из них в отдельности. 2. То же самое и по отношению к гражданам: хотя они и не одинаковы, все же их задача заключается в спасении составляемого ими община, а общином этим является государственный строй. [...]

9. [...] Но существует и такая власть, в силу которой человек властвует над людьми себе подобными и свободными. Эту власть мы называем властью государственной; проявлять ее правитель должен научиться, пройдя сам школу подчинения; например, чтобы быть гиппархом, нужно послужить в коннице, чтобы стать стратегом, нужно послужить в строю, быть лохагом, таксиархом. И совершенно правильно утверждение, что нельзя хорошо начальствовать, не научившись повиноваться. [...] 11. Рассудительность — вот единственная отличительная добродетель правителя; остальные добродетели являются, по видимому, необходимым общим достоянием и подчиненных, и правителей; от подчиненного нечего требовать рассудительности как добродетели, но нужно требовать лишь правильного суждения; подчиненный — это как бы мастер, делающий флейты, а правитель — это флейтист, играющий на его флейте. [...]

IV 1. [...] Государственное устройство (*politeia*) — это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления (*politeuma*), а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических государствах верховная власть — в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих; поэтому и государственное устройство в них мы называем различным. С этой точки зрения мы будем судить и об остальном.

V 1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. [...] 2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного — аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда

ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, — полития. [...] 4. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти — тирания, от аристократии — олигархия, от политики — демократия. Тирания — монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия — выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет. [...]

5. Тирания, как мы сказали, есть деспотическая монархия в области политического общения; олигархия — тот вид, когда верховную власть в государственном управлении имеют владеющие собственностью; наоборот, при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих. [...] 7. Итак, из приведенных соображений, по-видимому, вытекает следующее: тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не может служить основой указанных выше различий. То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана — безразлично, у меньшинства или большинства — на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия. [...]

8. [...] Так, например, справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных. Между тем упускают из виду вопрос "для кого?" и потому судят дурно; причиной этого является то, что судят о самих себе, в суждении же о своих собственных делах едва ли не большинство людей — плохие судьи. 9. Так как справедливость — понятие относительное и различается столько же в зависимости от свойств объекта, сколько и от свойств субъекта. [...]

13. [...] Итак, ясно, что государство не есть общность местожительства, оно не создается в целях предотвращения взаимных обид или ради удобств обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии их всех, вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего существования.

VI 3. [...] Не лучше ли, если власть будет сосредоточена в руках одного, самого дельного? Но тогда получится скорее приближение к олигархии, так как большинство будет лишено политических прав. Пожалуй, кто-либо скажет: вообще плохо то, что верховную власть олицетворяет собой не закон, а человек, душа которого подвержена влиянию страстей. Однако если это будет закон, но закон олигархический или демократический, какая от него будет польза при решении упомянутых затруднений? Получится опять-таки то, о чем сказано выше.

4. Об остальных вопросах речь будет в другом месте. А то положение, что предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших, может считаться, по-видимому, удовлетворительным решением вопроса и заключает в себе некое оправдание, а пожалуй, даже и истину. Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь [...]

6. [...] Над чем, собственно, должна иметь верховную власть масса свободнорожденных граждан, т.е. все те, кто и богатством не обладает, и не отличается ни одной выдающейся добродетелью? Допускать таких к занятию высших должностей не безопасно: не обладая чувством справедливости и рассудительностью, они могут поступать то несправедливо, то ошибочно. С другой стороны, опасно и устранять их от участия во власти: когда в государстве много людей лишено политических прав, когда в нем много бедняков, такое государство неизбежно бывает переполнено враждебно настроенными людьми. Остается одно: предоставить им участвовать в совещательной и судебной власти.

12. [...] Ведь властью является не член суда, не член совета, не член народного собрания, но суд, совет и народное собрание; каждый из именованных членов представляет собой только составную часть самих учреждений (я называю такими составными частями членов совета, народного собрания и суда), так что народная масса с полным правом имеет в своих руках верховную власть над более важными делами: и народное собрание, и совет, и суд состоят из многих, да и имущественный ценз всех, вместе взятых, превышает имущественный ценз каждого в отдельности или немногих, занимающих высокие посты в государстве.

VII 8. [...] Равным образом справедливы и притязания большинства предпочтительно перед меньшинством, потому что большинство во всей его совокупности и сильнее, и богаче, и лучше по сравнению с меньшинством. [...]

X 1. Итак, вот четыре вида царской власти: во-первых, царская власть героических времен, основанная на добровольном подчинении ей граждан, но обладавшая ограниченными полномочиями, а именно: царь был военным предводителем, судьей и ведал религиозным культом; во-вторых, царская власть у варваров, наследственная и деспотическая по закону; в-третьих, так называемая эсимнетия — выборная тирания и, в-четвертых, царская власть в Лакедемоне, представляющая собой в сущности наследственную и пожизненную стратегию. Эти четыре вида различаются указанными выше свойствами. 2. Пятым видом царской власти будет тот, когда один человек является неограниченным владыкой над всем, точно так же как управляет общими делами то или иное племя или государство. [...]

7. Если правление нескольких людей, всех одинаково хороших, следует считать аристократией, а правление одного лица — царской властью, то аристократия оказалась бы для государства предпочтительнее царской власти, все

равно, будет ли власть опираться на вооруженную силу или же обойдется без нее, лишь бы только оказалось возможным привлечь к правлению нескольких подобных людей. [...]

XI 3. Поэтому справедливость требует, чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелевал, то подчинялся. Здесь мы уже имеем дело с законом, ибо порядок и есть закон. Поэтому предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек, следует назначать этих последних стражами закона и его слугами. [...]

10. [...] Уже самой природой заложены одно начало права и пользы для деспотии, другое — для царской власти, третье — для политики; только для тирании такого начала природа не создала, равно как и для остальных видов государственного устройства, являющихся отклонениями, потому что все эти виды противоестественны. Из сказанного ранее также ясно, что среди подобных и равных полновластное господство одного над всеми не является ни полезным, ни справедливым независимо от того, есть ли законы или их нет, и этот один сам олицетворяет закон, и независимо от того, хороший ли царствует над хорошими, или плохой над плохими, или добродетельный над менее добродетельными. [...]

11. Но прежде всего следует определить, что должно разуметь под началами монархическим, аристократическим и политическим. Монархическое начало предполагает для своего осуществления такую народную массу, которая по своей природе призвана к тому, чтобы отдать управление государством представителю какого-либо рода, возвышающемуся над нею своей добродетелью. Аристократическое начало предполагает также народную массу, которая способна, не поступаясь своим достоинством свободнорожденных людей, отдать правление государством людям, призванным к тому благодаря их добродетели. Наконец, при осуществлении начала политики народная масса, будучи в состоянии и подчиняться и властвовать на основании закона, распределяет должности среди состоятельных людей в соответствии с их заслугами.

XII 1. Из трех видов государственного устройства, какие мы признаем правильными, наилучшим, конечно, является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших. [...]

Книга четвертая (Д)

II 1. В нашем предыдущем рассуждении о видах государственного устройства мы распределили их так: три вида правильные — царская власть, аристократия, политика — и три отклоняющиеся от них, тирания — от царской власти, олигархия — от аристократии, демократия — от политики. Об аристократии и царской власти говорилось выше (рассмотрение наилучшего вида государственного строя равносильно рассуждению именно об аристократии и царской власти и определению того, что скрывается под этими названиями, так как и аристократия, и царская власть предполагают для своего осуществления

наличие добродетели, которой сопутствуют благоприятные внешние условия). Было определено ранее также и то, в чем отличие аристократии от царской власти и когда государственный строй следует считать царской властью. Остается, таким образом, подвергнуть обсуждению тот вид государственного устройства, который носит общее название политики, а также остальные, т.е. олигархию, демократию и тиранию.

2. Ясно, какой из видов, отклоняющихся от правильных, является наихудшим и какой ближе всего к нему. Конечно, наихудшим видом будет тот, который оказывается отклонением от первоначального и самого божественного из всех видов государственного строя. Царская власть, если это не пустой звук, если она существует действительно, основывается на высоком превосходстве царствующего. Таким образом, тирания, как наихудший из видов государственного устройства, отстоит далее всего от самой его сущности; к ней непосредственно примыкает олигархия (аристократия далеко не то же, что олигархия); наиболее же умеренный из отклоняющихся видов — демократия.

III 4. Однако главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два — демократия и олигархия, подобно тому как говорят главным образом о двух ветрах — северном и южном, а на остальные смотрят как на отклонение от этих двух. [...]

8. [...] Таким образом, демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией — такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство.

15. [...] О том, что существует несколько видов государственного устройства и в силу каких причин, сказано ранее. Теперь поговорим о том, что существует несколько видов демократии и олигархии.

IV 2. Характерным отличием так называемого первого вида демократии служит равенство. Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны. Если, как полагают некоторые, свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии, то это нашло бы свое осуществление главным образом в том, чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении. А так как народ представляет в демократии большинство, постановления же большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократическим. Итак, вот один вид демократии.

3. Другой ее вид — тот, при котором занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким, имущественным цензом. Обладающий им должен получить доступ к занятию должностей, потерявший ценз лишается этого прав. Третий вид демократии — тот, при котором все граждане, являющиеся бесспорно таковыми

по своему происхождению, имеют право на занятие должностей, властвует же закон. Четвертый вид демократии — тот, при котором всякий, лишь бы он был гражданином, пользуется правом занимать должности, властвует же опять-таки закон. При пятом виде демократии все остальные условия те же, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу.

4. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон. Достигается это через посредство демагогов. В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным, как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе. А какой вид многовластия имеет в виду Гомер, говоря, что многовластие — не благо, тот ли, который нами только что указан, или тот, когда власть сосредоточена в руках нескольких людей, причем каждый из них лично пользуется ею, остается неясным.

5. В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения. Да и демагоги и льстецы в сущности одно и то же или во всяком случае схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу — льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии.

6. Они повинны в том, что решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение все. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании. Сверх того, они, возводя обвинения на должностных лиц, говорят, что этих последних должен судить народ, а он охотно принимает обвинения, так что значение всех должностных лиц сводится на нет.

7. По-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует предоставить обсуждение частных вопросов. Таким образом, если демократия есть один из видов государственного устройства, то, очевидно, такое состояние, при котором все управляется постановлениями народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле, ибо никакое постановление не может иметь общего характера.

Вот так должны быть разграничены отдельные виды демократии.

V 1. Отличительный признак первого вида олигархии состоит в следующем: занятие должностей обусловлено необходимостью иметь столь значительный имущественный ценз, что неимущие, хотя они представляют большинство, не допускаются к должностям; последние доступны только тем, кто приобрел имущественный ценз. Другой вид олигархии — тот, когда доступ к должностям также обусловлен высоким имущественным цензом и когда люди, имеющие его, пополняют недостающих должностных лиц путем кооптации; если это производится из всех таких лиц, то такой строй, по-видимому, имеет аристократический оттенок; если же только из ограниченного числа, то олигархический. При третьем виде олигархии сын вступает в должность вместо отца. Четвертый вид — когда имеется налицо только что указанное условие и когда властвует не закон, а должностные лица; этот вид в олигархическом строе — то, же, что в монархическом тирания, а в демократическом — то, что мы назвали крайним его видом. Такого рода олигархию называют династией.

2. Вот сколько видов олигархии и демократии. Не следует забывать, что во многих местах государственное устройство в силу тамошних законов не демократическое, но является таковым в силу господствующих обычаев и всего уклада жизни; точно так же в других государствах бывает обратное явление: по законам строй скорее демократический, а по укладу жизни и господствующим обычаям скорее олигархический. Подобного рода явления встречаются чаще всего после государственных переворотов, когда не сразу переходят к новому строю, но сначала предпочитают мелкие взаимные уступки, так что существовавшие ранее законы остаются в силе, власть же имеют те, кто изменил государственное устройство.

3. Что существует столько видов демократии и олигархии, ясно из сказанного. Ведь неизбежно участие в управлении принимают либо все упомянутые части народа, либо одни из них принимают участие, Другие — нет. Когда управление государством возглавляют земледельцы и те, кто имеет средний достаток тогда государство управляется законами. Они должны жить в труде, так как не могут оставаться праздными; вследствие этого, поставив превыше всего закон, они собираются на народные собрания лишь в случае необходимости. Остальные граждане могут принимать участие в государственном управлении лишь после приобретения установленного законами имущественного ценза; всякий, кто приобрел его, имеет право участвовать в государственном управлении. И если бы это право не было предоставлено всем, то получился бы олигархический строй; предоставить же всем возможность иметь досуг невозможно, коль скоро нет средств к жизни. Указанные причины и ведут к образованию первого вида демократии.

4. Второй вид демократии отличается от первого следующими признаками: хотя все люди, в принадлежности которых к гражданам на основании их происхождения нет никакого сомнения, могут участвовать в управлении, однако

участвуют только те, кто может иметь досуг; в такого рода демократии властвуют законы, потому что для необходимого досуга не хватает доходов. При третьем виде демократии принимать участие в управлении могут все свободнорожденные, однако в действительности участвуют по указанной выше причине не все, так что и в такого рода демократии неизбежно властвует закон. Четвертый вид демократии — тот, который по времени образования в государствах следует за предыдущими.

5. Вследствие увеличения государств по сравнению с начальными временами и вследствие того, что появилось изобилие доходов, в государственном управлении принимают участие все, опираясь на превосходство народной массы, благодаря возможности и для неимущих пользоваться досугом, получая вознаграждение. И такого рода народная масса особенно пользуется досугом; забота о своих собственных делах нисколько не служит при этом препятствием, тогда как богатым именно эта забота и мешает, так что они очень часто не присутствуют на народных собраниях и судебных разбирательствах. Отсюда и происходит то, что в государственном управлении верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам. Вот сколько видов демократии и каковы они вследствие указанных неизбежных обстоятельств.

6. Виды олигархии следующие. Первый вид — когда собственность, не слишком большая, а умеренная, находится в руках большинства; собственники в силу этого имеют возможность принимать участие в государственном управлении; а поскольку число таких людей велико, то верховная власть неизбежно находится в руках не людей, но закона. Ведь в той мере, в какой они далеки от монархии, — если их собственность не столь значительна, чтобы они могли, не имея забот, пользоваться досугом, и ни столь ничтожна, чтобы они нуждались в содержании от государства, — они неизбежно будут требовать, чтобы у них господствовал закон, а не они сами.

7. Второй вид олигархии: число людей, обладающих собственностью, меньше числа людей при первом виде олигархии, но самый размер собственности больше; имея большую силу, эти собственники предъявляют и больше требований; поэтому они сами избирают из числа остальных граждан тех, кто допускается к управлению; но вследствие того, что они не настолько еще сильны, чтобы управлять без закона, они устанавливают подходящий для них закон.

8. Если положение становится более напряженным в том отношении, что число собственников становится меньше, а самая собственность больше, то получается третий вид олигархии — все должности сосредоточиваются в руках собственников, причем закон повелевает, чтобы после их смерти сыновья наследовали им в должностях. Когда же собственность их разрастается до огромных размеров и они приобретают себе массу сторонников, то получается династия, близкая к монархии, и тогда властителями становятся люди, а не закон — это и есть четвертый вид олигархии, соответствующий крайнему виду демократии.

9. Кроме демократии и олигархии есть еще два вида государственного устройства. [...] Эти четыре вида суть: монархия, олигархия, демократия и так называемая аристократия. Пятый вид государственного устройства носит название, служащее обозначением государственного устройства вообще, — его называют просто политией. Этот вид встречается не часто, поэтому его и упускают из виду те, кто ставит своей задачей перечисление отдельных видов государственного устройства; в своем перечислении они, как и Платон, ограничиваются только четырьмя видами.

10. Аристократией с полным основанием можно назвать тот вид государственного устройства, о котором речь шла в предыдущем рассуждении. Именно: аристократией, по справедливости, можно признавать только тот вид государственного устройства, когда управляют мужи, безусловно наилучшие с точки зрения добродетели, а не те, кто доблестен при некоторых предпосылках; ведь только при этом виде государственного устройства хороший муж и хороший гражданин — одно и то же, тогда как при остальных хорошими бывают применительно к данному государственному строю. Однако существуют некоторые виды государственного устройства, отличающиеся от олигархических и от так называемой политики и именуемые аристократическими. Это такие виды, при которых избрание на должности обуславливается не только богатством, но и высокими нравственными качествами.

11. Такой вид государственного устройства отличается от обоих и носит имя аристократии. Ибо и в тех государствах, которые вообще не предъявляют особых требований к добродетели граждан, встречаются все-таки люди, пользующиеся доброй славой и слышущие людьми порядочными. [...]

VI 1. Нам остается сказать еще о так называемой политике и о тирании. Политию мы отнесли сюда, хотя она, равно как и только что упомянутые разновидности аристократии, не является отклонением. [...]

2. Сущность ее станет более ясной, после того как определен характер олигархии и демократии. Говоря попросту, политика является как бы смешением олигархии и демократии. Те виды государственного строя, которые имеют уклон в сторону демократии, обычно называются политиями, а те, которые склоняются скорее в сторону олигархии, обыкновенно именуется аристократиями, потому что люди, имеющие большой имущественный достаток, чаще всего бывают и более образованными, и более благородного происхождения. [...]

X 1. Какой же вид государственного устройства наилучший? [...]

3. [...] В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. [...] Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие — вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред.

8. Итак, ясно, что наилучшее государственное общение — то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они — в лучшем случае — сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, недостаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из чрезвычайно распушенной демократии, так и из олигархии, значительно реже — из средних видов государственного строя. [...]

Х 4. Только там, где в составе населения средние имеют перевес либо над обеими крайностями, либо над одной из них, государственный строй может рассчитывать на устойчивость; не может быть опасения, что богатые, войдя в соглашение с бедными, ополчатся на средних: никогда ни те ни другие не согласятся быть рабами друг друга; если же они будут стремиться создать такое положение, какое удовлетворило бы и тех и других, то им не найти никакого иного государственного устройства, помимо среднего. [...]

Книга пятая (Е)

Г 4. Вот каковы бывают, так сказать, первоисточники внутренних междоусобиц, вот где зарождаются мятежи. Поэтому и государственные перевороты встречаются двоякого рода: иногда посягают на существующее государственное устройство, чтобы заменить его другим, например демократическое — олигархическим, олигархическое — демократическим, олигархию и демократию — аристократией и политией или наоборот; иногда на существующее государственное устройство не посягают, оно остается прежним, но стремятся сами взять в свои руки правление, например в олигархии или монархии.

6. [...] Вообще повсюду причиной возмущений бывает отсутствие равенства, коль скоро ему не соответствует действительное неравенство, ведь и пожизненная царская власть есть неравенство, если она имеется среди равных. И возмущения поднимаются вообще ради достижения равенства. [...] 9. Как бы то ни было, демократический строй представляет большую безопасность и реже влечет за собой внутренние распри, нежели строй олигархический. В олигархиях таятся зародыши двоякого рода неурядиц: раздоры друг с другом и с народом; в демократиях же — только с олигархией; сам против себя народ — и это следует подчеркнуть — бунтовать не станет. Сверх того, государственное устройство, основанное на господстве средних, ближе к демократии, нежели к олигархии, а она из упомянутых нами государственных устройств пользуется наибольшей безопасностью.

III 1. Итак, внутренние распри возникают не по причине мелочей, но из мелочей; распри поднимаются всегда по поводу дел важных. [...]

7. [...] Государственный строй изменяется и в том случае, когда окажется, что противоположные части государства, например, богатые и простой народ, уравниются в количестве, а средних граждан не будет вовсе или их будет совсем незначительное число. Если одна из указанных частей достигнет большого перевеса, то другая не хочет рисковать вступать с ней в борьбу. [...]

IV 1. [...] В демократиях перевороты чаще всего вызываются необузданностью демагогов, которые, с одной стороны, путем ложных доносов по частным делам на состоятельных людей заставляют этих последних сплотиться (ведь общий страх объединяет и злейших врагов), а с другой стороны, натравливают на них народную массу. [...]

VI 3. Но главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости. Начало крушения заключается в том, что в политике в неправильном соотношении объединены демократия и олигархия, в аристократии же — та и другая и еще добродетель, в особенности же указанные два элемента. Имею в виду демократию и олигархию, потому что именно их пытаются соединить политий и большая часть так называемых аристократий. 4. Ведь и отличаются аристократии от так называемых политий именно в этом отношении, а поэтому первые менее, вторые более устойчивы. Те государственные устройства, которые отклоняются более в сторону олигархии, называют аристократическими, а те, которые более склоняются в сторону демократии, — политиями. Поэтому последние более прочны, чем первые: большинство имеет большую силу, и люди больше любят порядок, при котором осуществляется равноправие, тогда как обладатели большого состояния, если государственный строй предоставит им значительный перевес, стремятся проявить наглость и корыстолюбие. 5. Вообще, в какую сторону клонится государственный строй, в том направлении и происходит изменение, так как те и другие стремятся усилить то, что им выгодно; полития, например, перейдет в демократию, аристократия — в олигархию. Или изменение пойдет в противоположном направлении, т.е. аристократия обратится в демократию (если менее обеспеченные, терпя обиды, станут тянуть в противоположную сторону), а полития — в олигархию. Ведь устойчивым государственным строем бывает единственно такой, при котором осуществляется равенство в соответствии с достоинством и при котором каждый пользуется тем, что ему принадлежит.

VII 9. Но самое главное при всяком государственном строе — это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться. За этим с особой тщательностью должно следить в государствах олигархических. [...] 10. Если бы кому-нибудь удалось устроить это, то единственно таким образом мыслимо объединение демократии и аристократии: стало бы возможным и для знати, и для народной массы иметь то, чего и та и другая для себя желает. Ведь, с одной

стороны, допустить всех к правлению — правило демократическое, с другой — занятие должностей знатными — правило аристократическое; а это будет в том случае, когда нельзя будет наживаться, занимая должности. [...]

14. Тремя качествами должны обладать те, кто намерен занимать высшие должности: во-первых, сочувствовать существующему государственному строю; затем, иметь большие способности к выполнению обязанностей, сопряженных с должностью; в-третьих, отличаться добродетелью и справедливостью, соответствующими каждому виду государственного строя. [...]

20. Но самое важное из всех указанных нами способствующих сохранению государственного строя средств, которым ныне все пренебрегают, — это воспитание в духе соответствующего государственного строя. Никакой пользы не принесут самые полезные законы, единогласно одобренные всеми причастными к управлению государством, если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны, а именно если законы государства демократические — в духе демократии, если олигархические — в духе олигархии; ведь если недисциплинирован один, недисциплинированно и все государство.

VIII 6. Царь должен наблюдать за тем, чтобы владеющие собственностью не терпели никаких обид, а народ ни в чем не терпел оскорблений. Тиран же, как неоднократно указывалось, не обращает никакого внимания на общественные интересы, разве что ради собственной выгоды. Цель тирана — приятное, цель царя — прекрасное. Поэтому тиран видит свое преимущество в том, чтобы приумножить свои средства; царь же главным образом в приумножении чести. [...]

IX 8. Все то, что мы до сих пор рассмотрели, можно, коротко говоря, свести к трем пунктам. Именно, тиран стремится к трем целям: во-первых, вселить малодушие в своих подданных, так как человек малодушный не станет составлять против него заговоры; во-вторых, поселить взаимное недоверие — тирания может пасть только тогда, когда некоторые граждане будут доверять друг другу, поэтому тираны — враги порядочных людей, как опасных для их власти, и не только потому, что эти люди не выносят деспотической власти, но и потому, что они пользуются доверием как в своей среде, так и среди других и не станут заниматься доносами ни на своих, ни на чужих; в-третьих, лишит людей политической энергии: никто не решится на невозможное, значит, и на низвержение тирании, раз у него нет на то силы. 9. На указанные три цели направлены все помыслы тиранов. Их можно было бы свести к следующим предпосылкам: чтобы люди не доверяли друг другу; чтобы не могли действовать; чтобы прониклись малодушием. [...]

Книга седьмая (H)

II 3. Итак, ясно, что наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо. Но даже те, которые согласны в том, что всего более предпочтительна жизнь, согласная с требованиями добродетели, спорят, чему отдать предпочтение: политической ли и практически деятельной жизни или такой жизни, которая свободна от всякой внешней деятельности,

например, той созерцательной жизни, какую некоторые только и считают достойной философа. Легко видеть, что люди, всего выше ставящие достоинство и честь, почти всегда избирают один из этих двух образов жизни — практически деятельный и философский; так было раньше, так обстоит дело и теперь.

IV 2. [...] Первым условием для обеспечения существования государства является совокупность граждан; возникает вопрос, как велико должно быть их количество, какие они должны иметь природные качества, точно так же какого размера должна быть территория и каковы должны быть ее свойства.

5. Опыт подсказывает, однако, как трудно, чтобы не сказать невозможно, слишком многонаселенному государству управляться хорошими законами; по крайней мере, мы видим, что все те государства, чье устройство слывет прекрасным, не допускают чрезмерного увеличения своего народонаселения. [...]

VII 4. Итак, мы должны перечислить задачи государства, и тогда вопрос станет ясным. Должно быть, прежде всего, пропитание; затем — ремесла (человеческая жизнь нуждается во многих орудиях); в-третьих, оружие (оружие необходимо для участников государственного общения как для поддержания власти против неповинующихся внутри государства, так и против внешних врагов, если они попытаются нанести обиду); также известный запас денежных средств для собственных надобностей и для военных нужд; в-пятых, и это прежде всего, попечение о религиозном культе, т.е. то, что называется жречеством; в-шестых по счету, но самое необходимое — решение о том, что полезно и что справедливо в отношениях граждан между собой.

XII 1. [...] Благо при всех обстоятельствах зависит от соблюдения двух условий: одно из них — правильное установление задачи и конечной цели всякого рода деятельности, второе — отыскание всякого рода средств, ведущих к конечной цели. Может случиться, что оба этих требования будут противоречить друг другу, и может случиться, что они будут совпадать, ведь иногда цель определена прекрасно, но совершаются ошибки в средствах, ведущих к ее достижению; в другой раз имеются все средства, ведущие к достижению цели, но сама цель поставлена плохо. [...]

Печатается по: Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 376-378, 380, 381, 383, 386, 398, 410, 418, 422-424, 444, 445, 449, 452, 455, 457-459, 461-464, 466, 470, 476, 477, 479, 481, 483, 484, 488, 489, 491, 492, 495-502, 506-508, 511, 527-529, 533, 535, 536, 542, 543, 547, 548, 551, 553, 561, 562, 591, 596, 597, 603, 612.

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

Цицерон Марк Туллий (106 до н.э.-43 н.э.)

Римский философ, правовед. Свое политико-правовое учение изложил в диалогах "О государстве" и "О законе". Говорил о естественном происхождении государства. Считал, что гражданские общины возникают не по установлению, а

от природы, так как люди наделены врожденным стремлением к общению. Государство возникает естественным путем из семьи.

Государственная власть должна быть вручена мудрецам, способным приблизиться к достижению божественного разума. Если бы люди жили по заветам и обычаям отцов, то государство было бы вечным. Цель государства – охрана имущественных интересов граждан. Законы государства должны соответствовать установленному в природе божественному порядку, иначе они не имеют силы. На страже божественных естественных законов должны стоять жрецы. Возникновение права нужно выводить из понятия закона. Права мудрых и достойных граждан, включая права собственности, вытекают из естественных законов. Государство является не только естественным организмом, но и искусственным созданием. Цицерон признавал равенство всех от природы и возможности достижения мудрости каждым, кто получил образование.

Имущественные и социальные различия между людьми возникают в силу установившихся в обществе отношений, а не от рождения. Частная собственность не бывает от природы. Она возникает либо на основании давнишнего овладения, либо победы в войне, либо закона и соглашения. Государство определяется как дело народа. Народ – множество людей, связанных между собой общностью интересов и согласием в вопросах права. Право – неотъемлемый признак государства. Государство – не только моральное общество свободных граждан (Платон, Аристотель), но и правовое сообщество. Говоря в своем определении о народе, Цицерон имел в виду землевладельцев и крупных торговцев. К числу презренных людей относил ростовщиков, мелких торговцев, всех трудящихся. С такими людьми у достойных граждан не может быть общих интересов. Политический идеал – аристократическая сенатская республика. Разработал учение о смешанной форме правления. Различал основные формы государства:

- царская власть – монархия;
- власть оптиматов – аристократия;
- власть народа – демократия.

Лучшей является монархия. Каждая из властей вырождается, что приводит к тирании, олигархии и охлократии. Порочные состояния не являются формами государства, так как там царят произвол и насилие. Само государство, как объединение свободных граждан, распадается. Наиболее совершенной формой правления является смешанное государство, сочетающее начала монархии, аристократии и демократии. К такому строю приближалась римская республика во времена "отцов" и "дедов". Монархические начала были представлены в ней властью консулов, аристократические – правлением сената, демократические – народным собранием и властью трибунов.

Цицерон отказывался от идеала замкнутого самодовлеющего полиса. Пропагандировал идеи космополитизма и мирового государства.

О государстве

...Мудрый не станет принимать никакого участия в делах государства, если только обстоятельства и необходимость не заставят его. ...И право, ...я все-таки полагал бы, что пренебрегать познаниями в государственных делах мудрому человеку отнюдь не следует, так как он должен овладеть всем тем, что ему, пожалуй, рано или поздно еще придется применять. ...Ни в одном деле доблесть человека не приближается к могуществу богов более, чем это происходит при основании новых государств и при сохранении уже основанных. ...

Итак, государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе. ...Всякое множество людей, рассеявшихся по земле и скитавшихся по ней, благодаря согласию превратилось в гражданскую общину.

Итак, всякий народ,... всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, ...всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться, так сказать, советом, а совет этот должен исходить, прежде всего, из той причины, которая породила гражданскую общину. Далее, осуществление их следует поручать либо одному человеку, либо нескольким выборным или же его должно на себя брать множество людей, то есть все граждане. И вот, когда верховная власть находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство — царской властью. Когда она находится в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же... является такая община, в которой все находится в руках народа. И каждый из трех видов государства... не наилучший, но он все же терпим, хотя один из них может быть лучше другого.

Но при царской власти все прочие люди совсем отстранены от общего для всех законодательства и принятия решений, да и при господстве оптиматов народ едва ли может пользоваться свободой, будучи лишен какого бы то ни было участия в совместных совещаниях и во власти, а когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении. Поэтому, хотя знаменитый перс Кир и был справедливейшим и мудрым царем, все же к такому "достоянию народа" (а это, как я уже говорил, и есть государство), видимо, не стоило особенно стремиться, так как государство управлялось мановением и властью одного человека. Если массалийцами... с величайшей справедливостью правят выборные и притом первенствующие граждане, то все-таки такое положение народа в некоторой степени подобно рабству. Если афиняне в свое время, отстранив ареопаг, вершили всеми делами только на основании

постановлений и решений народа, то, так как у них не было определенных ступеней общественного положения, их община не могла сохранить своего блеска.

И я говорю это о трех видах государственного устройства, если они не нарушены и не смешаны один с другим, а сохраняют черты, свойственные каждому из них. Прежде всего, каждый из этих видов государственного устройства обладает пороками, о которых я уже упоминал; далее, ему присущи и другие подобные пороки... Поэтому я и считаю заслуживающим наибольшего одобрения, так сказать, четвертый вид государственного устройства, так как он образован путем равномерного смешения трех его видов, названных мною ранее.

...И каждое государство таково, каковы характер и воля того, кто им правит. Поэтому, только в таком государстве, где власть народа наибольшая, может обитать свобода; ведь приятнее, чем она, не может быть ничего, и она, если она не равна для всех, уже и не свобода. Но как может она быть равной для всех, уж не говорю — при царской власти, когда рабство даже не прикрито и не вызывает сомнений, но и в таких государствах, где на словах свободны все? ...Когда в народе находился один или несколько более богатых и более могущественных человек, тогда — говорят они (т. е. сторонники демократии. — Сост.) — из-за их высокомерия и надменности и создавалось вышеуказанное положение (когда граждане лишены права власти, участия в совете по делам государства, права участия в судах и т. п. — Сост.), так как трусы и слабые люди уступали богатым и склонялись перед их своеволием. Но если народ сохраняет свои права, то — говорят они — это наилучшее положение, сама свобода, само благоденствие, так как он — господин над законами, над правосудием, над делами войны и мира, над союзными договорами, над правами каждого гражданина и над его имуществом. По их мнению, только такое устройство и называется с полным основанием государством, то есть достоянием народа. Поэтому, по их словам, "достояние народа" обычно освобождается от владычества царей и "отцов", но не бывает, чтобы свободные народы искали для себя царей или власти и могущества оптиматов. И право, говорят они, в виду пагубных последствий, связанных с необузданностью народа, не следует отвергать вообще всего этого вида свободы для народа; нет ничего более неизменного и более прочного, чем народ согласный и во всем сообразующийся со своей безопасностью и свободой; но легче всего согласие это достижимо в таком государстве, где всем полезно одно и то же...

Поэтому, если закон есть связующее звено гражданского общества, а право, установленное законом, одинаково для всех, то на каком праве может держаться общество граждан, когда их положение не одинаково?

...И в самом деле, если люди не согласны уравнивать имущество, если умы всех людей не могут быть одинаковы, то, во всяком случае, права граждан одного и того же государства должны быть одинаковы. Да и что такое государство, как не общий правопорядок?

...Поэтому, если свободный народ выберет людей, чтобы вверить им себя, — а выберет он, если только заботится о своем благе, только наилучших людей, — то

благо государства, несомненно, будет вручено мудрости наилучших людей — тем более, что сама Природа устроила так, что не только люди, превосходящие других своей доблестью и мужеством, должны главенствовать над более слабыми, но и эти последние охотно повинуются первым. Какой из трех видов государственного устройства наиболее одобряю я; ведь ни одного из них самого по себе, взятого в отдельности, я не одобряю и предпочитаю каждому из них то, что как бы сплавлено из них всех, взятых вместе. Но если бы понадобилось выбрать какой-нибудь один строй в чистом виде, то я одобрил бы Царскую власть. (Я считаю) ...наилучшим государственным устройством такое, которое, с соблюдением надлежащей меры будучи составлено из трех видов власти — царской, власти оптиматов и народной, и не возбуждает, наказывая, жестоких и злобных чувств...

Если бы сама природа для нас установила права, все люди пользовались одними и теми же, а одни и те же люди не пользовались бы в разные времена разными законами... Законы же поддерживаются карой, а не нашим чувством справедливости.

Но когда один боится другого (и человек — человека, и сословие — сословия), то, так как никто не уверен в своих силах, заключается как бы соглашение между народом и могущественными людьми. Так возникает определенного рода государственное устройство.

Что справедливо относительно отдельных лиц, то справедливо и относительно народов...

Истинный закон — это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая, запрещая, от преступления отпугивает... И мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем. ...

О законах

...Мы должны разъяснить природу права, а ее следует искать в природе человека... Итак, ученейшие мужи признали нужным исходить из понятия закона... при условии, что закон, как они же определяют его, есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное. Этот же разум, когда он укрепился в мыслях человека и усовершенствовался, и есть закон.

Поэтому принято считать, что мудрость есть закон, смысл которого в том, что он велит поступать правильно, а совершать преступления запрещает. Полагают, что отсюда и греческое название "номос", так как закон "уделяет" каждому то, что каждому положено... Если эти рассуждения правильны..., то возникновение права следует выводить из понятия закона. Ибо закон есть сила природы, он — ум и сознание мудрого человека, он — мерило права и бесправия. Но так как весь наш язык основан на представлениях народа, то нам время от времени придется говорить так, как говорит народ, и называть законом (как это

делает чернь) те положения, которые в писаном виде определяют то, что находится нужным,— либо приказывая, либо запрещая.

Будем же при обосновании права исходить из того высшего закона, который, будучи общим для всех веков, возник раньше, чем какой бы то ни было писанный закон, вернее, раньше, чем какое-либо государство вообще было основано.

...Я буду искать корни права в природе, под водительством которой нам и следует развивать все "наше рассуждение. ...Из существ всех видов и различной природы один только человек способен думать и размышлять, чего все остальные лишены. А что, не скажу — в человеке, но и на всем небе, и на земле более божественно, чем разум? Когда этот разум достигнет зрелости и совершенства, то его по справедливости называют мудростью. И вот, так как лучше разума нет ничего, и он присущ и человеку, и божеству, то первая связь между человеком и божеством — в разуме. Но если общим для божества и человека является разум, то этот разум, им свойственный, должен мыслить правильно; а так как разум есть закон, то мы, люди, должны считаться связанными с богами также и законом. Далее, между теми, между кем существует общность в виде закона, существует общность и в виде права. А те, у кого закон и право общие, должны считаться принадлежащими к одной и той же гражданской общине. Более того, если они повинуются одним и тем же империи и власти, то они в еще большей степени повинуются небесному распорядку, божественной мысли и предержащему боже-ству, так что весь этот мир следует рассматривать уже как единую гражданскую общину богов и людей.

...Из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того, что мы рождены для справедливости и что не на мнении людей, а на природе основано право.

...Природа создала нас для того, чтобы мы разделили между собой всю совокупность прав и пользовались ими все сообща. ...И если бы люди — как по велению природы, так и в силу своего служения — признавали, что "ничто человеческое им не чуждо", как говорит поэт, то все они одинаково почитали бы право. Ведь тем, кому природа даровала разум, она даровала и здравый разум. Следовательно, она им даровала и закон, который есть здравый разум — как в повелениях, так и в запретах. Если она и даровала закон, то она даровала и право; разум был дан всем. Значит, и право было тоже дано всем... У людей существует лишь одно, равное для всех и общее правило жизни; наконец все люди связаны, так сказать, природным чувством снисходительности и благожелательности друг к другу, а также и общностью права. ...

Но вот что нелепее всего: думать, что все, значащееся в установлениях и законах народов, справедливо. И даже если некоторые законы изданы тиранами. ...Ибо существует лишь одно право, связывающее человеческое общество и установленное одним законом. Закон этот есть подлинное основание для того,

чтобы приказывать и запрещать. Кто закона этого не знает, тот — человек несправедливый, независимо от того, писанный ли этот закон или неписанный...

Более того, если право не будет корениться в природе, то все доблести уничтожатся. И в самом деле, где могут существовать благородство, любовь к отечеству, чувство долга, желание служить ближнему или проявить свою благодарность ему? Ведь все это рождается оттого, что мы, по природе своей, склонны любить людей, а это и есть основа права. ...

Если бы права устанавливались повелениями народов, решениями первенствующих людей, приговорами судей, то существовало бы право разбойничать, право прелюбодействовать, право предъявлять подложные завещания,— если бы права эти могли получать одобрение голосованием или решением толпы.

...Что касается нас, то мы можем отличить благой закон от дурного только на основании мерила, данного природой. Руководствуясь природой, отличают не только право от бесправия, но и вообще все честное от всего позорного.

...Если то, что заслуживает похвалы, есть добро, то в нем самом непременно должно и заключаться нечто такое, за что это хвалят; ибо добро само по себе существует не благодаря мнениям, а от природы. Ведь если бы было не так, то мы были бы счастливы также благодаря и чужому мнению, а можно ли назвать что-либо более нелепое? Итак, раз и добро, и зло расцениваются на основании их природы и являются началами природы, то и честное, и позорное должны расцениваться по такому же правилу и их следует относить к природе. ...

Из этого следует... то, что с очевидностью вытекает из вышеизложенного: к праву и ко всему честному надо стремиться ради него самого. И в самом деле, все честные мужи ценят самое справедливость и право само по себе, и честному мужу не подобает заблуждаться и почитать то, что само по себе почитания не заслуживает. Итак, право само по себе требует, чтобы к нему стремились и его ценили. Но если этого заслуживает право, то этого заслуживает справедливость, а с ней и остальные доблести следует почитать ради них самих. ...Справедливость не ищет ни награды, ни платы: к ней стремятся ради нее самой, а таковы же основа и смысл всех доблестей.

...Несомненно, что жить в согласии с природой — высшее благо; это значит вести жизнь умеренную и согласную с доблестью; но следовать природе и как бы жить по ее закону, то есть (насколько это зависит от человека) не упускать ничего такого, что позволяет достигнуть того, чего требует природа. ...В то же время природа хочет, чтобы мы жили как бы по закону доблести. ...

...Коль скоро "закон" должен исправлять пороки, а в доблестях наставлять, то из него и следует выводить правила жизни.

...Рассмотрим снова смысл и сущность закона вообще, ...дабы мы не истолковали ложно смысла того названия, которым нам придется определять права. ...

Итак, мудрейшие люди, вижу я, что закон и не был придуман человеком, и не представляет собой какого-то постановления народов, но он — нечто извечное, правящее всем миром благодаря мудрости своих повелений и запретов. ...Закон, данный богами человеческому роду, был справедливо прославлен: ведь это — разум и мысль мудреца, способные и приказывать, и удерживать. ...А возник он одновременно с божественной мыслью. Поэтому, истинный и первый закон, способный приказывать и воспрещать, есть прямой разум всевышнего Юпитера.

...Но те разнообразные законы, которые, применительно к обстоятельствам, были составлены для народов, называются законами скорее в виде уступки, чем потому, что это действительно так. ...Из этого следует заключить, что те люди, которые составили для народов постановления пагубные и несправедливые, нарушив свои обещания и заявления, провели все что угодно, но только не законы... Ведь они заслуживают названия закона не больше, чем решения, с общего согласия принятые разбойниками. ...Итак, закон есть решение, отличающее справедливое от несправедливого и выраженное в соответствии с древнейшим началом всего сущего — природой, с которой сообразуются человеческие законы, дурных людей карающие казнью и защищающие и оберегающие честных.

...Если страсти и пороки первенствующих людей обыкновенно портят все государство, то их воздержанностью оно очищается и исправляется.

...И зло не только в том, что проступки совершают первенствующие люди (хотя это само по себе — большое зло), сколько в том, что у них находится очень много подражателей. Ибо, если обратиться к прошлому, то оказывается, что государство было таково, каковы были люди, занимавшие в нем наивысшее положение, и какое бы изменение не произошло в среде первенствующих, такое же последовало и в народе. Порочные первенствующие люди причиняют государству ущерб тем больший, что они не только воспринимают пороки сами, но и распространяют их в государстве. ...Смысл закона именно в том, что он принят и установлен для всех.

Печатается по: Цицерон М.Т. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1994. (см.: История политических и правовых учений: Хрестоматия для юридических вузов и факультетов / Сост. и общ. ред. проф., д-р ист. наук Г.Г.Демиденко. Харьков: Факт, 1999. С.44-51).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

АВРЕЛИЙ АВГУСТИН (БЛАЖЕННЫЙ)

Августин Аврелий (Блаженный) (354-430)

Христианский теолог. Выходец из знатной патрицианской семьи римского наместника Северной Африки. В 387г. принял крещение. Основной труд "О Граде Божиим". Августин выделял два противоположных вида человеческой общности: "град земной", т.е. государственность, которая основана "на любви к себе,

доведенной до презрения к Богу, и "Град Божий" - общность духовная, основанная на любви к Богу, доведенной до презрения к себе. "Государство основано на насилии, которое есть следствие греховной испорченности человека, а потому достойно презрения, хотя и неизбежно. Признавая поэтому необходимость государственной власти, Августин именовал ее "большой разбойничьей шайкой". "Град Божий" целиком состоит из праведников, божьих избранников, которые духовно едины, но физически рассеяны между неправедными. Последние и составляют социальную ткань "града земного". Здесь борются исключительно за материальные блага и "земные радости", притесняя праведных. Государство поддерживает земной, временный порядок, причем выделяются два типа государств. Одни — организации насилия и разбоя, начинающиеся с братоубийцы Каина и олицетворяющие грех, несправедливость, "общество нечестивых". Другие берут начало от Авеля, это "христианские государства", власть которых основана на заботе о подданных и подчинена служению церкви. Последние - образец "земного града", они призваны насильственно подавлять инакомыслие и вести агрессивные войны "по полномочию от Бога". Отчасти идеал "земного града" воплотился в восточной Римской империи (Византии).

Главная задача такого государства состоит в помощи церкви по приближению человечества к "граду Божию", хотя при этом в принципе Августин констатировал грядущую победу "Божиего государства над светским".

Исповедь

КНИГА ВТОРАЯ V

...Итак, когда спрашивают, по какой причине совершено преступление, то обычно она представляется вероятной только в том случае, если можно обнаружить или стремление достичь какое-либо из тех благ, которые мы назвали низшими, или же страх перед их потерей. Они прекрасны и почетны, хотя по сравнению с высшими, счастливыми человека, презренны и низменны. Он убил человека. Почему? Он влюбился в его жену или ему понравилось его имение; он хотел его ограбить, чтобы на это жить; он боялся, что тот нанесет ему крупные потери; он был обижен и горел желанием отомстить. Разве совершил бы человек убийство без причины, из наслаждения самим убийством? Кто этому поверит? Даже для того жестокого безумца, о котором сказано, что он был зол и жесток просто так себе, без всяких оснований, приведена причина: "Рука и душа не должны становиться вялыми от бездействия". В чем дело? Почему? Чтобы, совершая преступление за преступлением, получить по взятии города почести, власть, богатство; чтобы не бояться законов и не жить в затруднительных обстоятельствах, нуждаясь и сознавая свои преступления. ...

КНИГА ТРЕТЬЯ

VIII

Нарушений людской нравственности, проступков, следует избегать, считаясь с различными требованиями этой нравственности. Прихоть гражданина или чужестранца не смеет нарушать общественного договора, укрепленного законом или обычаем государства или народа: всякая часть, которая не согласуется с целым, безобразна. Если же Бог приказывает что-нибудь делать вопреки чьим бы то ни было нравам или установлениям, то это должно быть сделано, хотя бы там никогда так не делали. Если эту заповедь забыли, она должна быть возобновлена; если она не установлена, ее следует установить. Вели царю в своем царстве дозволено отдавать приказания, которых ни до него никто, ни сам он раньше не отдавал, и повиновение ему не является действием против государства в общества - наоборот, именно неповиновение будет поступком противообщественным (ибо во всех людских обществах условлено повиноваться своему царю), то тем более надлежит, не ведая сомнения, подчиняться приказаниям Бога, царствующего над всем творением Своим. Бог стоит над всем; ведь и в человеческом обществе большая власть поставляется над меньшей, и эта последняя ей повинуетя.

IX

17. Среди поступков, преступлений и столь многочисленных беззаконий имеются и грехи преуспевающих в добром. Справедливые судьи и порицают их во имя закона о таком преуспевании, но и хвалят, как траву молодых всходов в надежде на хороший урожай. Есть некоторые действия, напоминающие проступок или преступление, и тем не менее это не грехи, потому что они не оскорбляют ни Тебя, Господи Боже наш, ни общества: человек, например, добыл для себя некоторые предметы, соответствующие и его образу жизни и времени, но может быть из страсти к приобретению? Желая кого-то исправить, наказывают его, пользуясь своей законной властью, но, может быть, из страсти причинить вред?

Есть много поступков, на которые люди смотрят неодобрительно и которые одобрены свидетельством Твоим; много таких, которые люди хвалят и которые осуждены по свидетельству Твоему. Разными бывают и видимость поступка, и чувства совершившего, и тайное сцепление обстоятельств.

Когда же Ты вдруг даешь заповедь, непривычную и неожиданную, повелевающую делать даже то, что некогда Тобою запрещалось, и временно держишь в тайне причину Твоего повеления, хотя оно противоречит установлениям данного людского общества, — кто усомнится, что его должно выполнить, ибо только то человеческое общество, которое служит Тебе, праведно? Блаженны, те, которые знают, что эти повеления отданы Тобой. Ибо все делается Твоими служителями, дабы показать, что нужно в данный час и что в предвозвестие будущего.

КНИГА ДЕСЯТАЯ XXXVI

...А так как некоторые общественные обязанности можно выполнять только, если тебя любят и боятся, то враг истинного счастья нашего тут и начинает наступать, всюду разбрасывая, как приманку по силкам, свои похвалы: мы жадно их подбираем и по неосторожности попадаемся, отлагаем от истины Твоей радость свою и полагаем ее в человеческой лжи. Нам приятно, чтобы нас любили и боялись не ради Тебя, а вместо Тебя. И враг, уподобив нас таким образом себе, держит нас при себе, не ради согласия в любви, а ради сообщества в наказании.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ XIV

17. Удивительна глубина слов Твоих! Вот перед нами их поверхность, — она улыбается детям, но удивительна их глубина, Боже мой, удивительна глубина! С трепетом вглядываешься в нее, с трепетом почтения и дрожью любви. Ненавижу неистово врагов Писания. О, если бы погубил Ты их мечом обоюдоострым — да не будут они врагами его. Так хочу я, чтобы они погибли для себя, чтобы жить Тобой!

О граде (или государстве) Божиим 4. ОБЩЕСТВО И ИСТОРИЯ

...Для того чтобы род человеческий не только соединить взаимно сходством природы, но и связать в согласное единство мира в известном смысле узами кровного родства, богу угодно было произвести людей от одного человека. Сказали также, что этот род не умирал бы и в отдельных личностях, если бы того не заслужили своим неповиновением первые два человека, из которых один создан из ничего, а другая из первого. Они совершили такое великое преступление, что вследствие его изменилась в худшую самая природа человеческая и передана потомству повинная греху и неизбежной смерти. Царство же смерти до такой степени возобладаало над людьми, что увлекло бы всех как к заслуженному наказанию, во вторую смерть, которой нет конца, если бы незаслуженная благодать божия не спасла от ней некоторых. Отсюда вышло, что, хотя такое множество и таких многочисленных народов, живущих по лицу земному каждый по особым уставам и обычаям, и различается между собою многочисленным разнообразием языков, оружия, утвари, одежд, тем не менее существовало всегда не более как два рода человеческого общения, которые мы, Следуя Писаниям своим, справедливо можем называть двумя Градами. Один из них составляется из людей, желающих жить в мире своего рода по плоти; другой — из желающих жить также по духу. ...

Итак, два града созданы двумя родами любви: земной — любовью к себе, доведенною до презрения к богу, а небесный — любовью к себе, доведенною до презрения к самому себе. Первый затем полагает славу свою в самом себе,

последний — в господе. Ибо тот ищет славы от людей, а для этого величайшая слава бог, владетель совести. Тот в своей славе возносит главу свою, а этот творит своему богу: слава моя, и возносяй главу мою (Пс. III, 4). Над тем господствует похоть господствования, управляющая и правителями его, и подчиненными ему народами; в этом по любви служат взаимно друг другу и предстоятели, руководя, и подчиненные, повинуюсь. Тот в своих великих людях любит собственную силу, а этот говорит своему богу: возлюблю тя, господе, крепосте моя (Пс. XVII, 2).

Думаю... что мы уже достаточно сделали для решения великих и весьма трудных вопросов о начале мира, души и самого человеческого рода. Последний мы разделили на два разряда: один — тех людей, которые живут по человеку, другой — тех, которые живут по богу. Эти разряды мы символически назвали двумя градами, т.е. двумя обществами людей, из которых одному предназначено вечно царствовать с богом, а другому подвергнуться вечному наказанию с дьяволом. ...

Мы находим и в земном граде два вида: один — представляющий самую действительность этого града, а другой — служащий посредством этой действительности для предызображения небесного града. Граждан земного града рождает испорченная грехом природа, а граждан града небесного рождает благодать, освобождающая природу от греха; почему те называются сосудами гнева божия, а эти — сосудами милосердия (Римл. IX, 22, 23). Управляют те, которые заботятся, как муж — женою, родители — детьми, господа — рабами. Повинуются же те, о которых заботятся, как жены — мужьям, дети — родителям, рабы — господам. ...

Это предписывает естественный порядок, так создал человека бог. Да обладает, говорит он, рыбами морскими, и птицами небесными, и всеми гады, пресмыкающимися по земле (Быт. 1,26). Он хотел, чтобы разумное по образу его творение господствовало только над неразумным: не человек над человеком, а человек над животным. Оттого первые праведники явились больше пастырями животных, чем царями человеческими: бог и этим внушал, чего требует порядок природы, к чему вынуждают грехи. Дается понять, что состояние рабства по праву назначено грешнику. В Писаниях ведь мы не встречаем раба прежде, чем праведный Ной покарал этим именем грех сына (Быт. IX, 25). Не природа, таким образом, а грех заслужил это имя. Название же рабов (*servi*) на языке латинском имеет, по-видимому, такое происхождение: когда победители тех, кого по праву войны могли убить, оставляли в живых, последние делались рабами, получая название от сохранения (*servi a servando*). И в этом даже случае небеспричастен грех. Ведь и в то время, когда ведется справедливая война, ради греха подвергает себя опасности противная сторона, и всякая победа, хотя бы склонилась она и на сторону дурных, по суду божественному унижает побежденных, или исправляя, или наказывая грехи... Итак, грех — первая причина рабства, по которому человек подчиняется человеку в силу состояния своего; и это бывает не иначе как по суду божию, у которого нет неправды и который умеет распределять различные

наказания соответственно винам согрешающих... Лучше быть рабом у человека, чем у похоти; ибо самая похоть господствования, чтобы о других не говорить, со страшною жестокостью опустошает души смертных своим господствованием. В порядке же мира, по которому одни люди подчинены другим, как уничтожение приносит пользу служащим, так гордость вредит господствующим. Но по природе, с которою бог изначала сотворил человека, нет раба человеку или греху. Впрочем, и присужденное в наказание рабство определяется в силу того же закона, который повелевает сохранять порядок естественный и запрещает его нарушать, потому что, не будь проступка против этого закона, нечего было бы наказывать принуждением к рабству. Почему апостол увещевает и рабов подчиняться господам и служить им от души с готовностью (Ефес. VI, 6, 7), т.е. чтобы, если не могут получить от господ своих свободы, они сами сделали некоторым образом служение свое свободным, служа не из притворного страха, а но искреннему расположению, пока пройдет неправда, упразднится всякое начальствование и власть человеческая, и будет бог всяческая во всех. ...

Итак, этот небесный град, пока находится в земном странствовании, призывает граждан из всех народов и набирает странствующее общество во всех языках, не придавая значения тому, что есть различного в нравах, законах и учреждениях, которыми мир земной устанавливается или поддерживается; ничего из последнего не отменяя и не разрушая, а, напротив, сохраняя и соблюдая все, что хотя у разных народов и различно, но направляется к одной и той же цели земного мира, если только не препятствует религии, которая учит почитанию единого высочайшего и истинного бога. ...

Весь человеческий род, жизнь которого от Адама до конца настоящего века есть как бы жизнь одного человека, управляется по законам божественного промысла так, что является разделенным на два рода. К одному из них принадлежит толпа людей нечестивых, носящих образ земного человека от начала до конца века. К другому — ряд людей, преданных единому богу, но от Адама до Иоанна Крестителя проводивших жизнь земного человека в некоторой рабской праведности; его история называется Ветхим заветом, так сказать обещавшим земное царство, и вся она есть не что иное, как образ нового народа и Нового завета, обещающего царство небесное. Между тем временная жизнь последнего народа начинается со времени пришествия господина в унижении и [продолжается] до самого дня суда, когда он явится во славе своей. После этого дня, с уничтожением ветхого человека, произойдет та перемена, которая обещает ангельскую жизнь; ибо все мы восстанем, но не все изменимся (1 Коринф. XV, 51). Народ благочестивый восстанет для того, чтобы остатки своего ветхого человека переменить на нового; народ же нечестивый, живший от начала до конца ветхим человеком, восстанет для того, чтобы подвергнуться вторичной смерти. Что же касается подразделения [того и другого народа] на возрасты, то их Зайдут те, которые вникают [в историю]: такие люди не устроятся пред судьбою ни плевел, ни соломы. Ибо нечестивый живет ведь для благочестивого и грешник —

для праведника, чтобы чрез сравнение с нечестивым и грешником человек благочестивый и праведный мог ревностнее возвышаться, пока достигнет конца своего. ...

Печатается по: Антология мировой философии. В 4 т. Т.1. Ч.2. М., 1969. С.601-605.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

НИКОЛО МАКИАВЕЛЛИ

Макиавелли Николо (1469-1527)

Итальянский политический мыслитель, основатель светской политической науки. Широкое распространение получил термин "макиавеллизм", под которым понимается тактика вероломного захвата власти, личная диктатура, авантюристическая внешняя политика тайных сговоров, обмана союзников, лицемерие и цинизм. Все это может быть выражено в девизе "цель оправдывает средства". На этапе раннебуржуазного развития политика, как и другие сферы общественной жизни, начинает осознаваться как особая и крайне важная сфера человеческой деятельности. Ренессансные концепции общества и государства отрывались от своей теологической основы, господствующей в средние века. Одним из первых, кто откликнулся на политику как самостоятельную сферу общества, был Макиавелли. Политика имеет свои закономерности, которые должны изучаться и осмысливаться, а не выводиться из теологических постулатов. Макиавелли вводит один из ключевых терминов политической науки — "stato" — государство, означающее политическое состояние общества. Необходимость тех или иных форм правления он выводил из задач, стоящих на политической повестке дня. Для объединения государства лучшей формой правления выступает монархия, но после объединения страны лучшей формой является республика.

Деятельность государства — это такая сфера проявления интересов, чувств, настроений людей, групп, правительств, в которой действуют свои правила поведения и морали, отличающиеся от отношений между частными лицами.

"...Из всех зверей, — писал Макиавелли, — пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков".

Макиавелли удалось выявить ряд общих закономерностей политической жизни, поэтому многие положения не утратили своего исторического значения и в наши дни. Его работа "Государь" является настольной книгой политических деятелей разных стран, что говорит о прозорливости автора и глубине идей.

Государь

Глава I

Сколько видов бывают государства и как они приобретаются

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными — если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом — таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания — таково Неаполитанское королевство для короля Испании. Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

Глава II

О наследственном единовластии

Я не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте. Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

[...] Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

Глава III

О смешанных государствах

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение — так что государство становится как бы смешанным, — трудно удержать над ним власть прежде всего вследствие той же естественной причины, которая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоями войска, как это неизбежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может и применить к ним крутые меры, будучи им обязан — ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско.[...]

[...] В первом случае удержать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства. [...]

Другое отличное средство — учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой есть лишь одна возможность — разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты. Колонии не требуют больших издержек, устройств и содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам. [...] По каковому поводу уместно заметить, что людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое — не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести. Если же вместо колоний поставить в стране войско, то содержание его обойдется гораздо дороже и поглотит все доходы от нового государства, вследствие чего приобретение обернется убытком; к тому же от этого пострадает гораздо больше людей, так как постой войска обременяют все население, отчего каждый, испытывая тяготы, становится врагом государю, а также враги могут ему повредить, ибо хотя они и побеждены, но остаются у себя дома. Итак, с какой стороны ни взгляни, содержание подобного гарнизона вредно, тогда как учреждение колоний полезно. [...]

Поистине страсть к завоеваниям — дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает при этом свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой. [...]

[...] Как показал опыт, Церковь и Испания благодаря Франции расширили свои владения в Италии, а Франция благодаря им потеряла там все. Отсюда можно извлечь вывод, многократно подтверждавшийся: горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается.

Глава XV

О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают

[...] Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением, смотря по надобности.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп, — если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии — это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое, — один расточителен, другой алчен: один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один

изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же — воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя и, наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

Глава XVIII

О том, как государи должны держать слово

Излишне говорить, сколь похвальная в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй — зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полужверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще

уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить. [...]

[...] Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборотили в другую сторону задует ветер фортуны, т.е., как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. Один из нынешних государей, которого воздержусь называть, только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства.

Глава XIX

О том, каким образом избегать ненависти и презрения

Наиважнейшие из упомянутых качеств мы рассмотрели; что же касается прочих, то о них я скажу кратко, предварив рассуждение одним общим правилом. Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представляют для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием,

изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности — одна изнутри, со стороны подданных, другая извне — со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир при условии, что его не нарушат тайные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствия духа, ибо, если образ его действий был таков, как я говорю, он устоит перед любым неприятелем. [...]

Что же касается подданных, то когда снаружи мир, то единственное, чего следует опасаться, — это тайные заговоры. Главное средство против них — не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо, как о том подробно сказано выше. Из всех способов предотвратить заговор самый верный — не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело, ибо трудностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа. Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко. [...]

Короче говоря, на стороне заговорщика — страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне — государя — величие власти, законы, друзья и вся мощь государства; так что если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто-нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у какого будет искать убежища. [...]

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и, наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ужесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

В наши дни хорошо устроенным и хорошо управляемым государством является Франция. В ней имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее — парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная

ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать. Однако он не стал вменять это в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ — в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых. Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства. Отсюда можно извлечь еще одно полезное правило, а именно: что дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные — исполнять сами. В заключение же повторю, что государю надлежит вызывать почтение к знати, но не вызывать ненависти в народе. [...]

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо если та часть подданных, чьего расположения ищет государь, — будь то народ, знать или войско, — развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить. [...]

Но вернемся к обсуждаемому предмету. Рассмотрев сказанное выше, мы увидим, что главной причиной гибели императоров была либо ненависть к ним, либо презрение, и поймем, почему из тех, кто действовал противоположными способами, только двоим выпал счастливый, а остальным несчастный конец. [...]

Глава XXI

Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. [...]

Величию государя способствуют также необычайные распоряжения внутри государства, [...] иначе говоря, когда кто-либо совершает что-либо значительное в гражданской жизни, дурное или хорошее, то его полезно награждать или карать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя — постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, т.е. когда он без колебаний выступает за одного против другого — это всегда лучше, чем стоять в стороне. Ибо когда двое сильных правителей вступают в схватку, то они могут быть таковы, что возможный победитель либо опасен для тебя, либо нет. В обоих случаях выгоднее открыто и решительно вступить в войну. [...]

И всегда недруг призывает отойти в сторону, тогда как друг зовет открыто выступить за него с оружием в руках. Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению.

Зато если ты бесстрашно примешь сторону одного из воюющих и твой союзник одержит победу, то как бы ни был он могуществен и как бы ты от него ни зависел, он обязан тебе — люди же не настолько бесчестны, чтобы нанести удар союзнику, выказав столь явную неблагодарность. Кроме того, победа никогда не бывает полной в такой степени, чтобы победитель мог ни с чем не считаться и в особенности — мог попрасть справедливость. Если же тот, чью сторону ты принял, проиграет войну, он примет тебя к себе и, пока сможет, будет тебе помогать, так что ты станешь собратом по несчастью тому, чье счастье, возможно, еще возродится.

Во втором случае, когда ни одного из воюющих не приходится опасаться, примкнуть к тому или к другому еще более благоразумно. Ибо с помощью одного ты разгромишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти, он же благодаря твоей поддержке неминуемо одержит победу.

Здесь уместно заметить, что лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не понуждает необходимость, как о том сказано выше. Ибо в случае победы сильного союзника ты у него в руках, государи же должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям.[...]

Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустроивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие — открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства. Он должен также занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года. Уважая цехи, или трибы, на которые разделен всякий город, государь должен участвовать иногда в их собраниях и являть собой пример щедрости и великодушия, но при этом твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке.

Глава XXII

О советниках государей

Немалую важность имеет для государя выбор советников, а каковы они будут, хороши или плохи, — зависит от благоразумия государей. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он умел распознать их способности и удержать их преданность. Если же они не таковы, то и о государе заключают соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников. [...]

Ибо умы бывают трех родов: один все постигает сам, другой может понять то, что постиг первый, третий сам ничего не постигнет и постигнутого другим

понять не может. Первый ум — выдающийся, второй — значительный, третий — негодный. [...] Ибо когда человек способен распознать добро и зло в делах и в речах людей, то, не будучи сам особо изобретательным, он сумеет отличить дурное от доброго в советах своих помощников и за доброе вознаградит, а за дурное взыщет; да и помощники его не понадеются обмануть государя и будут добросовестно ему служить.

Есть один безошибочный способ узнать, чего стоит помощник. Если он больше заботится о себе, чем о государе, и во всяком деле ищет своей выгоды, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет на него положиться. Ибо министр, в чьих руках дела государства, обязан думать не о себе, а о государе и не являться к нему ни с чем, что не относится до государя. Но и государь со своей стороны должен стараться удержать преданность своего министра, воздавая ему по заслугам, умножая его состояние, привязывая его к себе узами благодарности, разделяя с ним обязанности и почести, чтобы тот видел, что государь не может без него обходиться, и чтобы, имея достаточно богатств и почестей, не возжелал новых богатств и почестей, а также чтобы, занимая разнообразные должности, убоился переворотов. Когда государь и его министр обоюдно ведут себя таким образом, они могут быть друг в друге уверены, когда же они ведут себя иначе, это плохо кончается либо для одного, либо для другого.

Глава XXIII

Как избежать льстецов

Я хочу коснуться еще одного важного обстоятельства, а именно одной слабости, от которой трудно уберечься правителям, если их не отличает особая мудрость и знание людей. Я имею в виду лесть и льстецов, которых во множестве приходится видеть при дворах государей, ибо люди так тщеславны и так обольщаются на свой счет, что с трудом могут уберечься от этой напасти, но беда еще и в том, что, когда государь пытается искоренить лесть, он рискует навлечь на себя презрение. Ибо нет другого способа оградить себя от лести, как внушив людям, что, если они выскажут тебе всю правду, ты не будешь на них в обиде, но, когда каждый сможет говорить тебе правду, тебе перестанут оказывать должное почтение.

Поэтому благоразумный государь должен избрать третий путь, а именно: отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что, чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо

поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных. [...]

Таким образом, государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошенный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-либо опасается говорить ему правду. Многие полагают, что кое-кто из государей, слывающих мудрыми, славой своей обязаны не себе самим, а добрым советам своих приближенных, но мнение это ошибочно. Ибо правило, не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения. Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам сделался бы государем. Когда же у государя не один советник, то, не обладая мудростью, он не сможет примирить разноречивые мнения; кроме того, каждый из советников будет думать лишь о собственном благе, а государь этого не разглядит и не примет меры. Других же советников не бывает, ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость. Отсюда можно заключить, что добрые советы, кто бы их ни давал, рождаются из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов.

Печатается по: Макиавелли Н. Государь. М., 1990. С. 4, 5-7, 8, 10-12, 46-58, 66-78.

ТОМАС МОР

Мор Томас (1478-1535)

Английский философ. Основной труд – "Утопия". Критикуя экономическое и политическое состояние в Англии, Мор касался суровости английского законодательства, грозившего смертной казнью вора. Он высказывал мысль, что общество само виновато в создании тех условий, которые побуждают людей к преступлениям. Главная причина всех бед – частная собственность, а единственное средство обеспечить всеобщее благополучие – ее уничтожение. Вслед за этим Мор рисовал идеальное государство, якобы существующее в стране Утопии. Во всех подробностях он изображал общество и политический строй Утопии. Труд для всех обязателен. Женщины трудятся наравне с мужчинами. От физического труда освобождаются лишь лица, выполняющие общественные обязанности в течение указанного срока своей службы, а также ученые. Все жители острова занимаются как ремеслом, так и земледелием. Ремесло одно для всех членов семьи и передается по наследству. Тот, кто желал его переменить должен уйти в другую семью. Семья – производственная единица. В городе она насчитывает от 10 до 16 взрослых членов; сельскохозяйственная – 40. Рабочий

день – 6 часов. Не предвидя технических усовершенствований, Мор считал, что "неприятные" работы должны выполнять люди по религиозным мотивам и рабы. Рабы – осужденные преступники, смертники, выкупленные утопийцами за рубежом, военнопленные. Рабство пожизненно, но не наследственно. Все произведения труда свозятся в особые здания, откуда отец семейства бесплатно получает все необходимое. Дома и примыкающие сады, составляющие государственную собственность, распределяются между гражданами каждые 10 лет по жребию. Быт отмечается простотой. Излишки продуктов вывозятся в другие страны и 1/7 бесплатно передается туземцам, остальное продается по умеренным ценам. Золото и серебро, приобретенное при этом, хранится на случай войны. Золото не в почете. В мирное время из него делают кольца, цепи, обручи для людей опозоривших себя преступлением. Драгоценные камни – игрушки для детей. Семья патриархальная. Глава – старейший ее член. Браки в принципе не расторгимы. Расторгаются лишь в исключительных случаях, причем разведенные не могут вступить в брак вторично. Государственная власть организована демократически: все власти выборные на один год, кроме пожизненного князя. Сенат осуществляет в основном экономические функции. Должностные лица заняты главным образом организацией производства и коллективного потребления. Они не надменны и не внушают страха. Важнейшие дела решает народное собрание.

Утопийцы избегают войн, но воюют по необходимости. Законов мало. У утопийцев законоведом является каждый. Преступники не предусмотрены законом. Вопросы о преступлениях и наказаниях решаются сенатом. Мор отстаивал за назначение смертной казни рецидивистам; высказывался за веротерпимость. В Утопии существует несколько культов и нет никаких ограничений, связанных с принадлежностью к той или иной религии. Все Утопийцы обязаны верить в Бога и в бессмертие души, загробные наказания за пороки и награды за добродетели.

Утопия

Золотая книга столь же полезная,
как и забавная, о наилучшем устройстве
государства и о новом острове.

Утопия

(Во время пребывания Т. Мора в Антверпене друг Мора познакомил его с Рафаилом Гитлодеем, посетившем различные страны по обе стороны от экватора.)

...Именно Рафаил стал весьма умно перечислять сперва ошибки наши и тех народов, во всяком случае очень многочисленные с обеих сторон, а затем мудрые и благоразумные распоряжения у нас, равно как и у них.

(Рафаил рассказывает, что, будучи в Англии, он однажды присутствовал за столом у Иоана Мортонна, архиепископа кентерберийского и кардинала, а тогда также и канцлера Англии.)

...Тут же был один мирянин, знаток ваших законов. Не знаю по какому поводу он нашел удобный случай для обстоятельной похвалы тому суровому правосудию, которое применялось в то время по отношению к ворам; их, как он рассказал, вешали иногда по двадцати на одной виселице. Тем более удивительным, по его словам, выходило то, что, хотя незначительное меньшинство ускользало от казни, в силу какого-то злого рока многие все же повсюду занимались разбоями. Тогда я, рискнув говорить свободно в присутствии кардинала, заявил:

— Ничего тут нет удивительного. Такое наказание воров заходит за границы справедливости и вредно для блага государства. Оно слишком ужасно для кары за воровство и все же недостаточно для его обуздания. Действительно, простая кража не такой огромный проступок, чтобы за него рубить голову, а с другой стороны, ни одно наказание не является настолько сильным, чтобы удержать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание. В этом отношении вы, как и значительная часть людей на свете, по-видимому, подражаете плохим педагогам, которые охотнее бьют учеников, чем их учат. В самом деле, вору назначают тяжкие и жестокие муки, тогда как гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать.

...Если сказать тебе по правде мое мнение, так, по-моему, где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те содержатся отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют.

Поэтому я, с одной стороны, обсуждаю сам с собой мудрейшие и святейшие учреждения утопийцев, у которых государство управляется при помощи столь немногих законов, но так успешно, что и добродетель встречает надлежащую оценку и, несмотря на равенство имущества, во всем замечается всеобщее благоденствие. С другой стороны, наоборот, я сравниваю с их нравами столько других наций, которые постоянно создают у себя порядок, но никогда ни одна из них не достигает его; всякий называет своей собственностью то, что ему попало; каждый день издаются там многочисленные законы, но они бессильны обеспечить достижение или охрану или отграничение от других того, что каждый в свою очередь именуется своей собственностью, а это легко доказывают бесконечные и постоянно возникающие, а с другой стороны, — никогда не оканчивающиеся процессы. ...

...О НАИЛУЧШЕМ СОСТОЯНИИ ГОСУДАРСТВА...

На острове пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; язык, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. ...

Из каждого города три старых и опытных гражданина ежегодно собираются в Амауроте для обсуждения общих дел острова. Город Амаурот считается первым

и главенствующим, так как, находясь в центре страны, он по своему расположению удобен для представителей всех областей.

В деревне на всех полях имеются удобно расположенные дома, снабженные земледельческими орудиями.

В домах этих живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек — мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов. Во главе всех стоят отец и мать семейства, люди уважаемые и пожилые, а во главе каждого тридцати семейств — один филарх. Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются обратно в город; это те, кто пробыл в деревне два года. Их место занимают столько же новых из города, чтобы их обучали пробывшие в деревне год и потому более опытные в сельском хозяйстве; эти приезжие на следующий год должны учить других, чтобы в снабжении хлебом не произошло какой-либо заминки, если все одинаково будут новичками и несведущими в земледелии. Хотя этот способ обновления земледельцев является общепринятым, чтобы никому не приходилось против воли слишком долго подряд вести суровую жизнь, однако многие, имеющие природную склонность к деревенской жизни, выпрашивают себе большее число лет. ...

О ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦАХ

Каждые тридцать семейств избирают себе ежегодно должностное лицо, именуемое на их прежнем языке сифогрантом, а на новом — филархом. Во главе десяти сифогрантов с их семействами стоит человек, называемый по-старинному транибор, а ныне протофиларх.

Все сифогранты, числом двести, после клятвы, что они выберут того, кого признают наиболее пригодным, тайным голосованием намечают князя, именно, одного из тех четырех кандидатов, которых им предложил народ. Каждая четвертая часть города избирает одного и рекомендует его сенату. Должность князя несменяема в течение всей его жизни, если этому не помешает подозрение в стремлении к тирании. Траниборов они избирают ежегодно, но не меняют их зря. Все остальные должностные лица избираются только на год. Траниборы каждые три дня, а иногда, если потребуют обстоятельства, и чаще, ходят на совещания с князем. Они совещаются о делах общественных и своевременно прекращают, если какие есть, частные споры, которых там чрезвычайно мало. Из сифогрантов постоянно допускаются в сенат двое и всякий день различные. Имеется постановление, чтобы из дел, касающихся республики, ни одно не приводилось в исполнение, если оно не подвергалось обсуждению в сенате за три дня до принятия решения. Уголовным преступлением считается принимать решения по общественным делам помимо сената или народного собрания. Эта, мера, говорят, принята с той целью, чтобы нелегко было переменить государственный строй путем заговора князя с траниборами и угнетения народа тиранией. Поэтому всякое дело, представляющее значительную важность, докладывается собранию сифогрантов, которые сообщают его семействам своего отдела, а затем

совещаются между собой и свое решение сообщают сенату. Иногда дело переносится на собрание всего острова. Сенат имеет сверх того и такой обычай, что ни одно из предложений не подвергается обсуждению в тот день, когда оно впервые внесено, но откладывается до следующего заседания сената, чтобы никто не болтал зря первое, что ему взбредет на ум. ...

О ЗАНЯТИИ ремеслами

У всех мужчин и женщин есть одно общее занятие — земледелие, от которого никто не избавлен. Ему учатся все с детства. ...

Кроме земледелия... каждый изучает какое-либо ремесло, как специальное... одежду каждая семья приготовляет себе сама. ...

Главное и почти исключительное занятие сифогрантов состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом; но не с раннего утра и до поздней ночи и не утомлялся подобно скоту. Такой тяжелый труд превосходит даже долю рабов, но подобную жизнь и ведут рабочие почти повсюду, кроме утопийцев. А они делят день на двадцать четыре равных часа, причисляя сюда и ночь, и отводят для работы только шесть. ... Там в целом городе с прилегающим к нему округом, из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от нее дается едва пятистам лицам. В числе их сифогранты, хотя и имеющие по закону право не работать, тем не менее не избавляют себя от труда, желая своим примером побудить остальных охотнее браться за труд. Той же льготой наслаждаются те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов дарует навсегда это освобождение для основательного прохождения наук. ...

Из этого сословия ученых выбирают послов, духовенство, траниборов и, наконец, самого главу государства, которого на старинном языке они именуют барзаном, а на новом адемом. ...

О РАБАХ

Утопийцы не считают рабами ни военнопленных, кроме тех, кого они взяли сами в бою с ними, ни детей рабов, ни, наконец, находящихся в рабстве у других народов, кого можно было бы купить. Но они обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние, или тех, кто у чужих народов был обречен на казнь за совершенное им преступление. ...

Оскорбители брачного союза караются тягчайшим рабством. ... За прочие преступления никакой закон не устанавливает никакого определенного наказания, но за всякий ужасный и злодейский проступок кару назначает сенат. ... Обычно все наиболее тяжкие преступления караются игом рабства. По мнению утопийцев, оно является достаточно суровым для преступников и более выгодным для государства, чем спешить убить виновных и немедленно устранить их. ...

Утопийцы не только отвращают людей наказаниями от позора, но и приглашают их к добродетелям, выставляя напоказ их почетные деяния. ...

Кто путем происков добивается получить какую-либо должность, лишается надежды на достижение всех.

Между собой они живут дружно, так как ни один чиновник не проявляет надменности и не внушает страха. Их называют отцами, и они ведут себя достойно. ...

Законов у них очень мало, да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих. Они даже особенно не одобряют другие народы за то, что им представляется недостаточными бесчисленные тома законов и толкователей на них. ...

По словам утопийцев, все законы издаются только ради того, чтобы напомнить каждому об его обязанности.

...О РЕЛИГИИ УТОПИЙЦЕВ

...Каждому позволяется принадлежать к той религии, какая ему нравится; если же он будет пытаться обратить к ней других, то может устраивать это только мирным и кротким путем, силой доказательств. ...

При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются ничем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах. ...

...Я рад, что по крайней мере утопийцам выпало на долю государство такого рода, которое я с удовольствием пожелал бы для всех. Они последовали в своей жизни именно таким уставам и заложили на них основы государства не только очень удачно, но и на веки, насколько это может предсказать человеческое предположение. Они истребили у себя с прочими пороками корни честолюбия и раздора, а потому им не грозит никакой опасности, что они будут страдать от внутренних раздоров, исключительно от которых погибли многие города с их прекрасно защищенными богатствами. А при полном внутреннем согласии и наличии незыблемых учреждений эту державу нельзя поколебать соседним государям, которые под влиянием зависти давно уже и неоднократно покушались на это, но всегда получали отпор.

Печатается по: Мор Т. Утопия. М., 1978. (см.: История политических и правовых учений: Хрестоматия для юридических вузов и факультетов / Сост. и общ. ред. проф., д-р ист. наук Г.Г.Демиденко. Харьков: Факт, 1999. С.106-110).

ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА

Кампанелла Томмазо (1568-1639)

Итальянский мыслитель. Основной труд – "Город солнца". Город находится где-то у экватора на острове. Расположен на холме и разделен на 7 больших кругов, прекрасно укрепленных и почти недоступных врагу. Общественный строй характеризуется обязательностью труда и отсутствием частной собственности. Кампанелла решительно высказывался против рабства. Занятия предоставляет

каждому по его склонностям, обнаружившимся с детства. Наиболее тяжелые работы считаются самыми почетными. Все созданное трудом соляриев является общим достижением. Так как у соляриев нет частной собственности, то не они служат вещам, а вещи служат им. В идеальном государстве наблюдается осуществление некоторых принципов демократии. Два раза в месяц созывается собрание всех граждан, достигших двадцатилетнего возраста, - Большой совет, который намечает кандидатов на высшие должности государства, контролирует должностных лиц и обладает правом их смещения. Во главе государства стоит первосвященник, называемый Солнцем или Гогом. Ему помогают соправители: Пон – Сила, Син – Мудрость и Мор – Любовь. "Сила" управляет делами войны и мира, "Мудрость" - наукой и искусством, "Любовь" - деторождением, воспитанием, медициной, земледелием, а также личной жизнью и бытом. Военное дело обязательно для всех, причем женщины обучаются наравне с мужчинами. А на войне помогают им, защищая стены города. Армия для обороны. Успех обуславливается небывалой любовью к родине, стойкостью и высоким развитием военной техники. Законы у соляриев немногочисленны, кратки и ясны. Упрощено и судопроизводство, которое ведется устно. Право Кампанелла смешивал с моралью, отождествлял понятия преступления и греха, признавал за духовными лицами права на осуществления правосудия. Судят за малодушие, гордость и нерадивость. Наказания имеют целью исправления преступника. Для умышленных преступлений действует принцип талиона. В значительном числе случаев применяется смертная казнь, телесные наказания, изгнания, удаление от общего стола. Тюрем в городе Солнце нет.

Город солнца

...Верховный правитель у них священник, именующийся на их языке "Солнце" [далее в тексте Т.Кампанелла "солнце" обозначает знаком ☉], на нашем же мы назвали бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор, или по-нашему Мощь, Мудрость и Любовь.

В ведении Мощи находится все касающееся войны и мира: военное искусство, верховное командование на войне; но и в этом он не стоит выше ☉. Он управляет военными должностями, солдатами, ведает снабжением, укреплениями, осадами, военными машинами, мастерскими и мастерами, их обслуживающими.

Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственно должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук. ...

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и

лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой. В ведении того же правителя находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям. В его распоряжении находится ряд наставников и наставниц, приставленных следить за всеми этими делами.

Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные. ...

Все сверстники называют друг друга братьями; тех кто старше их на двадцать два года, зовут они отцами, а тех, кто на двадцать два года моложе — сыновьями. И должностные лица внимательно следят за тем, чтобы никто не нанес другому никакой обиды в этом братстве. ...

У них столько же должностных лиц, сколько мы насчитываем добродетелей: есть должность, называемая Великодушие, есть именуемая Мужество, затем — Целомудрие, Щедрость, Правосудие — уголовное и гражданское. Усердие, Правдолюбие, Благотворительность, Любезность, Веселость, Бодрость, Воздержанность и т. д. На каждую из подобных должностей избираются те, кого еще с детства признают в школах наиболее пригодными для ее занятия. Поэтому так же нельзя среди них встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилия, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем мы друг друга,— они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка.

...Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего,— каждый по указанию своего вождя или руководителя. Они отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству; и того почитают за знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела. ...Остальных должностных лиц избирают четыре главных правителя: ©, Пон, Син, Мор и руководители соответственных наук и ремесел, хорошо знающих, кто наиболее пригоден заведовать тем или иным мастерством и ведать ту или иную добродетель. И никто не выступает сам в качестве соискателя, как это обычно принято, а предлагается на Совете должностными лицами, где каждый на основании своих сведений высказывается за или против избрания определенного лица.

Но никто, однако, не может достичь звания © кроме того, кто знает историю всех народов, все их обычаи, религиозные обряды, законы, все республики и монархии, законодателей и изобретателей наук и ремесел и строение и историю

неба. Также почитается для этого необходимым ознакомиться со всеми ремеслами. Также надо знать и науки физические, и математические, и астрологические. Но преимущественно перед всем необходимым постичь метафизику и богословие; познать корни, основы и доказательства всех искусств и наук; сходства и различия в вещах; необходимость, судьбу и гармонию мира; мощь, мудрость и любовь в вещах и в боге; разряды сущего и соответствия его с вещами небесными, земными и морскими и с идеальными в боге, насколько это постижимо для смертных, а также изучить пророков и астрологию. Таким образом, уже задолго известно, кто станет ☉. Но никто, однако, не возводится в это звание ранее достижения тридцатипятилетнего возраста. Должность эта несменяема до тех пор, пока не найдется такого, кто окажется мудрее своего предшественника и способнее к управлению. ... Но разве может кто бы то ни было обладать такой ученостью? ...Мне ответили: "Мы, несомненно, лучше знаем, что столь образованный муж будет мудр в деле управления, чем вы, которые ставите главами правительства людей невежественных, считая их пригодными для этого лишь потому, что они либо принадлежат к влиятельному роду, либо избраны господствующей партией. А наш, пусть он даже будет совершенно неопытен в деле управления государством, никогда, однако, не будет ни жестоким, ни преступником, ни тираном именно потому, что он столь мудр".

Троим же соправителям ☉ полагается изучать лишь те науки, которые относятся к области их управления. ...

Но в Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, беседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. ...

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодьями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т.д., а богатство — надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т.д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми и вместе с тем бедными: богатыми потому что у них есть все, бедными — потому, что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им. ...

...Добавлю еще. Каждое новолуние и полнолуние собирается Совет по совершении богослужения. В нем присутствуют все от двадцати лет и старше, и всем предлагается поодиночке высказаться о том, какие должностные лица исполняют свои обязанности хорошо, какие — дурно. Каждый восьмой день собираются все должностные лица, именно Верховный ☉ и вместе с ним Мощь, Мудрость и Любовь, из которых каждому подчинены три начальника, так что всех их тринадцать. Все они ведают соответствующей отраслью управления. ...Собираются и все начальники отрядов — как женских, так и мужских — десятники, полусотники и сотники для обсуждения государственных дел и выбора

должностных лиц, которые на Большом Совете только намечаются заранее. Ежедневно ☉ и трое главных правителей совещаются о текущих делах; проверяют, утверждают и приводят в исполнение постановленное на выборах и обсуждают другие необходимые мероприятия. К жеребьевке не прибегают, кроме тех случаев, когда совершенно не знают, какое следует принять решение. Должностные лица меняются по воле народа. Но четверо высших несменяемы, если только сами по совещании между собой не передадут своего достоинства другому, кого с уверенностью считают мудрейшим, умнейшим и безупречнейшим. Они действительно настолько разумны и честны, что охотно уступают мудрейшему и сами у него поучаются, но такая передача власти случается редко.

...Все по отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства. Таким образом, все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами. К насильникам применяется смертная казнь или наказание — око за око, нос за нос, зуб за зуб и т.д., согласно закону возмездия, если преступление совершено сознательно и с заранее обдуманном намерением. Если же это случилось во время ссоры и совершенно непредумышленно, то приговор смягчается, но не самим судьей, а тремя правителями, от которых можно апеллировать к ☉, но не в порядке судопроизводства, а в порядке просьбы о помиловании, которое он может даровать. Тюрем у них нет, кроме только башни для заключения мятежных неприятелей и др. Письменного судопроизводства (того, что называется процессом) у них не ведется, но перед судьей и Мощью излагается обвинение, приводятся свидетели и говорит в свою защиту ответчик, которого судья тут же или оправдывает, или осуждает; если же он апеллирует к одному из трех правителей, то оправдание или осуждение переносится на следующий день. На третий день ответчик может быть или помилован и отпущен, или же приговор вступает в законную силу, причем ответчик примиряется со своими обвинителями и свидетелями, как с врачами своей болезни, обнимая их, целуя и т.д.

Законы их немногочисленны, кратки и ясны. Они вырезаны все на медной доске у дверей храма. ...

Печатается по: Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1954. (см.: История политических и правовых учений: Хрестоматия для юридических вузов и факультетов / Сост. и общ. ред. проф., д-р ист. наук Г.Г.Демиденко. Харьков: Факт, 1999. С.111-114).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ БРИТАНСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА

ТОМАС ГОББС

Гоббс Томас (1588-1679)

Политический мыслитель эпохи Английской революции XVII в. Гоббс продолжил макиавеллевскую линию на отрыв концепции общества и государства от теологического контекста. Отказ от теоцентрического объяснения происхождения и сущности государства в пользу рационалистического объяснения этого феномена основательно разработан Гоббсом в его трудах "О гражданине", "Левиафан". Естественное, догражданское состояние людей порождает известную формулу "Человек человеку — волк", отсюда фатальная неизбежность в обществе "войны всех" (*bellum omnium contra omnes*). С помощью разума, а также инстинкта самосохранения и страха смерти человек приходит к выводу о том, что нужно выйти из состояния "войны всех против всех", необходимо создание "общей власти", которая обеспечила бы мир и гарантировала человеку жизнь и безопасность. Состояние войны заменяется другими правилами разума, суть которых выражена в следующем: "Не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе".

Учение о государстве Гоббс развивает с помощью концепции договорного происхождения политической власти. Государство возникает на основе договора. Это своего рода консенсус, согласие, состояние воли подвластных, готовых признать политическую власть. Понятие договора в объяснении природы государства и политической жизни в целом является в теории Гоббса центральным и имеет концептуальное значение. Гоббс оставался сторонником сильной централизованной власти. Его элитистские устремления не предусматривали возможности иметь собственность в руках отдельных граждан без разрешения государства.

Феодальная реставрация, которая последовала после правления Кромвеля, запретила в Англии сочинения социального философа с его духом буржуазного правосознания. Однако имя Гоббса не стало лишь принадлежностью истории политической мысли, его труды активно используется и в наше время.

Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского

Часть II

О ГОСУДАРСТВЕ

Глава XVII

О ПРИЧИНАХ, ВОЗНИКНОВЕНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА

Цель государства — главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они

связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося [...] необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов. [...]

Каковая не гарантируется естественным законом. В самом деле, естественные законы (как *справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие* и (в общем) *поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам*) сами по себе, без страха перед какой-нибудь силой, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т.п. А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность. Вот почему, несмотря на наличие естественных законов (которым каждый человек следует, когда он желает им следовать, когда он может делать это без всякой опасности для себя), каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность. И везде, где люди жили маленькими семьями, они грабили друг друга; это считалось настолько совместимым с естественным законом, что, чем больше человек мог награть, тем больше это доставляло ему чести. В этих делах люди не соблюдали никаких других законов, кроме законов чести, а именно они воздерживались от жестокости, оставляя людям их жизнь и сельскохозяйственные орудия. Как прежде маленькие семьи, так теперь города и королевства, являющиеся большими родами для собственной безопасности, расширяют свои владения под всяческими предлогами: опасности, боязни завоеваний или помощи, которая может быть оказана завоевателю. При этом они изо всех сил стараются подчинить и ослабить своих соседей грубой силой и тайными махинациями, и, поскольку нет других гарантий безопасности, они поступают вполне справедливо, и в веках их деяния вспоминают со славой.

А также соединением небольшого количества людей или семейств. Гарантией безопасности не может служить также объединение небольшого числа людей, ибо малейшее прибавление к той или иной стороне доставляет ей такое большое, преимущество в физической силе, которое вполне обеспечивает ей победу и потому поощряет к завоеванию. То количество сил, которому мы можем доверять нашу безопасность, определяется не каким-то числом, а отношением этих сил к силам врага; в таком случае для нашей безопасности достаточно, когда избыток сил на стороне врага не настолько велик, чтобы он мог решить исход войны и побудить врага к нападению.

Ни множеством людей, из которых каждый руководствуется собственным суждением. Пусть имеется какое угодно множество людей, однако

если каждый будет руководствоваться в своих действиях лишь частными суждениями и стремлениями, они не могут ожидать защиты и покровительства ни от общего врага, ни от несправедливостей, причиненных друг другу. Ибо, будучи несогласными во мнениях относительно лучшего использования и применения своих сил, они не помогают, а мешают друг другу и взаимным противодействием сводят свои силы к нулю, вследствие чего они не только легко покоряются немногочисленным, но более сплоченным врагом, но и при отсутствии общего врага ведут друг с другом войну за свои частные интересы. В самом деле, если бы мы могли предположить, что большая масса людей согласна соблюдать справедливость и другие естественные законы при отсутствии общей власти, держащей их в страхе, то мы с таким же основанием могли бы предположить то же самое и относительно всего человеческого рода, и тогда не существовало бы, да и не было бы никакой необходимости в гражданском правлении или государстве, ибо тогда существовал бы мир без подчинения.

Что то и дело повторяется. Для безопасности, которую люди желали бы продлить на все время их жизни, недостаточно, чтобы они управлялись и направлялись единой волей в течение какого-то времени, например в ходе одной битвы или войны. Ибо хотя они и одерживают победу против иноземного врага благодаря своим единодушным усилиям, однако потом, когда общего врага уже нет или когда одна партия считает врагом того, кого другая считает другом, они в силу различия своих интересов должны по необходимости разобщиться и снова быть ввергнутыми в междоусобную войну. [...]

Происхождение государства (Commonwealth). Определение государства. Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воли и суждению носителя общего лица. Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: *я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия.* Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким

образом в одном лице, называется *государством*, по-латыни — *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть *единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех, их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты.*

Что такое суверен и подданный. Тот, кто является носителем этого лица, называется *сувереном*, и о нем говорят, что он обладает *верховой властью*, а всякий другой является *подданным*.

Для достижения верховной власти имеются два пути. Один — это физическая сила, например, когда кто-нибудь заставляет своих детей подчиниться своей власти под угрозой погубить их в случае отказа или когда путем войны подчиняют своей воле врагов, даруя им на этом условии жизнь. Второй — это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеют защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанным на *установлении*, а государство, основанное первым путем, — государством, основанным на *приобретении*. [...]

ГЛАВА XIX

О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ГОСУДАРСТВ, ОСНОВАННЫХ НА УСТАНОВЛЕНИИ, И О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Различных форм государства может быть только три. Различие государств заключается в различии суверена, или лица, являющегося представителем всех и каждого из массы людей. А так как верховная власть может принадлежать или одному человеку, или собранию большого числа людей, а в этом собрании могут иметь право участвовать или каждый, или лишь определенные люди, отличающиеся от остальных, то отсюда ясно, что могут быть лишь три вида государства. Ибо представителем должны быть или один человек, или большее число людей, а это — собрание или всех, или только части. Если представителем является один человек, тогда государство представляет собой *монархию*; если — собрание всех, кто хочет участвовать, тогда это *демократия*, или народоправство; а если верховная власть принадлежит собранию лишь части горожан, тогда это *аристократия*. Других видов государства не может быть, ибо

или один, или многие, или все имеют верховную власть (неделимость которой я показал) целиком. [...]

ГЛАВА XX

ОБ ОТЕЧЕСКОЙ И ДЕСПОТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Государство, основанное на приобретении. *Государство*, основанное на *приобретении*, есть такое государство, в котором верховная власть приобретена силой. А верховная власть приобретена силой, когда люди — каждый в отдельности или все вместе — большинством голосов из боязни смерти или неволи принимают на свою ответственность все действия того человека или собрания, во власти которого находится их жизнь и свобода.

В чем его отличие от государства, основанного на установлении. Эта форма господства, или верховной власти, отличается от верховной власти, основанной на установлении, лишь тем, что люди, которые выбирают своего суверена, делают это из боязни друг друга, а не из страха перед тем, кого они облачают верховной властью; в данном же случае они отдают себя в подданство тому, кого они боятся. В обоих случаях побудительным мотивом является страх, что следует заметить тем, кто считает недействительными всякие договоры, заключенные из страха смерти или насилия. Если бы это мнение было верно, то никто ни в каком государстве не был бы обязан к повиновению. Верно, что в государствах, однажды установленных или приобретенных, обещания, данные под влиянием страха смерти или насилия, не являются договорами и не имеют никакой обязательной силы, если обещанное противоречит законам; но такие обещания лишены обязательной силы не потому, что они даны под влиянием страха, а потому, что обещающий не имеет права на то, что он обещает. Точно так же если обещающий может на законном основании выполнить свое обещание и не делает этого, то его освобождает от этой обязанности не недействительность договора, а решение суверена. Во всех же других случаях всякий, кто на законном основании обещает что-либо, совершает беззаконие, если нарушает свое обещание. Но если суверен, являющийся уполномоченным, освобождает обещающего от его обязательства, тогда последний, как доверитель, может считать себя свободным.

Права верховной власти в обоих случаях одинаковы. Однако права и последствия верховной власти в обоих случаях одинаковы. Власть суверена, приобретшего верховную власть силой, не может быть без его согласия перенесена на другого; такой суверен не может быть лишен власти, не может быть обвинен кем-либо из своих подданных в несправедливости, не может быть наказан своими подданными. Он является судьей того, что необходимо для поддержания мира; он решает вопрос об учениях; он является единственным законодателем и верховным судьей во всех спорах; он определяет время и повод для объявления войны и заключения мира; ему принадлежит право избирать должностных лиц, советников, военачальников и всех других чиновников и исполнителей, а также устанавливать награды, наказания, почести и ранги. Основанием для этих прав и их последствий служат те же соображения, которые мы приводили в предыдущей

главе в пользу аналогичных прав и последствий верховной власти, основанной на установлении.

Как добиваются отеческого господства. Господство может быть приобретено двояким путем: путем рождения и путем завоевания. Право господства на основе рождения есть право родителя над своими детьми, а такая власть называется *отеческой*. Но это право не производится от факта рождения в том смысле, будто родитель имеет господство над своими детьми на том основании, что он родил их, а производится оно из согласия детей, ясно выраженного или тем или иным путем достаточно выявленного. Ибо что касается рождения, то Бог назначил мужчине помощника, и всегда имеются двое, одинаково являющиеся родителями. Если бы господство над детьми обуславливалось актом рождения, то оно должно было принадлежать обоим в одинаковой степени и дети должны были быть подчинены в равной мере обоим, что невозможно, ибо никто не может повиноваться двум господам. А если некоторые приписывали это право лишь мужчине как превосходящему полу, то они в этом ошибались. Ибо не всегда имеется такая разница в силе и благоразумии между мужчиной и женщиной, чтобы это право могло быть установлено без войны. В государствах этот спор решается гражданским законом, и в большинстве случаев (если не всегда) это решение бывает в пользу отца, так как большая часть государств была учреждена отцами, а не матерями семейств. Однако сейчас речь идет о чистом, естественном состоянии, где нет ни законов о браке, ни законов, касающихся воспитания детей, а есть лишь естественные законы и естественная склонность полов друг к другу и к детям. В этом состоянии вопрос о власти над детьми родители или регулируют между собой договором, или совсем не регулируют. Если они заключают на этот счет договор, то право достается тому, кто указан в договоре. Мы знаем из истории, что амазонки заключали с мужчинами соседних стран, к содействию которых они прибегали в целях производства потомства, договор, согласно которому мужское потомство должно было направляться к отцам, а женское оставлено матерям. Таким образом, власть над женским потомством принадлежала у них матери.

Или на основе воспитания. При отсутствии договора власть над детьми должна принадлежать матери. В самом деле, в чистом, естественном состоянии, где нет законов о браке, нельзя узнать, кто является отцом, если нет соответствующего заявления матери; поэтому право господства над детьми зависит от ее воли и, следовательно, является ее правом. Мало того, так как мы видим, что ребенок первое время находится во власти матери, так что она может или кормить его, или подкинуть, то, если она его кормит, он обязан своей жизнью матери и поэтому обязан ей повиновением больше, чем кому-либо другому, и, следовательно, ей принадлежит господство над ним. Если же мать подкидывает своего ребенка, а другой его находит и кормит, то господство принадлежит тому, кто его кормит, ибо ребенок обязан повиноваться тому, кто сохранил ему жизнь. В самом деле, так как сохранение жизни является той целью, ради которой один

человек становится подданным другого, то представляется, что всякий человек обещает повиновение тому, в чьей власти спасти или погубить его.

Или на основании передачи подданства от одного из родителей другому. Если мать является подданной отца, ребенок находится во власти отца, а если отец — подданный матери (как это бывает, когда королева выходит замуж за кого-нибудь из своих подданных), то ребенок является подданным матери.

Если мужчина и женщина, являющиеся монархами разных королевств, имеют ребенка и определяют договором, кто должен иметь господство над ним, то это право приобретает согласно договору. При отсутствии же договора вопрос решается местожительством ребенка, ибо суверен каждой страны имеет господство над всеми, живущими в ней.

Тот, кто господствует над детьми, господствует также над детьми этих детей и над детьми детей этих детей. Ибо тот, кто господствует над личностью человека, господствует над всем, что этот человек имеет, без чего господство — пустой титул без всякого реального значения. [...]

Глава XXI

О СВОБОДЕ ПОДДАННЫХ

Что такое свобода. *Свобода* означает отсутствие сопротивления (под сопротивлением я разумею внешнее препятствие для движения), и это понятие может быть применено к неразумным созданиям и неодушевленным предметам не в меньшей степени, чем к разумным существам. Ибо если что-либо так связано или окружено, что оно может двигаться лишь внутри определенного пространства, ограниченного сопротивлением какого-либо внешнего тела, то мы говорим, что это нечто не имеет свободы двигаться дальше. Подобным же образом о живых существах, пока они заперты или сдерживаются стенами или цепями, а также о воде, которая удерживается берегами или посудой и которая иначе разлилась бы по большому пространству, мы обыкновенно говорим, что они не имеют свободы двигаться так, как они двигались бы без этих внешних препятствий. Но если препятствие движению кроется в самом устройстве вещи, например, когда камень находится в покое или когда человек прикован болезнью к постели, тогда мы обычно говорим, что эта вещь лишена не свободы, а способности движения.

Что значит быть свободным человеком. Согласно этому собственному и общепринятому смыслу слова, *свободный человек* — тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать. Но если слово "свобода" применяется к вещам, не являющимся телами, то это злоупотребление словом, ибо то, что не обладает способностью движения, не может встречать препятствия. Поэтому когда, к примеру, говорят, что дорога свободна, то имеется в виду свобода не дороги, а тех людей, которые по ней беспрепятственно двигаются. А когда мы говорим "свободный дар", то понимаем под этим не свободу подарка, а свободу дарящего, не принужденного к этому дарению каким-либо законом или договором. Точно так же когда мы *свободно говорим*, то это свобода не голоса или

произношения, а человека, которого никакой закон не обязывает говорить иначе, чем он говорит. Наконец, из употребления слов "свобода воли" можно делать заключение не о свободе воле, желания или склонности, а лишь о свободе человека, которая состоит в том, что он не встречает препятствий к совершению того, к чему его влекут его воля, желание или склонность. [...]

Глава XXII

О ПОДВЛАСТНЫХ ГРУППАХ ЛЮДЕЙ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЧАСТНЫХ

Различные виды групп людей. Изложив свой взгляд на возникновение, формы и власть государств, я намерен в ближайшем говорить об их частях. И прежде всего я буду говорить о группах людей, которые сопоставимы со сходными частями, или мускулами, естественного тела. Под *группой* людей я подразумеваю известное число людей, объединенных общим интересом или общим делом. Одни из этих групп людей называются *упорядоченными*, другие — *неупорядоченными*. *Упорядоченными* называются те, в которых один человек или собрание людей выступают в качестве представителей всей группы. Все другие группы называются *неупорядоченными*.

Из упорядоченных групп некоторые *абсолютны* и *независимы*, будучи подвластны лишь своим представителям. Таковы лишь государства, о чем я уже говорил в предшествующих пяти главах. Другие *зависимы*, т.е. подвластны какой-нибудь верховной власти, *подданными* второй являются как каждый член этих групп, так и их представители.

Из подвластных групп некоторые являются *политическими*, другие — *частными*. Политическими (иначе называемыми *политическими телами* и *юридическими лицами*) являются те группы людей, которые образованы на основании полномочий, данных им верховной властью государства. *Частными* являются те, которые установлены самими подданными или образованы на основании полномочий, данных чужеземной властью. Ибо все, что в государстве образовано на основании полномочий, данных иностранной верховной властью, не может иметь публично-правового характера, а имеет лишь частный характер.

Из частных групп одни *законны*, другие *противозаконны*. Законны те, которые допущены государством, все другие *противозаконны*. *Неупорядоченными* называются те группы, которые, не имея никакого представительства, являются лишь скоплением людей. Если оно не запрещено государством и не имеет дурных целей (как, например, стечение народа на базарах, на публичных зрелищах или по какому-нибудь другому невинному поводу), то оно законно. Если же намерения дурны или (в случае значительного числа людей) не известны, то оно противозаконно.

Во всех политических телах власть представителей ограничена. В политических телах власть представителей всегда ограничена, причем границы ей предписываются верховной властью, ибо неограниченная власть есть абсолютный суверенитет. И в каждом государстве суверен является абсолютным представителем всех подданных. Поэтому всякий другой может быть

представителем части этих подданных лишь в той мере, в какой это разрешается сувереном. Но разрешить политическому телу подданных иметь абсолютное представительство всех его интересов и стремлений значило бы уступить соответствующую часть власти государства и разделить верховную власть, что противоречило бы целям водворения мира среди подданных и их защиты. Такого намерения нельзя предположить у суверена при каком бы то ни было акте пожалования, если суверен одновременно с этим ясно и определенно не освобождает указанной части подданных от их подданства. Ибо высказывание суверена не является знаком его воли, когда другое высказывание является знаком противоположного. Это высказывание является скорее знаком заблуждения и недоразумения, которым слишком подвержен весь человеческий род.

Познание границ власти, данной представителям политического тела, может быть почерпнуто из двух источников. Первый — это грамота, данная сувереном, второй — закон государства.

Из грамоты. В самом деле, хотя при установлении и приобретении государства не требуется никакой грамоты, ибо государства независимы и власть представителя государства не имеет никаких других границ, кроме тех, которые установлены неписаными естественными законами, однако в подвластных телах требуется столько разнообразных ограничений в отношении круга их задач, места и времени, что их нельзя запомнить без писаной грамоты и нельзя познать без такой жалованной грамоты, которую могли бы читать те, которым это ведать надлежит, и которая одновременно с этим была бы скреплена или удостоверена печатью или другими обычными знаками высочайшего одобрения.

И из законов. И так как такие границы не всегда легко и даже не всегда возможно установить в грамоте, то обычные законы, общие для всех подданных, должны определить, что может законным образом делать представитель во всех тех случаях, о которых умалчивает грамота.

Если представитель один человек, то его недозволенные действия являются его собственными. И поэтому если один представитель политического тела совершит что-либо в качестве представителя, что не дозволено ни грамотами, ни законами, то это является его собственным актом, а не актом всего тела или какого-нибудь другого его члена помимо него. Ибо за пределами, очерченными грамотами или законами, он не представляет никого, кроме своей личности. Но то, что он совершает в соответствии с грамотами и законами, является действием каждого члена политического тела, ибо за каждый акт суверена ответственным является любой подданный, так как суверен является неограниченным уполномоченным своих подданных, а акт того, кто не отступает от грамоты суверена, является актом суверена, и посему ответственность за него ложится на каждого члена тела.

Если представителем является собрание, то его действия являются действиями только тех, кто их санкционировал. Если же представителем является общее собрание, то всякое постановление этого собрания,

противоречащее грамотам или законам, является актом этого собрания, или политического тела, а также актом каждого члена этого собрания, который своим голосом способствовал принятию постановления, но оно не является актом такого члена собрания, который, присутствуя на собрании, голосовал против или отсутствовал, если только он не голосовал за при посредстве доверенного лица. Постановление является актом собрания, ибо оно принято большинством голосов, и, если это постановление преступно, собрание может быть подвергнуто наказанию, соответствующему его искусственному характеру. Оно может быть, например, распущено, или лишено грамоты (что для таких искусственных и фиктивных тел есть смертная казнь), или (если собрание имеет общий капитал) подвергнуто денежному штрафу. Ибо физическому наказанию политическое тело не может быть подвергнуто по самой своей природе. Члены же собрания, не подавшие своего голоса за, не виновны, потому что собрание не может никого представлять в делах, не дозволенных его грамотой, и, следовательно, постановление собрания не может быть вменено им в вину. [...]

Тайные интриги. Если верховная власть принадлежит многочисленному собранию и несколько членов этого собрания, не имея на то полномочий, подговаривают часть собрания захватить в свои руки руководство остальными, то это крамола и преступный заговор, ибо это злостное развращение собрания в своих личных интересах. Но если тот, чье частное дело обсуждается и решается в собрании, старается расположить в свою пользу возможно больше членов его, то он не совершает никакого преступления, ибо в этом случае он не является частью собрания. И если даже он располагает членов собрания в свою пользу подкупом, то это все же не является преступлением (если только это не запрещено определенным законом). Ибо иногда (таковы уж нравы людей) невозможно добиться справедливости без подкупа, и каждый человек может считать свое дело правым до тех пор, пока оно не слушалось и не решалось в суде.

Междоусобицы. Если частное лицо в государстве содержит больше слуг, чем это требуется для управления его состоянием и для того законного дела, ради которого он их применяет, то это заговор и преступление. Ибо, пользуясь защитой государства, подданный не нуждается в защите собственной силой. И так как у народов не вполне цивилизованных многочисленные семьи жили в непрерывной вражде и нападали друг на друга с помощью собственной челяди, то отсюда достаточно очевидно, что они совершали преступления или же что у них не было государства.

Заговоры. Как заговоры в пользу родственников, так и заговоры в пользу господства той или другой религии (например, заговоры папистов, протестантов и т.п.) или заговоры сословий (например, заговоры патрициев и плебеев в Древнем Риме и аристократических и демократических партий в Древней Греции) незаконны, ибо все такие заговоры противоречат интересам мира и безопасности народа и вырывают меч из рук суверена.

Скопление народа является неупорядоченной группой людей, законность или незаконность которой зависит от повода к скоплению и от числа собравшихся. Если повод законен и явен, скопление законно. Таково, например, обычное скопление народа в церкви или на публичных зрелищах, если число собравшихся не выходит из обычных рамок, ибо, если число собравшихся слишком велико, повод неясен, и, следовательно, всякий, кто не может дать подробного и ясного отчета о мотивах своего пребывания в толпе, должен считаться преследующим противозаконные и мятежные цели. Можно считать вполне законным для тысячи человек составить общую петицию, которая должна быть представлена судье или должностному лицу, однако если тысяча человек пойдет подавать ее, то это уже мятежное сборище, ибо для этой цели достаточно одного или двух человек. Однако в подобных случаях собрание делается незаконным вследствие не какого-нибудь установленного числа собравшихся, а вследствие такого их числа, которое представители власти не способны укротить или передать в руки правосудия. [...]

Печатается по: Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 129-133, 144, 154-157, 163, 164, 173-176, 184, 185.

ДЖОН ЛОКК

Локк Джон (1632-1704)

Английский философ – просветитель и политический мыслитель. В его учении объяснены проблемы естественного состояния людей, формирование гражданского общества и возникновение государства. Он считается одним из основателей теории разделения властей как главного элемента правового государства. Для системы взглядов Локка важное значение имело обоснование частной собственности как неотъемлемого атрибута самого человека. Это обоснование было развернуто в "Опыте о законе природы" и "Двух трактатах о государственном правлении". В этих трудах получили развитие многие важные проблемы, вставшие перед общественно-политической мыслью европейского Просвещения. Концепция разделения властей (Локк выделяет законодательную, исполнительную и федеративную) положило начало идеологии буржуазного либерализма. Законодательная власть принадлежит парламенту; исполнительная власть — в основном суду и армии; федеративная власть (отношение с другими государствами) — королю и министрам. Король — глава исполнительной и федеративной власти. Полномочия правительства определяются законом. Законодательная власть является верховной в сравнении с другими. Законодательная и исполнительная власти не должны находиться в одних руках, ибо в противном случае носители такой власти приобретают интересы, становящиеся отличными от интересов всего сообщества и противоречащими целям общества и правления. Разделение властей служит гарантом гражданского общества от произвола всякой авторитарной власти. При рассмотрении различного происхождения, размеров, целей и видов власти Локк отчетливо

говорит о наличии политической власти "там, где люди имеют в своем распоряжении собственность; а деспотическая распространяется на тех, кто совершенно не имеет никакой собственности".

Локк существенно продвинул разработку буржуазных, можно сказать, современных взглядов на собственность и власть, характер их взаимоотношений. Его политические и правовые взгляды тесно переплетались с экономическими воззрениями, им поднимались и актуальные проблемы экономической теории.

Два трактата о правлении

Книга вторая

ГЛАВА II

О естественном состоянии

[...] 4. Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это — *состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли.

Это также *состояние равенства*, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого. Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления, если только господь и владыка их всех каким-либо явным проявлением своей воли не поставит одного над другим и не облечет его посредством явного и определенного назначения бесспорным правом на господство и верховную власть.

Глава III

О состоянии войны

16. *Состояние войны* есть состояние вражды и разрушения. И следовательно, сообщая словом или действием не об опрометчивом и поспешно принятом, но о продуманном и твердом решении лишить жизни другого человека, сделавший это *вовлекает себя в состояние войны* с тем, в отношении кого он заявил о подобном намерении, и, таким образом, подвергает свою собственную жизнь опасности со стороны другого или всякого, кто будет помогать тому защищаться и примет его сторону. Вполне здраво и справедливо, чтобы я обладал правом уничтожить то, что угрожает мне уничтожением. Ибо *по основному закону природы* нужно стремиться *оберегать человека* насколько возможно; когда нельзя уберечь всех, то необходимо в первую очередь думать о безопасности невинных. И человек может уничтожить того, кто с ним воюет или проявляет враждебность

по отношению к нему и является угрозой для его существования, по той же причине, по которой он может убить *волка* или *льва*; ведь люди эти не связаны узами общего закона разума, ими руководят только сила и насилие, и, следовательно, их можно рассматривать как хищных зверей, как опасных и вредных существ, которые несомненно уничтожат человека, как только он окажется в их власти.

17. Отсюда следует, что тот, кто пытается полностью подчинить другого человека своей власти, тем самым *вовлекает себя в состояние войны* с ним; это следует понимать как объявление об умысле против его жизни. Ибо у меня имеется основание заключить, что тот, кто хочет подчинить меня своей власти без моего согласия, будет поступать со мной, добившись своего, как ему заблагорассудится, и может даже уничтожить меня, если у него будет такая прихоть; ведь никто не может желать *иметь меня в своей неограниченной власти*, если только он не собирается принудить меня силой к тому, что противоречит праву моей свободы, т.е. сделать меня рабом. Быть свободным от подобной силы является единственным залогом моего сохранения; и разум побуждает меня смотреть на него как на врага моей безопасности, который стремится отнять у меня *свободу*, обеспечивающую ее; таким образом, тот, кто *пытается поработить* меня, тем самым ставит себя в состояние войны со мной. Того, кто в естественном состоянии *пожелал бы отнять свободу*, которой обладает всякий в этом состоянии, по необходимости следует считать умышляющим отнять и все остальное, поскольку *свобода* является основанием всего остального. Подобным же образом того, кто в общественном состоянии пожелал бы отнять *свободу*, принадлежащую членам этого общества или государства, следует подозревать в умысле отнять у них и все остальное и, таким образом, считать находящимися в *состоянии войны*.

Глава VIII

О возникновении политических обществ

95. Поскольку люди являются, как уже говорилось, по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного *согласия*. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и *надевает на себя узы гражданского общества*, — это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом *согласилось создать сообщество* или государство, то они тем самым уже объединены и составляют *единый политический организм*, в котором *большинство* имеет право действовать и решать за остальных.

96. Ведь когда какое-либо число людей создало с согласия каждого отдельного лица *сообщество*, то они тем самым сделали это *сообщество* единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению *большинства*. Ведь то, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц, а поскольку то, что является единым целым, должно двигаться в одном направлении, то необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда его влечет большая сила, которую составляет *согласие большинства*: в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым, *единым сообществом*, как на то согласились все объединенные в него отдельные лица; и, таким образом, каждый благодаря этому согласию обязан подчиняться *большинству*. И вот почему мы видим, что в законодательных собраниях, облеченных властью силою положительных законов, в тех случаях, когда в положительном законе, который облек их властью, не указано число, *действие большинства* считается действием целого и, разумеется, определяет силу целого, которой по закону природы и разума оно обладает.

97. И таким образом, каждый человек, согласившись вместе с другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению *большинства* и считать его окончательным; в противном же случае этот *первоначальный договор*, посредством которого он вместе с другими вступил в одно общество, не будет что-либо значить и вообще не будет договором, если этот человек останется свободным и не будет иметь никаких иных уз, кроме тех, которые он имел, находясь в естественном состоянии. Ведь как тогда будет выглядеть любой договор? Какое это будет новое обязательство, если человек будет связан любыми постановлениями общества лишь постольку, поскольку он сам это считает удобным и дал на это свое согласие? Ведь тогда он будет все еще пользоваться такой же свободой, какой он пользовался до этого договора или какой пользуется человек, находящийся в естественном состоянии, который может побудить себя и согласиться на любые действия, если он считает их подходящими для себя.

Глава IX

О целях политического общества и правления

123. Если человек в естественном состоянии так свободен, как об этом говорилось, если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему расстается он со своей свободой, почему отказывается он от этой империи и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается самый очевидный ответ, что хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Ведь, поскольку все являются властителями в такой же степени, как и он сам, поскольку каждый человек ему

равен, а большая часть людей не особенно строго соблюдает равенство и справедливость, постольку пользование собственностью, которую он имеет в этом состоянии, весьма небезопасно, весьма ненадежно. Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния, которое хотя и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений; и не без причины он разыскивает и готов присоединиться к обществу тех, кто уже объединился или собирается объединиться ради взаимного *сохранения* своих жизней, свобод и владений, что я называю общим именем "собственность".

124. Поэтому-то великой и *главной целью* объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства *является сохранение их собственности*. А для этого в естественном состоянии не хватает многого.

Во-первых, не хватает *установленного*, определенного, известного закона, который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости и служил бы тем общим мериллом, при помощи которого разрешались бы между ними все споры. Ведь хотя закон природы ясен и понятен всем разумным существам, однако люди руководствуются своими интересами, к тому же они его не знают, так как не изучали, и поэтому не склонны признавать его в качестве закона, обязательного для них в применении к их конкретным делам.

125. *Во-вторых*, в естественном состоянии не хватает *знающего и беспристрастного судьи*, который обладал бы властью разрешать все затруднения в соответствии с установленным законом. Ибо каждый в этом состоянии является одновременно и судьей, и исполнителем закона природы, а люди пристрастны к себе, и страсть и месть очень даже могут завести их слишком далеко и заставить проявить слишком большую горячность в тех случаях, когда дело касается их самих; точно так же небрежность и безразличие могут сделать их слишком невнимательными к делам других людей.

126. *В-третьих*, в естественном состоянии часто недостает *силы*, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и *привести* его в исполнение. Те, кто совершает какую-либо несправедливость, вряд ли удержатся от того, чтобы силой настоять на своем, когда они в состоянии это сделать; подобное сопротивление, часто делает наказание опасным и нередко гибельным для тех, кто пытается его осуществить.

127. Таким образом, люди, несмотря на все преимущества естественного состояния, находятся в скверных условиях, пока они в нем пребывают, и быстро вовлекаются в общество. Вот почему получается так, что мы редко видим, чтобы какое-либо количество людей сколько-нибудь длительное время жило вместе в этом состоянии. Неудобства, которым они при этом подвергаются в результате беспорядочного и ненадлежащего применения власти, которой обладает каждый человек для наказания проступков других, вынуждают их искать убежища под сенью установленных правительством законов, и здесь они стремятся найти *сохранение своей собственности*. Именно это побуждает их столь охотно

отказываться от того индивидуального права на наказание, которым обладает каждый, для того чтобы оно осуществлялось только тем из них, кто будет назначен на это, и посредством тех законов, о которых согласятся сообщество или уполномоченные на то лица. И вот это-то является первоначальным *правом и источником* как *законодательной*, так и *исполнительной власти*, а равно и самих правительств и обществ.

128. Ведь в естественном состоянии, не говоря о свободе, которой человек обладает для невинных развлечений, он обладает двумя видами власти.

Во-первых, это власть делать то, что он считает необходимым для сохранения себя и других в рамках *закона природы*. По этому закону, общему для всех, он и все остальное *человечество представляют собой одно сообщество*, составляют единое общество, отличное от всех других творений. И если бы не разложение и порочность выродившихся людей, то не требовалось бы никакого другого; не было бы необходимости, чтобы люди отделялись от этого великого и естественного сообщества и посредством положительных соглашений составляли ряд меньших отдельных объединений.

Другая власть, которой обладает человек в естественном состоянии, — это *власть наказывать за преступления*, совершенные против данного закона. От обоих этих видов власти он отказывается, когда присоединяется к частному, если я могу так выразиться, или отдельному политическому обществу и вступает в какое-либо государство, отделенное от остального человечества.

129. От *первой власти, viz. совершать все, что он считает необходимым для сохранения себя* и остальной части человечества, он отказывается ради того, чтобы это регулировалось законами, созданными обществом, в той мере, в какой этого потребует сохранение его самого и остальной части этого общества; а эти законы общества во многих отношениях ограничивают ту свободу, которую он имел по закону природы.

130. *Во-вторых, от власти наказывать он отказывается* полностью и употребляет свою естественную силу (которую он до того мог использовать для исполнения закона природы по своему собственному единоличному решению, когда считал это необходимым) для оказания помощи исполнительной власти общества в той мере, в какой этого потребует закон. Ведь, находясь теперь в новом состоянии, в котором он будет пользоваться многими благами благодаря труду, помощи и обществу других членов того же сообщества, равно как и защитой всей его силы, он должен также расстаться в такой же мере со своей естественной свободой ради обеспечения себя, в какой этого потребует благо, процветание и безопасность общества; это не только необходимо, но и справедливо, поскольку остальные члены общества поступают подобным же образом.

131. Но хотя люди, когда они вступают в общество, отказываются от равенства, свободы и исполнительной власти, которыми они обладали в естественном состоянии, и передают их в руки общества, с тем чтобы в

дальнейшем этим располагала законодательная власть в той мере, в какой этого будет требовать благо общества, все же это делается каждым лишь с намерением как можно лучше сохранить себя, свою свободу и собственность (ведь нельзя предполагать, чтобы какое-либо разумное существо сознательно изменило свое состояние на худшее). Власть общества или созданного людьми *законодательного органа никогда не может простираться далее, нежели это необходимо для общего блага*; эта власть обязана охранять собственность каждого, не допуская тех трех неудобств, о которых говорилось выше и которые делали естественное состояние столь небезопасным и ненадежным. И кто бы ни обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным *постоянным законам*, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов; править с помощью *беспристрастных справедливых судей*, которые должны разрешать споры посредством этих законов, и применять силу сообщества в стране *только при выполнении таких законов*, а за рубежом — для предотвращения вреда или для получения возмещения за него и для охраны сообщества от вторжений и захватов. И все это должно осуществляться ни для какой иной *цели*, но только в интересах *мира, безопасности и общественного блага* народа.

Глава X

О формах государства

132. Поскольку с момента объединения людей в общество большинство обладало, как было показано, всей властью сообщества, то оно могло употреблять всю эту власть для создания время от времени законов для сообщества и для осуществления этих законов назначенными им должностными лицами; в этом случае *форма* правления будет представлять собой совершенную *демократию*; или же оно может передать законодательную власть в руки нескольких избранных лиц и их наследников или преемников, и тогда это будет *олигархия*; или же в руки одного лица, и тогда это будет *монархия*; если в руки его и его наследников, то это *наследственная монархия*; если же власть передана ему только пожизненно, а после его смерти право назначить преемника возвращается к большинству, то это *выборная монархия*. И в соответствии с этим сообщество может устанавливать сложные и смешанные формы правления и в зависимости от того, что оно считает лучшим. И если законодательная власть первоначально была передана большинством одному или нескольким лицам лишь пожизненно или на какое-то ограниченное время, а затем верховная власть снова должна была вернуться к большинству, то, когда это происходило, сообщество могло снова передать ее в какие ему угодно руки и, таким образом, создать новую форму правления. Ибо *форма правления зависит от того, у кого находится* верховная власть, которая является *законодательной* (невозможно предположить, чтобы низшая власть предписывала высшей или чтобы кто бы то ни было, кроме верховной власти,

издавал законы); в соответствии с этим *форма государства* определяется тем, у кого находится законодательная власть.

133. Под *государством* я все время подразумеваю не демократию или какую-либо иную форму правления, *но любое независимое сообщество* (any independent community), которое латиняне обозначили словом "civitas"; этому слову в нашем языке лучше всего соответствует слово "государство" (commonwealth), оно более точно выражает понятие, обозначающее такое общество людей, а английские слова "община" (community) или "город" (city) его не выражают, ибо в государстве могут быть подчиненные общины, а слово "город" у нас имеет совершенно иное значение, чем "государство". [...]

Печатается по: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 263, 264, 270-272, 317, 318, 334-338.

ФРАНЦУЗСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА

МАРИ ФРАНСУА ВОЛЬТЕР

Вольтер Мари Франсуа (1694-1778)

Французский писатель, философ, историк. Член французской академии. Был заточён в Бастилию за эпиграммы против регента. В 1726 выслан в Англию. Его английские впечатления отражены в "Философских письмах", в которых он показал, что общественный строй Англии превосходит французский, где господствует абсолютизм; это сочинение было осуждено французским парламентом. Слова "раздавите гадину" (т.е. католическую церковь) — девиз Вольтера. Его творчество подчинено борьбе с религиозной нетерпимостью и мракобесием. Он выступал в защиту жертв религиозного фанатизма. В 60-х гг. наряду с идеалом просвещенной монархии Вольтер выдвигал идеал республики как наиболее разумной формы правления ("Республиканские идеи"). Вольтер являлся наиболее ярким выразителем прогрессивного общественного мнения Европы. По своим философским взглядам Вольтер — денет, последователь Дж.Локка. Придерживаясь материалистического объяснения природы, Вольтер не отказывался от идеи Бога как первопричины, сообщившей материи движение и способность ощущать и мыслить. В религии видел и узду моральную и социальную, необходимую, чтобы охранять частную собственность и общественный порядок. Сочувствуя народу, он испытывал страх перед движением низов и изменение общества мыслил в виде "революции сверху", осуществляемой "просвещенным" монархом в интересах нации. Исторические труды "Век Людовика XIV", "Опыт о нравах и духе народов", "История Российской империи в царствование Петра Великого" явились важной вехой европейской историографии. Основное внимание Вольтер уделял не королям и полководцам, а истории самих народов, их нравам, обычаям, культуре.

В своей эстетике и драматургии Вольтер продолжал традиции классицизма, насыщая свои трагедии актуальной политической и философской мыслью. Развенчивая философию оптимизма, он видит оправдание существующего социального зла, однако, не теряет веру в возможность изменения мира. Его формула "надо возделывать наш сад" является философским выводом-призывом к активности всех и каждого. Критикуя пороки цивилизации, Вольтер не звал к утраченной простоте, как Ж.Ж.Руссо, а продолжал возлагать надежды на прогресс общества.

Влияние Вольтера на развитие просветительской мысли было очень значительным. Термин "вольтерьянец" стал нарицательным.

Мысли об обществе

Чистый деспотизм — это возмездие людям за дурное поведение. Если какое-либо людское сообщество находится под господством одного или нескольких человек, то происходит это, очевидно, оттого, что само оно не решалось или не умело управлять собою.

Человеческое общество, коим правит произвол, похоже совершенно на стадо подъяремных волов, работающих на хозяина. Он питает их только затем, чтобы они могли работать; он врачует их болезни только затем, чтобы, будучи здоровы, они приносили ему пользу; он откармливает их, чтобы питаться их мясом; и пользуется шкурою одних, чтобы других впрягать в плуг.

Гражданское правление — это воля всех, выполняемая одним или несколькими, по силе законов, вынесенных всеми.

Суду нужны незыблемые законы, как для уголовных, так и для гражданских дел; произвола не должно быть нигде; и когда речь идет о чести и жизни, он еще менее допустим, чем при денежных тяжбах.

Уголовное уложение безусловно необходимо и гражданам и судьям. Гражданам не придется тогда жаловаться на судебные решения, судьям же не придется опасаться, что навлекут на себя ненависть, ибо не их воля будет выносить обвинительный приговор, а будет выносить его закон. Нужна одна власть, чтобы творить суд единственно лишь на основании закона, и другая власть, чтобы миловать.

Совершенного государственного устройства не бывало никогда, потому что у людей есть страсти; а не будь у них страстей, не понадобилось бы никакого государственного устройства.

Самое приемлемое из всех государственных устройств, конечно, республиканское, оттого что оно всех более приближает людей к естественному равенству.

Мысли о государственном управлении

Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от одних законов. В этом смысле каждый человек свободен в наши дни в Швеции, в Англии, в Голландии, в Швейцарии, в Женеве, в Гамбурге; тою же свободой пользуются в Венеции и в

Генуе, хотя те, кто не принадлежит к правящему сословию, там принижены. Но существуют еще провинции и обширные христианские государства, где большинство людей находится в рабстве. ...

Равенство не предполагает уничтожения подчиненности одних другим: мы все в равной степени люди, но мы не равные члены общества. И султану и его телохранителю принадлежат в равной мере все естественные права: и тот и другой должны быть одинаково правомочны располагать своей особой, своей семьей и своим имуществом. Итак, в основном люди равны, хоть роли, исполняемые ими на сцене, и различны. ...

Основой республики служит отнюдь не добродетель: основой ее является честолюбие каждого отдельного гражданина, сдерживающее честолюбие прочих, гордость, подавляющая чужую гордость, желание властвовать, которое не терпит, чтобы властвовал другой. Отсюда проистекают законы, охраняющие по мере возможности равенство: это общество, где гости, обладающие одинаковым аппетитом, едят за одним столом, пока не появится прожорливый и могучий человек, который заберет себе все, а им оставит одни только крошки.

Философские диалоги и фрагменты

...Самое справедливое, по-моему, это — свобода и собственность. Я очень рад, что и моя доля имеется в миллионе фунтов стерлингов, который ежегодно предоставляется моему королю (Англии. — Сост.) на потребности его дома, лишь бы и я пользовался своим добром у себя дома. Я хочу, чтобы у каждого была своя прерогатива: я знаю только законы, которые меня охраняют, и я считаю наше правительство лучшим на свете, потому что каждый делает у нас, что ему надлежит, что он должен и может. Все подчинено закону, начиная с королевской власти и церкви. ...

Если бы естественным состоянием человека была война, то люди бы перерезали друг друга: нас бы давно уже не было на свете... Война, следовательно, не является природным свойством человеческого рода. ...

...Что вы называете справедливым и несправедливым?

То, что считает таковым весь мир. ...Главное всегда одинаково. Покажите мне хоть одну страну, где считалось бы честным отнять у меня плоды моего труда, нарушить обещание, солгать с целью причинить вред, клеветать, убивать, отравлять, быть неблагодарным к своему благодетелю, избивать отца и мать, когда они подают вам еду. ...

...Естественный закон существует, и он состоит в том, чтобы не делать зла другому и не радоваться такому злу. ...

...Законы создаются только потому, что люди злы. Если бы лошади были послушны, их бы никогда не взнуздывали. ...

Могу вам сказать, что я не потерплю, чтобы меня взнуздывали не спросив у меня, что я хочу взнуздывать себя сам и подавать (голос, чтобы по крайней мере знать, кто вскочит мне на спину. ...

...Как вы себе представляете возникновение всех... форм правления, названия которых еле можно упомнить, монархической, деспотической, тиранической, олигархической, аристократической, демократической, анархической, теократической, диавольской и прочих, образовавшихся из смешения всех предыдущих?. ...

Я представляю себе прежде всего, что два немногочисленных соседних племени, состоящих каждое приблизительно из ста семейств, отделены друг от друга ручьем и обрабатывают достаточно хорошую почву. ...

Так как каждый индивид получил от природы одинаково две руки, две ноги и голову, то мне кажется невыносимым, чтобы обитатели этого маленького района не были сначала все равны между собой. И так как эти два племени отделены друг от друга ручьем, то мне кажется также невыносимым, чтобы они не были врагами, ибо, несомненно, должна была быть некоторая разница в их способе произносить одни и те же слова. Обитатели, жившие к югу от ручья, наверное, насмеялись над теми, что жили к северу, а это отнюдь не прощается. ...Положение остается равным, пока тот, кто считается самым ловким и сильным в северной деревне, не говорит своим сотоварищам: "Если вы последуете за мной и будете исполнять все, что я скажу, я сделаю вас хозяевами южной деревни". Он говорит с такой уверенностью, что добивается их одобрения. Он велит им запастись лучшим оружием, какого нет у враждебного племени. До сих пор вы дрались при свете дня, — говорит он, — но на врагов надо нападать, когда они спят". Это кажется гениальной идеей северному муравейнику; он нападает ночью на южный муравейник, ...после чего в победоносной деревушке неизбежно вспыхивают ссоры из-за раздела добычи. Вполне естественно, что ссорящиеся обращаются к начальнику, которого они избрали для своей героической экспедиции. И вот он стал уже военачальником и судьей. Изобретенное им искусство захватывать врасплох, грабить и убивать соседей посеяло страх на юге и почтение к нему на севере.

Этот новый глава считается в стране великим человеком; привыкают ему повиноваться, а он еще больше привыкает повелевать. Я думаю, что таково вполне могло быть происхождение монархии. ...

...Я легко приспособился бы к демократическому строю. Я считаю, что не прав был тот философ, который говорил стороннику народного правительства: "Попробуй его сначала у себя дома, и ты очень скоро расквешься". Да простит он мне, но дом и город вещи совершенно разные. Мой дом принадлежит мне, мои дети принадлежат мне, мои слуги, когда я плачу им, принадлежат мне; но по какому праву принадлежали бы мне мои сограждане? Все, у кого есть владения на данной территории, одинаково имеют право на поддержание порядка в пределах этой территории. Я люблю видеть, как свободные люди сами создают законы, под властью которых они живут, подобно тому как они создали свои жилища. ...

Быть свободным, знать только равных — вот истинная жизнь, естественная жизнь человека; всякая другая — лишь недостойная фальшь, скверная комедия, в

которой один играет роль господина, а другой раба, один — паразита, другой — сводника. Вы должны признать, что люди могли утратить естественное состояние только по трусости и по глупости.

Это ясно: потерять свободу может только тот, кто не умел ее защищать. Есть два способа потерять ее: когда глупцов обманывают жулики или когда слабых поработают сильные. Рассказывают о каких-то побежденных, которым какие-то победители выкалывали один глаз; есть народы, которым выкололи оба глаза, как старым клячам, вертящим мельничный жернов. Я хочу сохранить свои глаза; я считаю, что в аристократическом государстве выкалывают один глаз, а в монархическом оба. ...

Хороший политик — тот, что играет честно и в конце концов выигрывает. Плохой политик — тот, что только передергивает карту и рано или поздно попадает на этом. ...

...Почему люди теперь все-таки немного лучше и немного менее несчастны, чем во времена Александра VI, Варфоломеевской ночи и Кромвеля?

Потому что начинают мыслить, просвещаться и грамотно писать.

Правильно: суеверие возбуждало бури, философия их успокаивает.

Отрывки из произведений (1733-1756)

Социально-политические воззрения Вольтера

1. "Все люди, которых до сих пор открыли в самых диких и ужасных странах, живут обществами, как бобры, муравьи, пчелы и многие другие виды животных.

Никогда не видели такой страны, где бы люди жили порознь, где самец соединялся бы с самкой только случайно и оставлял ее в следующий момент вследствие отвращения; где мать не признавала бы своих детей, после того как она их воспитала, и где бы люди жили без семьи и без всякого общества.

Некоторые дурные шутники злоупотребили своим разумом до такой степени, что осмелились выдвинуть удивительный парадокс о том, что человек первоначально был создан для того, чтобы жить в одиночестве, и что общество извратило природу. Не скажут ли они также, что сельди в морях были первоначально созданы так, чтобы плавать поодиночке и что это верх испорченности, если они плавают косяками? Не скажут ли они еще, что журавли раньше летали по одному и что нарушением естественного права было их решение путешествовать стаями?

У каждого животного есть свой инстинкт. Инстинкт человека, укрепленный разумом, влечет его к обществу, так же как к еде и питью. Потребность в обществе не только не развратила человека, но его портит, наоборот, удаление от общества. Тот, кто жил бы совершенно один, вскоре потерял бы способность мыслить и изъясняться. Он стал бы в тягость самому себе. Он дошел бы до того, что превратился в животное. Избыток бессильной гордыни, восстающей против гордыни других, может заставить меланхолическую душу бежать от людей.

Именно тогда она портится. И она сама наказывает себя за это. Ее гордыня является для нее источником страданий. В одиночестве и тайной досаде терзает она себя за то, что презираема и забыта. Она ставит себя в самое ужасное рабство, надеясь быть свободной".

2. "Я получил, сударь (Вольтер обращается к Руссо. – Сост.), вашу новую книгу против человеческого рода; благодарю вас за нее. Вы можете оплакивать людей, которым не говорите правду о них самих, но вы их не исправите. Нельзя более сильными красками обрисовать ужасы человеческого общества, от которого наше невежество и наша слабость надеются получить столько утешений. Никогда не было употреблено более ума на то, чтобы вселить в нас желание стать животными; хочется ходить на четвереньках, читая ваш труд. Однако вот уже более шестидесяти лет, как я потерял эту привычку и чувствую, что мне, к несчастью, невозможно вернуться к ней; я оставляю этот естественный способ передвижения тем, кто более достоин его, чем вы и я" (Вольтер — Руссо, 30 августа 1755).

3. "...На нашей несчастной планете невозможно, чтобы люди, живя в обществе, не были разделены на два класса: богатых, которые повелевают, и бедных, которые им служат".

4. "Все крестьяне не будут богаты, и не нужно, чтобы они были богаты. Необходимы люди, которые обладают только руками и доброй волей. Обойденные судьбой, они будут участвовать в благе других. Они будут свободны продавать свой труд тому, кто лучше заплатит. Эта свобода заменит им собственность. Их будет поддерживать прочная уверенность в справедливой заработной плате. Они с радостью вовлекут свои семьи в свой тяжелый, но полезный труд".

5. "Английская нация — единственная в мире, которой удалось ограничить власть королей, сопротивляясь им, и которая после долгих усилий установила, наконец, это мудрое правление, где государь всемогущ, если он хочет творить добро, но руки которого связаны, если он замышляет зло; где вельможи величественны без наглости и вассалов и где народ участвует в управлении, не производя смуты".

6. "Не верили, что государи чем-то обязаны философам. Однако верно, что этот философский дух, который охватил все состояния, кроме простонародья, много способствовал тому, чтобы внушить уважение к правам государей. Ссоры, которые некогда приводили к отлучениям, интердиктам, расколам, теперь не вызывают их. Если говорят, что народы были бы счастливы, имея государей-философов, то верно также, что государи были бы еще более счастливы, имея значительное число подданных-философов".

7. "Суеверие — самый страшный враг человеческого рода. Когда оно властвует над государем, то мешает ему творить добро для своего народа; когда оно властвует над народом, то поднимает его против государя.

На земле не было ни одного случая, когда бы философы выступили против законов государя. Не найдется столетия, в котором суеверие и религиозное воодушевление не явились бы причиной смут, внушающих ужас".

8. "Величайшее счастье для государя и для государства, что есть много философов, которые запечатлевают эти максимы в головах людей.

Философы, не имея никакого частного интереса, могут говорить только в пользу разума и общественного интереса. Философы всегда служат государю, уничтожая суеверие, которое является врагом монархов".

9. "Подобно тому как самым большим физическим злом является смерть, так самым большим моральным злом является, конечно, война. Она влечет за собой все преступления, грабежи, опустошения, всевозможные виды смерти".

10. "Растет новое поколение, которое ненавидит фанатизм. Наступит день, когда у руководства встанут философы. Готовится царство разума" (Вольтер — Даламберу, 1 марта 1764 г.).

11. "Все, что я вижу, сеет семена революции, которая неизбежно произойдет и до удовольствия видеть которую я не доживу. Французы всегда запаздывают, но в конце концов они все же приходят к цели. Свет понемногу настолько распространился, что воссияет при первом же случае. Тогда произойдет изрядная кутерьма. Молодые люди поистине счастливы: они увидят прекрасные вещи" (Вольтер — Шовлену, 2 апреля 1764 г.).

Печатается по: Вольтер Ф.М. Избранные произведения. М., 1947; Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. М., 1969. С.555-558 (см.: История политических и правовых учений: Хрестоматия для юридических вузов и факультетов / Сост. и общ. ред. проф., д-р ист. наук Г.Г. Демиденко. Харьков: Факт, 1999. 1080 с.)

ШАРЛЬ ЛУИ МОНТЕСКЬЕ

Монтескье Шарль Луи (1689-1755)

Представитель старшего поколения французского Просвещения. Особое значение в истории политической мысли имеет его обширный труд "О духе законов". Монтескье, будучи сторонником концепции общественного договора, вслед за Дж. Локком также различал общественное и политическое состояние (государство) людей. Осознание человеком необходимости создания общества и государства Монтескье относит к числу важнейших естественных законов. Государство, являясь продуктом исторического развития людей, появилось после таких стадий, как естественное состояние людей, семьи, общества, героических времен и гражданского общества с характерным для него состоянием вражды людей друг с другом. По природе правления Монтескье делит государства на республики, монархии и деспотии. Республики и монархии – умеренные формы правления, в деспотии же действует одно лицо, решая все по своей прихоти и воле. По принципам правления Монтескье разделяет государства на демократии, аристократии, монархии и деспотии. Центральное место в понимании Монтескье

государственного строя занимает противопоставление умеренных и неумеренных форм правления. К первым он относит демократию, аристократию и монархию, ко вторым – деспотию. Монтескье выступает за конституционную монархию, прообразом которой является английская конституционная монархия. Разработка модели государства воплотилась в концепции разделения властей. По сравнению с предшествовавшей трактовкой триада системы управления была уточнена, вернее, дополнена принципом независимости судей. Судебные органы вошли в состав власти, подлежащей разграничению. Концентрация всей полноты власти в руках одного лица, учреждения или сословия, по мнению Монтескье, неизбежно ведет к злоупотреблению и произволу.

Многие положения Монтескье, касающиеся свободы, гражданских прав, разделения власти, получили закрепление в конституциях Франции, США, ряда других государств.

О ДУХЕ ЗАКОНОВ

Предисловие

...Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии.

Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчинялись им, что истории всех народов вытекали из них, как следствия, и всякий частный закон входил в связь с другим законом или становился в зависимость от другого, более общего закона. ...

О законах вообще

Законы, в самом обширном значении этого слова, суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы. ...

Мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический. ...Причина этого в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и потому способны заблуждаться и что, с другой стороны, в природе их лежит стремление действовать по собственным побуждениям. Поэтому они не соблюдают своих первоначальных законов и даже тем законам, которые они создают сами для себя, они подчиняются не всегда.

О законах природы

Всем... законам предшествуют законы природы. ...

Тот закон, который, запечатлев в нас идею Творца, влечет нас к нему, в ряду естественных законов занимает первое место по своей важности. ...Мир является первым естественным законом человека.

С чувством своей слабости человек соединяет ощущение своих нужд — отсюда стремление добывать пищу будет вторым естественным законом человека.

...Влечение к сближению... — отсюда возникают отношения, основанные на взаимном упрощении и составляющие третий естественный закон человека.

Кроме чувств, которыми первоначально обладают люди, они доходят еще и до приобретения познаний; таким образом, у них есть вторая связь, которой нет у животных, а следовательно, и новый повод к сближению; отсюда — желание жить в обществе есть четвертый естественный закон человека.

О законах положительных

Соединившись в общества, люди утрачивают сознание своей слабости; существовавшее между ними равенство исчезает, и между ними начинается война.

Каждое отдельное общество приходит к сознанию своей силы; отсюда состояние войны между нациями. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества — отсюда война между отдельными лицами.

Эта двоякая война побуждает установить законы между людьми.

Рассматриваемые как жители планеты, величина которой делает необходимым существование на ней многих различных народов, люди имеют законы, определяющие отношения между этими народами: это — международное право. Рассматриваемые как существа, живущие в обществе, существование которого нуждается в охране, они имеют законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми: это — право политическое. Есть у них еще законы, коими определяются отношения всех граждан между собою: это — право гражданское. Международное право, естественно, основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу как можно более добра, а во время войны — насколько возможно менее зла, не нарушая при этом своих истинных интересов.

Цель войны — победа, цель победы — завоевание, цель завоевания — сохранение. Из этого и предшествующих принципов должны проистекать все законы, образующие международное право.

Кроме международного права, относящегося ко всем обществам, есть еще политическое право для каждого из них отдельно. Общество не может существовать без правительства. Соединение всех отдельных сил... образует то, что называется политическим (государственным) состоянием.

Эта соединенная сила может быть отдана в руки или одному лицу или нескольким лицам... Наиболее сообразно с природой то правительство, особенные свойства которого наиболее соответствуют характеру народа, для которого оно установлено.

Силы отдельных людей не могут объединиться, пока не пришли к единству их воли. Это последнее единство и есть то, что... называется гражданским состоянием.

Закон, говоря вообще, есть разум человеческий, насколько он управляет народами земли; а законы политические и гражданские каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народы, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или установленного правительства, имеют ли они целью устройство его, — что есть дело законов политических, — или только поддержание его существования, — что есть дело гражданских законов.

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату..., качествам ее почвы, ее положению, ее величине, образу жизни ее народов..., степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они должны состоять в известном отношении друг к другу, к условиям своего происхождения, к целям законодателя и к порядку вещей, на котором они утверждаются... Все эти отношения, совокупность их, образует то, что называется Духом законов.

...Я не отделяю политических законов от гражданских. ...

О природе трех различных родов правления

Есть три образа правления: республиканский, монархический и деспотический. Чтобы обнаружить их природу, ...я предполагаю три определения: республиканское правление это — то, где верховная власть находится в руках или всего народа или части его; монархическое, где управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица.

Если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа — это называется аристократией. ...

...Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, что он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных (министров).

Но эти уполномоченные не будут таковыми, если они не назначены самим народом; поэтому основное начало этого вида правления требует, чтобы народ сам назначал от себя правителей, то есть должностных лиц государства.

Народ не менее монархов и даже больше их, нуждается в руководительстве совета или сената. Но чтобы иметь к ним доверие, он должен сам избирать членов этих учреждений. ...

Как граждане почти всегда достаточно способны быть избирателями, но не имеют всех нужных качеств для того, чтобы быть избираемыми, так народ способен требовать отчета у лиц, заведующих его делами, но не способен заведовать этими делами сам.

К основным законам демократии принадлежит и тот, в силу которого власть издавать законы должна принадлежать народу.

В аристократии верховная власть находится в руках известного числа лиц. Эти лица издают законы и заставляют исполнять их; остальной же народ относится к ним так же, как в монархии подданные к своему государю.

О принципах трех видов правления

Различие между природой правления и его принципом в том, что природа его есть то, что его делает таким, каково оно есть, а принцип — то, что управляет его деятельностью. Первая есть его особенный строй, а второй — человеческие страсти, которые двигают им.

...Для утверждения и поддержания правительства монархического или деспотического не требуется большого запаса честности. Сила законов в одном и вечно поднятая длань государя в другом — все определяют и сдерживают. Но государство народное нуждается в добавочном двигателе; это есть добродетель.

Добродетель, составляющая условие народного образа правления, нужна также и для аристократического. ...Умеренность, которая основана на добродетели, есть... душа этих правлений.

Как для республики нужна добродетель, а для монархии честь, так для деспотического правительства нужен страх. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна.

О законах воспитания

Человек прежде всего подлежит действию законов воспитания. И так как законы эти делают из нас граждан, то каждая семья должна быть управляема по образу великой семьи, обнимающей всех их.

Если народ вообще живет каким-нибудь принципом, то и все его составные части, то есть семейства, будут тоже жить им. Законы воспитания поэтому должны быть различны для каждого вида правления. В монархиях их предметом будет честь; в республиках — добродетель; в деспотиях — страх.

Ни одно правление не нуждается так в помощи воспитания, как правление республиканское.

...Добродетель можно определить как любовь к законам и к отечеству. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага своему личному, лежит в основе всех частных добродетелей. Дело, следовательно, в том, чтобы водворить в республике эту любовь; ее-то и должно воспитание внушить детям. Но верное средство привить ее детям состоит в том, чтобы она была у отцов.

Законы, постановляемые законодателем, должны соответствовать принципу образа правления

Любовь к республике в демократии есть любовь к демократии, а любовь к демократии есть любовь к равенству.

Любовь к демократии есть, кроме того, любовь к умеренности.

...Вполне истинно правило, что для развития любви к равенству и умеренности в республике нужно, чтобы они были там установлены законами.

Всякое неравенство в демократии должно вытекать из природы демократии и из самого принципа равенства.

...Ничто не удерживает так от безнравственности, как крайнее подчинение молодых людей старикам. Оно сдерживает и тех, и других; первых — посредством внушаемого им уважения к старцам, а последних — посредством уважения, внушаемого им к самим себе.

Ничто не придает такой силы законам как крайнее подчинение граждан правителям.

Влияние, оказываемое принципами различных образцов правления на простоту законов гражданских и уголовных, на формы судопроизводства и определение наказаний.

Чем более правление приближается к республиканскому, тем определеннее и точнее становится способ отправления правосудия. ...

В государствах деспотических нет закона: там сам судья закон. В государствах монархических есть законы, и если они ясны, то судья руководится ими; а если нет, то он старается уразуметь дух их. Природа республиканского правления требует, чтобы судья не отступал от буквы закона. Там нельзя истолковывать закон во вред гражданину, когда дело идет о его имуществе, его чести или его жизни.

Строгость в наказаниях более уместна в государствах деспотических, принцип которых страх, чем в монархиях и республиках, которые имеют своим двигателем честь и добродетель.

В государствах умеренных любовь к отечеству, стыд, боязнь порицания заключают в себе обуздывающую силу, которая в состоянии удержать от многих преступлений. Быть уличенным в дурном поступке там будет самым большим наказанием за совершение этого поступка. Поэтому гражданским законам там легче исправлять людей, и они не нуждаются в особенной суровости.

В этих государствах хороший законодатель будет менее заботиться о наказаниях за преступления, чем о предупреждении преступлений; он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы.

Китайские писатели постоянно замечали, что усиление казней в их империи всегда предвещало приближение революции. Причина этого явления в том, что казни увеличивались по мере того, как ослабевало действие на нравы.

Опыт показал, что в странах, где наказания не жестоки, они производят на ум гражданина впечатление столь же сильное, как самые жестокие наказания в других странах.

...Вникните в причины всякой распущенности, и вы увидите, что она происходит от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний.

Последуем природе, которая вместо бича дала человеку стыд, и пусть самая чувствительная часть наказания будет заключаться в позоре быть ему подвергнутым.

Есть два рода испорченности: один, когда народ не соблюдает законов; другой, когда он развращается законами; недуг неизлечимый, ибо причина его в самом лекарстве.

О точном соответствии между наказанием и преступлением

Необходимо, чтобы между наказаниями была взаимная гармония, так как лучше избежать большого преступления, чем меньшего; того, что более наносит ущерба обществу, чем того, что менее вредит ему.

В Китае разбойников разрезают на куски, а воров — нет: благодаря этому различию там воруют, но не убивают.

...Вследствие того, что люди дурны, закон обязан считать их лучшими, чем они есть.

О разложении принципов трех видов правления

Разложение каждого правления почти всегда начинается с разложения принципов.

Принцип демократии разлагается не только, когда утрачивается дух равенства, но также и тогда, когда он доводится до крайности, и каждый хочет быть равным тем, которых он избрал в свои правители. В таком случае народ, не выносящий им же самим создаваемых властей, хочет все делать сам: совещаться вместо сената, управлять вместо чиновников и судить вместо судей.

Тогда уж в республике нет места для добродетели.

...Чем значительнее будут казаться народу выгоды, извлекаемые им из своей свободы, тем ближе он будет к моменту, когда придется утратить ее. В среде его образуются мелкие тираны со всеми пороками одного большого. Вскоре все, что осталось от свободы, становится невыносимо тяжким; тогда возвышается один тиран, и народ теряет все, до самых выгод своей испорченности.

Итак, демократия должна избегать двух крайностей: духа неравенства, который ведет ее к аристократии или правлению одного; и духа доведенного до крайности равенства, которое заканчивается деспотизмом одного, столь же неминуемо, как деспотизм одного заканчивается завоеванием.

...Как небо далеко от земли, так дух истинного равенства далек от духа равенства, доведенного до крайности.

В природном состоянии люди рождаются равными, но не могут удержаться в этом равенстве; общество отнимает его у них, и они вновь становятся равными лишь благодаря законам.

Различие между правильной демократией и неправильной заключается в том, что в первой люди равны только как граждане, между тем как во второй они равны еще и как правители, как сенаторы, как отцы, как мужья и как господа.

Естественное место для добродетели — рядом со свободой; но рядом с крайней свободой она бывает только тогда, когда уже находится рядом с рабством.

Чтобы содержать своих правителей в постоянном подчинении законам, критяне придумали очень своеобразное средство: а именно восстание. Часть

граждан возмущалась, обращала в бегство правителей и принимала их обратно под известным условием. Это считалось законным образом действия.

У государства, не утратившего своих принципов, все почти законы хороши; "не жидкость в сосуде испортилась, а самый сосуд испорчен", — размышляя о богатствах, сказал Эпикур.

О законах в их отношении к силе оборонительной

Небольшие республики погибают от внешнего врага, а большие — от внутренней язвы.

...Люди избрали... федеративную республику. Это общество обществ, составляющих новое общество, которое может увеличиваться присоединением к нему новых членов. ...Это государство может разрушиться в одной своей стороне, не разрушаясь в другой; союз может разложиться, а члены его остаться независимыми государствами.

О законах, устанавливающих политическую свободу в ее отношении к государственному устройству

Что такое свобода? Свобода есть право делать все, что дозволено законами; и если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане.

...Известно уже по вековому опыту, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею.

Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга.

О государственном устройстве Англии

В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная по предметам, входящим в область права международного, и власть исполнительная, по предметам, относящимся к области права гражданского. ...Последняя власть носит название судебной. ...

Для гражданина политическая свобода есть то душевное спокойствие, которое коренится в убеждении каждого в своей безопасности; и чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором гражданин не мог бы бояться другого гражданина.

Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы при этом не будет, так как можно опасаться, что обладающий ими монарх или сенат станут создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их.

Если (судебная власть) соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола: ибо судья будет законодателем. Если она соединена с исполнительной властью, то судья получает возможность стать угнетателем.

Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников или дворян, или из простых людей, были соединены

эти три власти: создавать законы, приводить в исполнение общеобязательные постановления и судить преступления или тяжбы частных лиц.

Из трех властей, о которых мы говорили, судебная в известном смысле как бы совсем не власть. (Это более гарантия, чем политическая власть; за исключением, во всяком случае, федерального суда США. – Прим. Ш.Монтескье).

...Если в свободном государстве законодательная власть не должна иметь права останавливать власть исполнительную, то она имеет и должна иметь право рассмотреть, каким образом были приводимы в исполнение созданные ею законы....

Исполнительная власть... должна принимать участие в законодательстве своим правом отмены решений, без чего она скоро лишилась бы своих прерогатив. Но она равно погибнет и в том случае, когда законодательная власть стала бы принимать участие в отправлении исполнительной власти.

О законах, которые устанавливают политическую свободу в ее отношении к гражданину

Политическая свобода ...устанавливается... распределением трех властей, ...в уверенности гражданина в своей безопасности...

Свобода, по отношению к строю, устанавливается только законами и даже законами основными; но по отношению к гражданину она может явиться в силу известных нравов, обычаев, усвоенных призеров и при благоприятном влиянии некоторых гражданских законов. ...

Свобода политическая заключается в нашей безопасности или, по крайней мере, в нашей уверенности, что мы в безопасности.

Эта безопасность всего более подвергается нападениям в уголовных процессах по обвинениям публичного и частного характера. Поэтому свобода гражданина зависит главным образом от доброкачественности уголовных законов.

Свобода торжествует, когда кары, налагаемые уголовными законами, извлекаются ими из особенной природы преступлений. Здесь нет места произволу; наказание уже зависит не от каприза законодателя, но от существа дела, и оно перестает быть насилием человека над человеком.

Есть четыре рода преступлений: к первому роду принадлежат преступления против религии; ко второму — преступления против нравов; к третьему — преступления против общественного спокойствия; к четвертому — преступления против безопасности граждан. Налагаемые за них наказания должны вытекать из природы каждого из этих родов.

В государствах, наиболее дорожащих свободой, существуют законы, позволяющие нарушить ее против одного, дабы сохранить ее для всех...

О законах в их отношениях к свойствам климата

Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров. ...

О законах в их отношении к основным началам, образующим общий дух, нравы и обычаи народа

Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, правила правления, примеры прошлого, нравы, обычаи, и как результат всего этого образуется общий дух народа.

Чем более усиливается в народе действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих.

Законодатель должен сообразовываться с духом народным, если он не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем лишь то, что делается нами свободно и в согласии с нашим природным гением.

Оставьте нас такими, какими мы есть. Наши нескромные качества в соединении с нашим незлобием делают непригодными для нас законы, подавляющие в нас дух общительности.

Чем более народы сообщаются друг с другом, тем легче они изменяют свои обычаи, так как тем чаще они видят друг друга и тем лучше замечают особенности отдельных лиц.

...Законы являются особенными и точно определенными установлениями законодателя, а нравы и обычаи — установлениями народа вообще. Отсюда следует, что, желая изменить нравы и обычаи, не следует изменять их посредством законов: это показалось бы слишком тираническим; лучше изменять их посредством иных нравов и иных обычаев.

Между законами и нравами есть то различие, что законы определяют более действия гражданина, а нравы — действия человека. ...

Обычаи рабского народа составляют часть его рабства; обычаи свободного народа составляют часть его свободы. ...

Законы должны благоприятствовать размножению населения.

О способе составления законов

...Дух умеренности должен быть духом законодателя. Благо политическое, как и благо нравственное, всегда находятся между двумя пределами...

Что следует иметь в виду при составлении законов? ...Слог их должен быть сжат. Слог законов должен быть прост. Решения прямые всегда доступнее пониманию решений изысканных. ...Существенное условие — чтобы слова закона вызывали у всех людей одни и те же понятия.

Если в законе были точным образом определены известные понятия, не следует более возвращаться к выражениям неясным.

Законы не должны впадать в тонкости: они предназначаются для людей посредственных способностей и содержат в себе не искусство логики, а здравые понятия отца семейства. ...

Не следует делать изменений в законе без достаточного к тому основания.

Когда приводится основание к закону, нужно чтобы основание это было достойно закона.

Печатается по: История политических и правовых учений: Хрестоматия для юридических вузов и факультетов / Сост. и общ. ред. проф., д-р ист. наук Г.Г.Демиденко. Харьков: Факт, 1999. 1080 с.)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ИММАНУИЛ КАНТ

Кант Иммануил (1724-1804)

Немецкий философ, продолжатель европейского Просвещения. В своих произведениях "Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане", "Ответ на вопрос: что такое Просвещение?", "Основы метафизики нравов", "Критика практического разума", "К вечному миру" Кант анализирует проблемы права и государства, политики и юриспруденции. Кант считал, что политико-правовые вопросы ему удалось разработать лучше остальных в системе философских взглядов.

Кант определяет государство как объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Такая трактовка государства через право есть отражение интересов "третьего сословия", обоснование идей либерализма, свойственных классу буржуазии. Кант углубляет теорию Монтескье о разделении власти в государстве, но не поддерживает идею последнего о равноправии властей. "В каждом государстве, — писал Кант, — существуют три власти, т.е. всеобщим образом объединенная воля в трех лицах: верховная власть (суверенитет) в лице законодателя, исполнительная власть в лице правителя (правлящего согласно закону) и судебная власть (присуждающая свое согласно закону) в лице судьи".

Акцентирование Кантом необходимости для государства опираться на право дает основание считать мыслителя одним из основателей концепции правового государства, хотя такого термина Кант не употреблял. Его заменяет термин "республиканское устройство" и "чистая республика".

Кант выдвинул проект установления "вечного мира", которого можно достичь в отдаленном будущем путем создания всеохватывающей федерации самостоятельных, равноправных государств, построенных по республиканскому типу. По его убеждению, образование такой федерации в рамках мирового правового порядка в конце концов неминуемо. Залогом тому будет просвещение и добрая воля правителей, а также экономические потребности нации.

Метафизика нравов в двух частях УЧЕНИЯ О ПРАВЕ

Часть вторая

§45

Государство (civitas) — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Поскольку эти законы необходимы как априорные законы, т.е.

как законы, сами собой вытекающие из понятий внешнего права вообще (а не как законы статутарные), форма государства есть форма государства вообще, т.е. государство в идее, такое, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права, причем идея эта служит путеводной нитью (*norma*) для любого действительного объединения в общность (следовательно, во внутреннем).

В каждом государстве существует три власти, т.е. всеобщим образом объединенная воля в трех лицах (*trias politica*): верховная власть (суверенитет) в лице законодателя, исполнительная власть в лице правителя (правлящего согласно закону) и судебная власть (присуждающая каждому свое согласно закону) в лице судьи (*potestas legislativa, rectoria et iudicaria*), как бы три суждения в практическом силлогизме: большая посылка, содержащая в себе закон всеобщим образом объединенной воли; меньшая посылка, содержащая в себе веление поступать согласно закону, т.е. принцип подведения под эту волю, и вывод, содержащий в себе судебное решение (приговор) относительно того, что в данном случае соответствует праву.

§46

Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа. В самом деле, так как всякое право должно исходить от нее, она непременно должна быть не в состоянии поступить с кем-либо не по праву. Но когда кто-то принимает решение в отношении другого лица, то всегда существует возможность, что он тем самым поступит с ним не по праву; однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого (ибо *volenti non fit iniuria*). Следовательно, только согласованная и объединенная воля всех в том смысле, что каждый в отношении всех и все в отношении каждого принимают одни и те же решения, стало быть, только всеобщим образом объединенная воля народа может быть законодательствующей.

Объединенные для законодательства члены такого общества (*societas civilis*), т.е. государства, называются гражданами (*civis*), а неотъемлемые от их сущности (как таковой) правовые атрибуты суть: основанная на законе свобода каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское равенство — признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в-третьих, атрибут гражданской самостоятельности, — быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам как член общности, следовательно, правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим.

Только способность голосовать составляет квалификацию гражданина; а эта способность предполагает самостоятельность того в составе (народа, кто намерен быть не просто частицей общности, но и ее членом, т.е. ее частицей, действующей по собственному произволу совместно с другими. Но это последнее качество делает необходимым различие граждан активных и пассивных, хотя понятие

пассивный гражданин кажется противоречащим дефиниции понятия гражданин вообще. — Следующие примеры помогут устранить эту трудность: приказчик у купца или подмастерье у ремесленника, слуга (не на государственной службе), несовершеннолетний (*naturaliter vel civiliter*), каждая женщина и вообще все те, кто вынужден поддерживать свое существование (питание и защиту) не собственным занятием, а по распоряжению других (за исключением распоряжения со стороны государства), — все эти лица не имеют гражданской личности, и их существование — это как бы присущность. — Дровосек, которого я нанял в моем дворе, кузнец в Индии, который ходит по домам со своим молотом, наковальней и кузнечным мехом, чтобы работать там по железу, в сравнении с европейским столяром или кузнецом, которые могут публично выставлять на продажу изготовленные ими изделия; домашний учитель в сравнении со школьным преподавателем, оброчный крестьянин в сравнении с арендатором и т.п. — все это лишь подручные люди общности, потому что ими должны командовать и их должны защищать другие индивиды, стало быть, они не обладают никакой гражданской самостоятельностью.

Однако эта зависимость от воли других и неравенство ни в коей мере не противоречат свободе и равенству этих лиц как, людей, которые вместе составляют народ; вернее, лишь в соответствии с условиями свободы и равенства этот народ может стать государством и вступить в [состояние] гражданского устройства. Но иметь в этом устройстве право голоса, т.е. быть гражданами, а не просто принадлежащими к государству, — этому удовлетворяют не все с равным правом. В самом деле, из того, что они могут требовать, чтобы все другие обращались с ними как с пассивными частицами государства согласно законам естественной свободы и равенства, еще не вытекает права относиться к самому государству в качестве активных его членов, организовать его или содействовать введению тех или иных законов; отсюда вытекает лишь то, что, какого бы рода ни были положительные законы, на которые они дают свое согласие, они не должны противоречить естественным законам свободы и соответствующему этой свободе равенству всех в составе народа, а именно они не должны противиться возможности перейти из этого пассивного состояния в активное.

§47

Каждая из трех указанных властей в государстве представляет собой определенный сан, и, как неизбежно вытекающая из идеи государства вообще и необходимая для его основания (конституции), каждая из них есть государственный сан. Все эти власти содержат в себе отношение общего главы (который с точки зрения законов свободы не может быть никем иным, кроме самого объединенного народа) к разрозненной массе народа как к подданному, т.е. отношение повелителя (*imperans*) к повинующемуся (*subditus*). — Акт, через который народ сам конституируется в государство, собственно говоря, лишь идея государства, единственно благодаря которой можно мыслить его правомерность, — это первоначальный договор, согласно которому все (*omnes et siguli*) в составе

народа отказываются от своей внешней свободы, с тем, чтобы снова тотчас же принять эту свободу как члены общности, т.е. народа, рассматриваемого как государство (universi); и нельзя утверждать, что государство или человек в государстве пожертвовал ради какой-то цели частью своей прирожденной внешней свободы; он совершенно оставил дикую, не основанную на законе свободу, для того чтобы вновь в полной мере обрести свою свободу вообще в основанной на законе зависимости, т.е. в правовом состоянии, потому что зависимость эта возникает от его собственной законодательствующей воли. [...]

Печатается по: Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. С.354-356.

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831)

Видный представитель немецкой классической философии, которому принадлежит особое место в развитии политической и правовой мысли. Политические проблемы ставились и решались Гегелем на протяжении всей его плодотворной и напряженной теоретической деятельности. Гегелю принадлежит одно из значительных произведений политической и социальной мысли — "Философия права". Предметом гегелевской философии права является право, рассмотренное с точки зрения идей разума, лежащих в его основании, и осуществленности понятия в формах внешнего, наличного бытия. Гегелем был сделан крупный шаг в разработке вопроса о взаимосвязи и соотношении гражданского общества и политического государства. Гегель осуществляет анализ форм государственного устройства и той классификации, которая была предложена его предшественниками. Ряд идей, в том числе и те, которые разработал Ш. Монтескье, он доводит до логического завершения.

Для Гегеля совершенно безразлично, какая форма правления — монархическая, аристократическая или демократическая — считается лучшей. Для него этот вопрос является совершенно праздным, он — предмет исследования в историческом аспекте. Для всех этих форм нерасчлененность общественной структуры служила объединяющим началом. Поэтому форма правления по существу одна в своем субстанциональном единстве, различны лишь количественные характеристики (власть одного, меньшинства, большинства). Нерасчлененность общества на любой стадии исторического развития таит в себе большую опасность. Такая форма государственного устройства может в любую минуту непосредственно превратиться в состояние жесточайшей тирании или анархии (примером служит римская история) и оказаться уничтоженной.

Философия права

§ 182

Одним принципом гражданского общества является конкретное лицо, которое есть для себя как *особенная* цель, как целостность потребностей и

смешение природной необходимости и произвола, но особенное лицо как существенно соотносящееся с другой такой особенностью, так что каждое из них утверждает свою значимость. [...]

Прибавление. Гражданское общество есть дифференция, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право. Если государство представляют как единство различных лиц, как единство, которое есть лишь общность, то имеют в виду лишь определение гражданского общества. Многие новейшие специалисты по государственному праву не сумели прийти к другому воззрению на государство. В гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу. Так как особенность связана с условием всеобщности, то целое есть почва опосредования, на которой дают себе свободу все единичности, все способности, все случайности рождения и счастья, из которой проистекают волны всех страстей, управляемые только проистекающим в них сиянием разума. Особенность, ограниченная всеобщностью, есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способствует своему благу.

§188

Гражданское общество содержит в себе три следующих момента:

А) опосредование *потребности* и удовлетворение *единичного* посредством его труда и посредством труда и удовлетворения потребностей *всех остальных*, систему *потребностей*;

В) действительность содержащегося в этом всеобщей *свободы*, защиты собственности посредством *правосудия*;

С) забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к *общему* с помощью *полиции и корпораций*.

§221

Член гражданского общества имеет *право искать суда* и *обязанность предстать перед судом* и получить только через суд оспариваемое им право.

Прибавление. Так как каждый индивид имеет право искать суда, он должен знать законы, ибо в противном случае это право ничем бы ему не помогло. Но индивид обязан также предстать перед судом. В эпоху феодализма могущественные лица часто не являлись на судебное заседание, вели себя вызывающе по отношению к судебным инстанциям и рассматривали вызов в суд могущественного лица как неправоное деяние. Это — состояние, противоречащее

тому, чем должен быть суд. В новейшее время правитель обязан по частным вопросам признавать над собой власть суда, и в свободных государствах оно обычно проигрывает свои процессы.

§222

Перед судом право получает определение, согласно которому оно должно быть *доказуемо*. *Судопроизводство* предоставляет сторонам возможность приводить свои доказательства и правовые основания, а судье войти в суть дела. Эти *стадии процесса суть сами права*, их ход должен быть поэтому определен законом, и они составляют существенную часть теоретической науки о праве. [...]

§ 238

Семья есть прежде всего то субстанциальное целое, которому надлежит заботиться об этой особенной стороне индивида как в отношении средств и умения, чтобы он мог, пользуясь общим имуществом, приобретать необходимое, так и в отношении его содержания и заботы о нем в том случае, если он окажется неспособным добывать необходимые ему средства. Однако гражданское общество разрывает эти узы индивида, делает членов семьи чуждыми друг другу и признает их самостоятельными лицами; оно заменяет, далее, внешнюю неорганическую природу и землю отцов, на которой отдельный человек добывал средства существования, своей почвой и подвергает существование всей семьи зависимости от него, случайности. Так индивид становится *сыном гражданского общества*, которое предъявляет к нему в такой же мере требования, как он свои права по отношению к нему.

Прибавление. Семья должна, конечно, заботиться о хлебе для своих членов, однако в гражданском обществе она — нечто подчиненное и служит лишь основой: объем ее деятельности уже не столь велик. Напротив, гражданское общество представляет собой могучую силу, которая завладевает человеком, требует от него, чтобы он на него работал, был всем только посредством него и делал все только посредством него. Если человек должен быть таким членом гражданского общества, то он сохраняет в нем те же права и притязания, которые он имел в семье. Гражданское общество должно защищать своего члена, отстаивать его права, а индивид в свою очередь обязан соблюдать права гражданского общества.

§ 239

В этом своем качестве *всеобщей семьи* гражданское общество обязано и имеет право надзирать за *воспитанием детей* и влиять на него, пресекая *произвол* и случайные намерения *родителей*, поскольку оно имеет отношение к способности человека стать членом общества, и особенно в тех случаях, когда воспитание совершается не родителями, а другими лицами, — поскольку же в этом отношении могут быть приняты общие меры, общество должно их принять. [...]

§240

Общество обязано и имеет право также устанавливая опеку над теми, кто своей расточительностью уничтожает обеспеченность своего существования и существования своей семьи, и осуществлять вместо них цель общества и их цель. [...]

§255

Наряду с семьей корпорация составляет второй существующий в гражданском обществе нравственный корень государства. Первая содержит в себе моменты субъективной особенности и объективной всеобщности в субстанциальном единстве; вторая же объединяет внутренним образом те моменты, которые сначала разъединены в гражданском обществе на в себя рефлектированную особенность потребностей и потребления и на абстрактную правовую всеобщность, объединяет их так, что в этом объединении особенное благо есть как право и осуществлено.

Примечание. Святость брака и честь в корпорации — те два момента, вокруг которых вращается дезорганизация гражданского общества.

Печатается по: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 227, 228, 231, 233, 258.

ИДЕОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛИЗМА

КАРЛ МАРКС

Маркс Карл (1818-1883)

Немецкий ученый, теоретик рабочего и коммунистического движения, один из авторов "диалектико-материалистического" объяснения политики, всего комплекса политических отношений.

Взаимодействие базисных и надстроечных явлений в политической теории Маркса играет чрезвычайно важную роль. Совокупность материальных производственных отношений, писал Маркс, составляет тот "реальный базис, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки". Эти идеи он высказал в работах "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.", "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", "Критика Готской программы" и др. В политической теории Маркса проблемы власти, государства занимают центральное место. В данных работах анализируются классовая подоплека этих явлений. Политическая система общества, по Марксу, есть результат классовой борьбы. Антагонизм классов грозит обществу уничтожением, поэтому возникает специальный общественный орган — государство, который наделяется публичной властью. Политическая власть имеет такую форму, которая воспроизводит специфику экономических отношений. Организатором политических отношений выступает экономически господствующий в данную эпоху класс, который свою волю делает абсолютной, а собственные интересы — общегосударственными. В

"Манифесте Коммунистической партии" политическая власть определяется как организованное насилие одного класса для подавления другого. Класс становится господствующим тогда, когда овладевает государственным механизмом. С появлением рабочего класса на арене политической борьбы был поставлен вопрос о завоевании им политической власти.

Таким образом, Марксом были заложены основы теории политических партий, особенно пролетарских. Освобождение пролетариата возможно при его осознании своих классовых интересов, политической организации и завоевании государственной власти. Диктатура пролетариата – это преходящая политическая форма, которая позволит обобществить средства производства, преодолеть эксплуатацию и создать плановое разделение труда. Для того, чтобы одержать победу над политически господствующей буржуазией, пролетариат должен вооружиться научной идеологией, создать политическую партию коммунистов, которая выполнит функцию политической организации рабочего класса, и под руководством партии овладеть политической властью, чтобы сразу организовать общество на социалистических основах. После этого общество будет быстро продвигаться к коммунизму, по мере возникновения которого государство будет постепенно передавать свои функции общественным организациям. При коммунизме, как полагал Маркс, политическая форма организации общества исчезнет за ненадобностью, как и другие формы отчуждения.

К критике гегелевской философии права

Введение

[...] Утопической мечтой для Германии является не *радикальная* революция, не *общечеловеческая* эмансипация, а, скорее, частичная, только политическая революция, — революция, оставляющая нетронутыми самые устои здания. На чем основана частичная, только политическая революция? На том, что часть *гражданского общества* эмансипирует себя и достигает *всеобщего* господства, на том, что определенный класс, исходя из своего *особого положения*, предпринимает эмансипацию всего общества. Этот класс освобождает все общество, но лишь в том случае, если предположить, что все общество находится в положении этого класса, т.е. обладает, например, деньгами и образованием или может по желанию приобрести их.

Ни один класс гражданского общества не может сыграть эту роль, не возбудив на мгновение энтузиазма в себе и в массах. Это тот момент, когда данный класс братается и сливается со всем обществом, когда его смешивают с обществом, воспринимают и признают в качестве его всеобщего представителя; тот момент, когда собственные притязания и права этого класса являются поистине правами и притязаниями самого общества, когда он действительно представляет собой социальный разум и социальное сердце. Лишь во имя всеобщих прав общества отдельный класс может притязать на всеобщее господство. Для завоевания этого положения освободителя, а следовательно, для

политического использования всех сфер общества в интересах своей собственной сферы, недостаточно одной революционной энергии и духовного чувства собственного достоинства. Чтобы *революция народа и эмансипация отдельного класса* гражданского общества совпали друг с другом, чтобы одно сословие считалось сословием всего общества, — для этого, с другой стороны, все недостатки общества должны быть сосредоточены в каком-нибудь другом классе, для этого определенное сословие должно быть олицетворением общих препятствий, воплощением общей для всех преграды; для этого особая социальная сфера должна считаться *общепризнанным преступлением* в отношении всего общества, так что освобождение от этой сферы выступает в виде всеобщего самоосвобождения. Чтобы одно сословие было *par excellence* [по преимуществу] сословием-освободителем, для этого другое сословие должна быть, наоборот, явным сословием-поработителем. Отрицательно-всеобщее значение французского дворянства и французского духовенства обусловило собой положительно-всеобщее значение того класса, который посредственно граничил с ними и противостоял им, — буржуазии. Но ни у одного особого класса в Германии нет не только последовательности, резкости, смелости, беспощадности, которые наложили бы него клеймо отрицательного представителя общества. В такой же степени ни у одного сословия нет также той душевной широты, которая отождествляет себя, хотя бы только на миг, с душой народа, того вдохновения, которое материальную силу воодушевляет на политическое насилие, той революционной отваги, которая бросает в лицо противнику дерзкий вызов: *я — ничто, но я должен быть всем*. Основу немецкой ради и честности, не только отдельных личностей, но и классов, образует, напротив, тот *сдержанный эгоизм*, который отстаивает свою ограниченность и допускает, чтобы и другие отстаивали в противовес усвою ограниченность. Отношение между различными сферами немецкого общества поэтому не драматическое а эпическое. Каждая из их начинает осознавать себя и располагаться, со всеми своими особыми притязаниями, рядом с другими не тогда, когда ее угнетают, а тогда, когда современные отношения создают — без всякого содействия с ее стороны — такую стоящую ниже ее общественную сферу, которую она свою очередь может угнетать. Даже *моральное чувство собственного достоинства немецкой буржуазии*, основано лишь на сознании того, что она — общий представитель филистерской посредственности всех других классов. Поэтому не только немецкие короли вступают на престол *mal a propos* [некстати], каждая сфера гражданского общества переживает вое поражение прежде, чем успевает отпраздновать свою победу, она устанавливает свои собственные преграды прежде, чем успевает преодолеть поставленную ей преграду, проявляет свою бездушную сущность прежде, чем ей удастся проявить свою великодушную сущность, — так что даже возможность сыграть большую роль всегда оказывается уже позади прежде, чем эта возможность успела обнаружиться, и каждый класс, как только он начинает борьбу с классом, выше его стоящим, уже оказывается

вовлеченным в борьбу с классом, стоящим ниже его. Поэтому княжеская власть находится в борьбе с королевской, бюрократ — в борьбе с дворянством, буржуа — в борьбе с ними со всеми вместе, а в это время пролетарий уже начинает борьбу против буржуа. Буржуазия не дерзает еще сформулировать со своей точки зрения мысль об эмансипации, когда развитие социальных условий, а также и прогресс политической теории объявляют уже самую эту точку зрения устаревшей или, по крайней мере, проблематичной.

Во Франции достаточно быть чем-нибудь, чтобы желать быть всем. В Германии надо быть ничем, если не хочешь отказаться от всего. Во Франции частичная эмансипация есть основа всеобщей. В Германии всеобщая эмансипация есть *conditio sine qua non* [необходимое условие] всякой частичной. Во Франции свобода во всей ее полноте должна быть порождена действительным процессом постепенного освобождения, в Германии — невозможностью такого постепенного процесса. Во Франции каждый класс народа — *политический идеалист* и чувствует себя прежде всего не особым классом, а представителем социальных потребностей вообще. Поэтому роль *освободителя* последовательно переходит — в полном драматизма движении — к различным классам французского народа, пока, наконец, не дойдет очередь до такого класса, который осуществит социальную свободу, уже не ограничивая ее определенными условиями, лежащими вне человека и все же созданными человеческим обществом, а, наоборот, организует все условия человеческого существования, исходя из социальной свободы как необходимой предпосылки. В Германии, напротив, где практическая жизнь также лишена духовного содержания, как духовная жизнь лишена связи с практикой, ни один класс гражданского общества до тех пор не чувствует ни потребности во всеобщей эмансипации, ни способности к ней, пока его к тому не принудят его *непосредственное* положение, *материальная* необходимость, его *собственные цепи*.

В чем же, следовательно, заключается *положительная* возможность немецкой эмансипации?

Ответ: в образовании класса, скованного *радикальными цепями*, такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое *особое право*, ибо над ней тяготеет не особое бесправие, а *бесправие вообще*, которая уже не может сослаться на *историческое* право, а только лишь на *человеческое* право, которая находится не в одностороннем противоречии с последствиями, вытекающими из немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с его предпосылками; такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества, — одним словом, такой сферы, которая представляет собой *полную утрату* человека, и следовательно, может возродить себя лишь путем полного

возрождения человека. Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть *пролетариат*.

Пролетариат зарождается в Германии в результате начинающегося прокладывать себе путь *промышленного* развития; ибо не *стихийно сложившаяся, а искусственно созданная* бедность, не механически согнувшаяся под тяжестью общества людская масса, а масса, возникающая из *стремительного процесса его разложения*, главным образом из разложения среднего сословия, — вот что образует пролетариат, хотя постепенно, как это само собой понятно, ряды пролетариата пополняются и стихийно возникающей беднотой, и христианско-германским крепостным сословием.

Возвещая *разложение существующего миропорядка*, пролетариат раскрывает лишь *тайну своего собственного бытия*, ибо он и есть фактическое разложение этого миропорядка. Требуя *отрицания частной собственности*, пролетариат лишь возводит в *принцип общества* то, что общество возвело в *его принцип*, что воплощено уже в *нем*, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества. Пролетарий обладает по отношению к возникающему миру таким же правом, каким *немецкий король* обладает по отношению к уже возникшему миру, когда он называет народ *своим* народом, подобно тому как лошадь он называет *своей* лошадью. Объявляя народ своей частной собственностью, король выражает лишь тот факт, что частный собственник есть король.

Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, совершится эмансипация *немца в человека*.

Из всего этого вытекает:

Единственно *практически* возможное освобождение Германии (есть освобождение с позиций той теории, которая объявляет высшей сущностью человека самого человека. В Германии эмансипация от *средневековья* возможна лишь как эмансипация вместе с тем и от *частичных* побед над средневековьем. В Германия *никакое* рабство не может быть уничтожено без того, чтобы не было уничтожено всякое рабство. *Основательная* Германия не может совершить революцию, не начав революции *с самого основания*. *Эмансипация немца есть эмансипация человека*. Голова этой эмансипации — *философия*, ее сердце — *пролетариат*. Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность. [...]

Печатается по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 421-429.

К критике политической экономии

Предисловие

[...] В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — про-

изводственные отношения, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной степени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. [...]

Печатается по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6,7.

Критика Готской программы

Замечания к программе германской рабочей партии

[...] Свободное государство — что это такое? Сделать государство "свободным" — это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. В Германской империи "государство" почти столь же "свободно", как в России. Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают "свободу государства".

Германская рабочая партия — по крайней мере, если она принимает эту программу, — обнаруживает, как неглубоко прониклась она социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как "основу" существующего государства (или будущее общество как основу будущего государства), она,

напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными "духовными, нравственными, свободными основами".

Да к тому же еще грубое злоупотребление в программе словами: "современное государство" и "современное общество", а также и еще более грубое непонимание того государства, которому она предъявляет свои требования!

"Современное общество" есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, "современное государство" меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. "Современное государство" есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о "современной государственности" в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово "народ" со словом "государство", это ни капельки не подвинет его разрешения.

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*.

Но программа не занимается ни этой последней; ни будущей государственностью коммунистического общества.

Ее политические требования не содержат ничего, кроме всем известных демократических переполюсов: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право, народное ополчение и прочее. Это простой отголосок буржуазной Народной партии, лиги мира и свободы. Все это сплошь требования, которые, поскольку они не переходят в фантастические представления, уже *осуществлены*. Только государство, их осуществившее, находится не в пределах Германской империи, а в Швейцарии, Соединенных Штатах и так далее. Подобного рода "государство будущего" есть *современное государство*, хотя и существующее вне "рамок" Германской империи.

Забыли, однако, об одном. Так как германская рабочая партия определенно заявляет, что она действует в пределах "современного национального

государства", стало быть, своего государства, прусско-германской империи, — да иначе и требования ее были бы в большей части бессмысленны, так, как требуют ведь только того, чего не имеют, — то она не должна была бы забывать самого главного, а именно, что все эти прекрасные вещицы покоятся на признании так называемого народного суверенитета и поэтому уместны только в *демократической республике*.

Раз уж не хватило мужества требовать демократической республики, как это делали французские рабочие программы при Луи-Филиппе и Луи-Наполеоне, — и разумное и бо обстоятельстве предписывают осторожность, — то незачем было прибегать и к этой уловке, которая не является ни "честной", ни достойной, — требовать вещей, которые имеют смысл лишь в демократической республике, от такого государства, которое представляет собой не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм, и сверх того еще торжественно заверять такое государство, что воображают добиться от него чего-либо подобного "законными средствами"!

Даже вульгарная демократия, которая в демократической республике видит осуществление царства Божия на земле и совсем не подозревает, что именно в этой последней государственной форме буржуазного общества классовая борьба и должна быть окончательно решена оружием, — даже она стоит все же неизмеримо выше такого сорта демократизма, который держится в пределах полицейски дозволенного и логически недопустимого. [...]

Печатается по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 26-30.

КАРЛ КАУТСКИЙ

Каутский Карл (1854-1938)

Один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II-го Интернационала, идеолог центризма. Был близок к лассальянству. С конца 70-х годов начал переходить на позиции марксизма.

В начале XX в. Каутский опубликовал ряд работ, написанных, несмотря на отдельные отступления, в духе революционного марксизма: статья "Славяне и революция", брошюры "Движущие силы и перспективы русской революции", "Путь к власти" др. В годы, предшествовавшие 1-й мировой войне, Каутский всё более отходит от революционного рабочего движения, проводя линию на примирение с ревизионистами, поддерживая ликвидаторов в российской социал-демократии, отрицая партийность марксистской философии и т.д. Каутский стал идеологом центризма. С началом войны окончательно порвал с революционным марксизмом. Отрицание Каутским связи между господством монополий и захватнической политикой империалистических государств, попытка свести империализм к разновидности политики современного капитализма вели, по мнению

Ленина, к затушёвыванию коренных противоречий, свойственных монополистической стадии развития капитализма. Реформистской была и выдвинутая Каутским идея ультраимпериализма, рисовавшая перспективу наступления новой фазы мирного развития капитализма и изживания его противоречий. Каутский разделял пацифистские взгляды, по существу отрицал неизбежность пролетарской революции. Октябрьскую революцию встретил настороженно, выступал против установления диктатуры пролетариата, в защиту демократии.

Современные правосоциалистические лидеры используют взгляды Каутского для обоснования реформистской политики.

Путь к власти

(политические очерки о вращении в революцию)

[...] Это и есть теория вращении в социалистическое общество.

В этой теории содержится весьма реальное зерно. Она исходит из фактов, подтверждаемых действительным развитием и свидетельствующих о том, что мы и в самом деле идем навстречу социализму. Ведь именно Маркс и Энгельс охарактеризовали этот процесс и доказали его закономерность.

Мы вращаем в социализм одновременно двумя путями. Во-первых, через развитие капитализма в результате концентрации капитала. Конкуренция приводит к тому, что крупный капитал, ввиду своего превосходства над мелким, угрожает ему, притесняет и, в конце концов, совсем вытесняет его. Одно это, не говоря уже о неудержимой жажде наживы, заставляет каждого капиталиста стремиться к увеличению своего капитала, к расширению своего предприятия. Все крупнее становятся предприятия, все большее число их объединяется в одних руках. В настоящее время дело дошло уже до того, что банки и союзы предпринимателей держат в своих руках значительную часть капиталистических предприятий самых различных наций и организуют их. Таким образом, происходит все большая подготовка общественной организации производства.

Одновременно с этой централизацией предприятий идет рост больших капиталов, причем форма акционерного общества ни в коей мере не стесняет этого роста. Напротив, акционерное общество не только обеспечивает в настоящее время господство немногих банков и организаций предпринимателей над производством, но и является средством превращения мелких и мельчайших состояний в капитал, отдавая их тем самым во власть капитализма.

С помощью акционерных обществ сбережения простых людей предоставляются в распоряжение капиталистов, которые используют их как свои собственные капиталы, и, таким образом, еще больше увеличивают централизующую силу принадлежащих им крупных состояний.

Благодаря системе акционерных обществ, сам капиталист, как личность, становится совершенно ненужным для капиталистического предприятия. Устранение его деятельности из экономической жизни перестает быть вопросом

экономической возможности или целесообразности. Оно становится только лишь вопросом силы.

Но подготовка социализма путем концентрации капитала представляет собой только одну сторону вращающегося в государство будущего. Наряду с этим, внутри рабочего класса также происходит развитие, представляющее собой движение в направлении к социализму. По мере роста капитала увеличивается и число пролетариев в обществе. Они становятся его самым многочисленным классом. Одновременно растут и организации пролетариата. Рабочие создают кооперативы, устраняющие посредничество в торговле, и организующие производство для собственного потребления; они основывают профессиональные союзы, ограничивающие единовластие предпринимателей и стремящиеся приобрести влияние на процесс производства; они избирают депутатов в органы самоуправления общин и в парламенты государств; эти депутаты стремятся проводить там реформы, добиться принятия законов по охране труда, превратить государственные и общинные предприятия в образцовые и постоянно увеличивать число этих предприятий.

Движение это происходит непрерывно, и мы, по словам наших реформистов, переживаем уже период социальной революции, более того, по мнению некоторых, уже вступили в социализм. Необходимо только дальнейшее развитие на существующей основе и не нужна никакая катастрофа,— она может лишь помешать вращению в социализм; поэтому откажемся от всякой мысли о пей и направим все наши усилия на "положительную" работу.

Подобная перспектива, безусловно, очень заманчива, и нужно обладать поистине дьявольским характером, чтобы быть сторонником катастрофы, которая нарушила бы этот столь великолепный "постепенный реформистский подъем". Если бы желание было отцом наших мыслей, мы, марксисты, все без исключения, должны были бы прийти в восторг от этой теории вращающегося. [...]

[...] Капиталистический способ производства возник в период, когда массы пролетариев были беспомощными, лишенными крова и представляли для общества паразитический и совершенно ненужный элемент. Капиталист, который брал их к себе на службу, был их спасителем, "кормильцем" или "работодателем", как сейчас принято говорить, хотя это звучит не намного лучше. Воля к жизни пролетариев вынуждала их продавать себя. Другой возможности к существованию, кроме этой, они не видели, так же как не видели и возможности оказать капиталисту сопротивление. Но положение стало постепенно изменяться. Из надоедливых нищих, которым дают работу из жалости, пролетарии превращаются в рабочий класс, за счет которого живет общество; напротив того, личность капиталиста становится все более излишней для дальнейшего развития производства, о чем наглядно свидетельствуют акционерные общества и тресты. Отношения найма все больше превращаются из экономической необходимости в простое соотношение сил, поддерживаемое властью государства. А пролетариат

становится самым многочисленным классом в государстве, так же как и в армии, на которую опирается государственная власть.[...]

[...] Стоит только классу или государству перейти из революционной стадии в консервативную, стоит ему только перестать бороться за свое существование или упрочение, начать довольствоваться существующим положением и улучшать его лишь в мелочах, как сразу же сужается духовный кругозор его идейных вождей и руководителей. Их интерес к значительным вопросам угасает, они утрачивают свою смелость, отважные мыслители и борцы признаются неудобными и отодвигаются на задний план. На передний план выступают интриганство и малодушное безволие.

Кроме того, у государственных деятелей и идеологов классов и государств, которым не нужно больше бороться за великие идеи, бескорыстная заинтересованность в общих классовых интересах и интересах всего общества вытесняется интересом к своей собственной персоне. Личности, стремящиеся к власти, вдохновляются уже не желанием создать что-нибудь великое, новое для общества, а лишь стремлением приобрести власть и богатство для себя лично. Их беззастенчивый карьеризм также проявляется в стремлении власть имущих окружать себя не теми людьми, которые способны лучше всего служить общему делу, а теми, которые умеют лучше всего льстить и подлаживаться к личным потребностям и склонностям самих власть имущих.

К этим общим причинам морального и интеллектуального падения всех власть имущих в консервативной стадии присоединяются еще и особые причины, вытекающие из своеобразия капитализма.

Прежде эксплуататорские классы были и правящими классами. По крайней мере, командные посты в государственном аппарате они сохраняли за собой. Класс капиталистов, напротив, настолько поглощен своими темными делами, что предоставляет заниматься политикой другим, которые, по существу, представляют собой не что иное, как приказчиков; в демократических странах — деловым политикам, парламентариям и журналистам, в абсолютистских — придворным, в странах, занимающих промежуточное положение,— пестрой смеси этих элементов, в которой преобладают то одни, то другие.

До тех пор, пока капиталистическая эксплуатация еще незначительна, лозунг капитала гласит "накопление", причем он пытается навязать его также и государственному аппарату. Мелкая буржуазия волей-неволей верна этому лозунгу; напротив, крупный капитал, по мере того, как он усиливает эксплуатацию, развивает все большее мотовство и стремление к роскоши, которое, в конце концов, принимает такой же бешеный темп и такие же безумные фермы, как и гонка вооружений.

Прежде правители государства по своему богатству и роскоши были недостижимы для всех своих подданных. Теперь политических и государственных деятелей, занимающих даже самые высокие посты, в этом отношении все больше обгоняют крупные представители финансового мира. Повысить же регулярный

доход находящихся у власти государственных деятелей из государственной мощны не так-то уж просто, особенно в парламентских государствах, где приходится считаться с избирателями и налогоплательщиками, кричащими об экономии. Это тем труднее, чем большие суммы из прироста государственных доходов поглощает вооружение.

Если политические и государственные деятели не хотят отставать в своем образе жизни от крупных эксплуататоров, запросы которых все растут, у них не остается иного выхода, как найти, наряду с законными источниками дохода, незаконные, пользуясь для этого своим влиятельным положением в государстве и протитуируя им. Они используют свою осведомленность в государственных тайнах и свое влияние на государственную политику для биржевых спекуляций; они паразитическим образом эксплуатируют гостеприимство крупных эксплуататоров, предоставляя тем оплачивать их долги, и, наконец, в худшем случае попросту принимают взятки, продавая тем самым свою политическую власть.

Это зло является всеобщим, оно распространено во всех капиталистических странах, где имеются крупные эксплуататоры. Оно всегда поражает в первую очередь наиболее влиятельные политические органы: в демократических странах — парламентариев и журналистов, в абсолютистских — придворные круги. Повсюду оно влечет за собой глубокую развращенность нравов, которая тем скорее разъедает все вокруг, чем сильнее растут капиталистическая эксплуатация и расточительность, а с ними и потребности политических и государственных деятелей, чем сильнее становится государственная власть и шире ее экономические функции.

Нельзя, конечно, считать, что пораженные коррупцией всегда сознают это и что все политические и государственные деятели господствующих классов продажны. Это было бы преувеличением. Но соблазн коррупции в этих кругах все растет, требуется все большая сила воли, чтобы не поддаться ему, а поддаться ему тем легче, чем большее распространение получила сама атмосфера коррупции, чем более развита и замаскирована ее практика, которая позволяет пораженному коррупцией не чувствовать собственного падения.

Итак, мы видим, что по мере того как проблемы политики все более усложняются и требуют от государственных деятелей все больших знаний, добросовестности, решительности и более широкого кругозора, в господствующих классах научный подход все больше заменяется поверхностной болтовней, добросовестность — легкомыслием, упорное стремление к достижению высоких целей — личным карьеризмом и мелким интриганством, спокойная, решительная твердость — непрерывным шатанием между откровенной жестокостью и трусливым отступлением. Одновременно развиваются безудержная алчность и продажность, которые проявляются то в панамском скандале, то в сговоре правителей с жуликами и почти везде в мошенничестве поставщиков военных материалов, которые одним поставляют непрочные броневые плиты, другим — негодные пушки, или, наконец, дерут с родины вдвое

дороже, чем с границы. Военные поставки с давних пор служили средством обогащения для многих капиталистов, но никогда еще поставщики военных материалов не были так тесно связаны с правительствами, не оказывали такого влияния на политику, от которой зависят вопросы войны и мира, как в настоящее время. [...]

Печатается по: Каутский К. Путь к власти. М.: Госполитиздат, 1959. С.42-44, 57, 126-129.

ИДЕОЛОГИЯ АНАРХИЗМА

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

Бакунин Михаил Александрович (1814-1876)

Видный деятель западноевропейского и российского революционного движения, теоретик анархизма. В своих книгах "Федерализм, социализм и антитеологизм", "Государственность и анархия" и других работах представил в развернутом виде свое анархическое мировоззрение.

Для теоретического творчества Бакунина характерно противоборство с постулатами, обосновываемыми Марксом и его сторонниками. Свободное творчество жизни, основанное на добровольной организации снизу вверх, обеспечивающей полную свободу личностей и групп; вольное саморегулирование рабочих масс и другое противопоставлялись марксовым представлениям о планомерном общественном устройстве, централизации всех общественных сил и средств, о примате общественного над частным и т.д. По Бакунину никакая политическая борьба не приведет к освобождению без экономического равенства. Для него высшим условием свободы, в том числе политической, является закон равенства, который одинаково применим к целым нациям, классам, сообществам, индивидам. Чтобы сделать власть гуманной, необходимо совершить социальную революцию, разрушить все учреждения неравенства, установить экономическое и социальное равенство. Социальная революция отличается от политической так же, как и политический республиканизм от социального. Политический республиканизм обязательно, как считает Бакунин, ведет к деспотизму. Правительственная, государственная власть развращает тех, кто облачен ею, и тех, кто принужден ей покоряться. Одни, и их меньшинство, превращаются в деспотов и эксплуататоров общества, другие становятся их рабами. Отсюда исключение Бакуниным всякой идеи диктатуры и "опекунской правящей власти", с какой бы стороны она ни исходила.

Идеи освобождения пролетариата "посредством только одного государства", а также "революционной диктатуры и государственности" встретили со стороны Бакунина самое решительное несогласие. Результатом такого "освобождения", считал он, станет жестокое, деспотическое правление привилегированного научно-политического сословия (начальников коммунистической партии) с

централизацией финансовой деятельности, торгово-промышленного, земледельческого и даже научного производства. Бакунин, один из первых критиков марксизма, подметил существеннейшую его сторону – тяготение к политике и государственности, несмотря на провозглашенную отмену государства в коммунистическом будущем.

Федерализм, социализм и антитеологизм

[...] Государство — это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности. Оно называет всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных. Оно берет под свое покровительство лишь своих собственных граждан, признает человеческое право, человечность и цивилизацию лишь внутри своих собственных границ; не признавая вне себя никакого права, оно логически присваивает себе право самой жестокой бесчеловечности по отношению ко всем другим народам, которых оно может по своему произволу грабить, уничтожать или порабощать. Если оно и выказывает по отношению к ним великодушие и человечность, то никак не из чувства долга; ибо оно имеет обязанности лишь по отношению к самому себе, а также по отношению к тем своим членам, которые его свободно образовали, которые продолжают его свободно составлять или даже, как это всегда в конце концов случается, сделались его подданными. Так как международное право не существует, так как оно никак не может существовать серьезным и действительным образом, не подрывая саму основу принципа суверенности государства, то государство не может иметь никаких обязанностей по отношению к наследию других государств. Следовательно, гуманно ли оно обращается с покоренным народом, грабит ли оно его и уничтожает лишь наполовину, не низводит до последней степени рабства, — оно поступает так из политических целей и, быть может, из осторожности или из чистого великодушия, но никогда из чувства долга, ибо оно имеет абсолютное право располагать покоренным народом по своему произволу.

Это вопиющее отрицание человечности, составляющее сущность Государства, является, с точки зрения Государства, высшим долгом и самой большой добродетелью: оно называется патриотизмом и составляет всю трансцендентную мораль Государства. Мы называем ее трансцендентной моралью, потому что она обычно превосходит уровень человеческой морали и справедливости, частной или общественной, и тем самым чаще всего вступает в противоречие с ними. Например, оскорблять, угнетать, грабить, обирать, убивать или порабощать своего ближнего считается, с точки зрения обыкновенной человеческой морали, преступлением. В общественной жизни, напротив, с точки зрения патриотизма, если это делается для большей славы государства, для сохранения или увеличения его могущества, то становится долгом и добродетелью. И эта добродетель, этот долг обязательны для каждого гражданина-патриота; каждый должен их выполнять — и не только по отношению к

иностранцам, но и по отношению к своим соотечественникам, подобным ему членам и подданным государства, — всякий раз, как того требует благо государства.

Это объясняет нам, почему с самого начала истории, т.е. с рождения государств, мир политики всегда был и продолжает быть ареной наивысшего мошенничества и разбоя — разбоя и мошенничества, к тому же высоко почитаемых, ибо они предписаны патриотизмом, трансцендентной моралью и высшим государственным интересом. Это объясняет нам, почему вся истории древних и современных государств является лишь рядом возмутительных преступлений, почему короли и министры в прошлом и настоящем, во все времена и во всех странах, государственные деятели, дипломаты, бюрократы и военные, если их судить с точки зрения простой морали и человеческой справедливости, сто раз, тысячу раз заслужили виселицы или каторги; ибо нет ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступления, обмана, низкой сделки, циничного воровства, бесстыдного грабежа и подлой измены, которые бы не были совершены, которые бы не продолжали совершаться ежедневно представителями государств без другого извинения, кроме столь удобного и вместе с тем столь страшного слова: государственный интерес!

Поистине ужасное слово! Оно развратило и обесчестило большее число лиц в официальных кругах и правящих классах общества, чем само христианство. Как только это слово произнесено, все замолкает, все исчезает: честность, честь, справедливость, право, исчезает само сострадание, а вместе с ним логика и здравый смысл; черное становится белым, а белое — черным, отвратительное — человеческим, а самые подлые предательства, самые ужасные преступления становятся достойными поступками!

И так как теперь уже доказано, что никакое государство не может существовать, не совершая преступлений или, по крайней мере, не мечтая о них, не обдумывая, как их исполнить, когда оно бессильно их совершить, мы в настоящее время приходим к выводу о безусловной необходимости уничтожения государств. Или, если хотите, их полного и коренного переустройства в том смысле, чтобы они перестали быть централизованными и организованными сверху вниз державами, основанными на насилии или на авторитете какого-нибудь принципа, и, напротив, реорганизовались бы снизу вверх, с абсолютной свободой для всех частей объединяться или не объединяться и с постоянным сохранением для каждой части свободы выхода из этого объединения, даже если бы она вошла в него по доброй воле, реорганизовались бы согласно действительным потребностям и естественным стремлениям всех частей, через свободную федерацию индивидов и ассоциаций, коммун, округов, провинций и наций в единое человечество.

Государственность и анархия

[...] Мы уже несколько раз высказывали глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей работникам если не последний идеал, то по крайней мере как ближайшую главную цель — основание Народного государства, которое, по их объяснению, будет не что иное, как "пролетариат, возведенный на степень господствующего сословия".

Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Например, хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом; или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии.

Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо — вот почему мы враги государства.

Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления? Немцев считают около сорока миллионов. Неужели же все сорок миллионов будут членами правительства? Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут и управляемые, будут рабы.

Эта дилемма в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избирательства целым народом так называемых народных представителей и правителей государства — вот последнее слово марксистов, так же как и демократической школы, — ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли.

Итак, с какой точки зрения ни смотри на этот вопрос, все приходишь к тому же самому печальному результату: к управлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природою человека.

Но эти избранные будут горячо убежденные и к тому же ученые социалисты. Слова "ученый социалист", "научный социализм", которые беспрестанно встречаются в сочинениях и речах лассальцев и марксистов, сами собою доказывают, что мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократиею действительных или Мнимых ученых. Народ не учен, значит, он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение!

Марксисты чувствуют это противоречие и, сознавая, что управление ученых, самое тяжелое, обидное и презрительное в мире, будет, несмотря на все демократические формы, настоящею диктатурою, утешают мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая. Они говорят, что единственною заботою и целью ее будет образовать и поднять народ как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление сделается скоро ненужным и государство, утратив весь политический, т.е. господствующий характер, обратится само собою в совершенно свободную организацию экономических интересов и общин.

Тут явное противоречие. Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздниться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным? Своею полемикою против них мы довели их до сознания, что свобода, или анархия, т.е. вольная организация рабочих масс снизу вверх, есть окончательная цель общественного развития, и что всякое государство, не исключая и их народного, есть ярмо, значит, с одной стороны, порождает деспотизм, а с другой — рабство.

5. Уничтожение государства и юридического права необходимо будет иметь следствием уничтожение личной наследственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности, так как та и другая совершенно не допускают человеческой справедливости.

6. Уничтожение государства, права собственности и юридической семьи — одно сделает возможным организацию народной жизни снизу вверх, на основании коллективного труда и собственности, сделавшихся в силу самих вещей возможными и обязательными для всех путем Совершенной, свободной федерации отдельных лиц в ассоциации, или независимые общины, или помимо общин и всяких областных и национальных разграничений в великие однородные ассоциации, связанные тождественностью их интересов и социальных стремлений и общих в нации, наций в человечество.

Как же морализировать этот мир? Возбуждая в нем прямо, сознательно и укрепляя в его уме и сердце единую, всепоглощающую страсть всенародного общечеловеческого освобождения. Это новая, единственная религия, силою которой можно шевелить души и создавать спасительную коллективную силу. Таково должно быть отныне единственное содержание тайной организации,

организации, которая должна в одно и то же время создать народо-вспомогательную силу и сделаться практическою школою нравственного воспитания для всех членов.

Прежде всего определим ближе цель, значение и назначение этой организации. В моей системе, как я уже несколько раз заметил выше, она не должна составлять революционной армии — у нас должна быть только одна революционная армия — народ, — организация должна быть лишь только штабом этой армии, организатором не своей, а народной силы, посредницею между народным инстинктом и революционною мыслию. А революционная мысль только потому и революционна, жива, действительна, истинна, что она выражает и только поскольку она формирует народные инстинкты, выработанные историею. Стремиться навязать народу свою мысль, простую [...] или чуждую его инстинктам, — значит хотеть поработить его новому государству. Поэтому организация, хотящая искренно только освобождения народной жизни, должна принять программу, которая была бы полнейшим выражением народных стремлений.

Организации предстоит огромная задача: не только приготовить торжество революции народной посредством пропаганды и сплочения народных сил; не только разрушить до конца силою этой революции весь ныне существующий экономический, социальный и политический порядок вещей; но еще, пережив самое торжество революции, на другой день народной победы сделать невозможным установление какой бы то ни было государственной власти над народом — даже самой революционной, по-видимому, даже вашей, — потому что всякая власть, как бы она ни называлась, непременною образом подвергла бы народ старому рабству в новой форме. Поэтому организация наша должна быть довольно крепка и живуча, чтобы пережить первую победу народа, — а это совсем нелегкое дело, — должна быть так глубоко проникнута своим началом, чтобы можно было надеяться, что даже посреди самой революции она не изменит ни мыслей, ни характера, ни направления. В чем же должно будет состоять это направление. Что будет главною целью и задачею организации? Помочь народу самоопределиваться на основании полнейшего равенства и полнейшей и все-сторонней человеческой свободы, без малейшего вмешательства какой бы то ни было, даже временной или переходной, власти, т.е. без всякого государственного посредства.

Мы отъявленные враги всякой официальной власти — будь она хоть распререволюционная власть, — враги всякой публично признанной диктатуры, мы — социально-революционные анархисты.

Печатается по: Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 92-94, 96; 482, 483, 525, 546.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН

Кропоткин Петр Алексеевич (1842-1921).

Русский геолог и географ, социолог. Родился в семье генерала, помещика из княжеского рода. Камер-паж царя. Служил в Амурском казачьем войске. Был чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. В 1864-1866 гг. путешествовал по Манчжурии, Патомскому нагорью, Витимскому плоскогорью. После окончания экспедиций поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. В начале 1872 г. примкнул к бакунинскому крылу Интернационала. Вел пропаганду среди петербургских рабочих. В 1874 г. арестован, бежал из заключения в 1876 г. и эмигрировал. В изгнании провел свыше 40 лет. В Женеве издавал газету "Револьте", выслан из Швейцарии в 1881 г. В 1883 г. приговорен на Лионском процессе анархистов к 5 годам лишения свободы. В результате протестов общественности освобожден в 1886 г. и поселился в Англии. Занимался разработкой проблем анархизма, социологией, биологией, географией.

Учение называют "анархическим коммунизмом". Сторонник социальной революции, в которой видел не стихийный бунт, а сознательное действие народа. Различал в обществе два враждебных начала: народное и начальническое, борьба между которыми составляет содержание исторического процесса. Развитие общества как чередование революционных скачков и эволюционных процессов. Содержанием будущей социальной революции является революционное творчество масс. Будущее общество видел как союз вольных общин, объединенных свободным договором.

Задачи социальной революции, по мнению Кропоткина, следующие: экспроприация "всего", прямой обмен продуктов (интеграция труда, сочетание умственного образования с физическим трудом).

Хлеб и воля

[...] Всякое общество, покончившее с частной собственностью, должно будет, по нашему мнению, организовать на началах анархического коммунизма. Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм — к анархизму, причем и тот и другой представляют собой не что иное, как выражение одного и того же стремления, преобладающего в современных обществах, — стремления к равенству.

Но наш коммунизм не есть коммунизм фаланстера или коммунизм немецких теоретиков-государственников. Это — коммунизм анархический, коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей. Это — синтез, т.е. соединение в одно двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена: свободы экономической и свободы политической. [...]

Современная наука и анархия

[...] В силу различных исторических, политических и экономических данных, а также в силу уроков новейшей истории, у анархистов сложился, как мы уже сказали, свой взгляд на общество, совершенно иной, чем у всех политических партий, стремящихся к захвату государственной власти в свои руки.

Мы представляем себе общество в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются не законами, наследием исторического гнета и прошлого варварства, не какими бы то ни было властителями, избранными или же получившими власть по наследию, а взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, также свободно признанными. Эти обычаи, однако, не должны застывать в своих формах и превращаться в нечто неизблемое под влиянием законов или суеверий. Они должны постоянно развиваться, применяясь к новым требованиям жизни, к прогрессу науки и изобретений и к развитию общественного идеала, все более разумного, все более возвышенного.

Таким образом — никаких властей, которые навязывают другим свою волю, никакого владычества человека над человеком, никакой неподвижности в жизни, а вместо того — постоянное движение вперед, то более скорое, то замедленное, как бывает в жизни самой природы. Каждому отдельному лицу предоставляется, таким образом, свобода действий, чтобы оно могло развить все свои естественные способности, свою индивидуальность, т.е. все то, что в нем может быть своего, личного, особенного. Другими словами — никакого навязывания отдельному лицу каких бы то ни было действий под угрозой общественного наказания или же сверхъестественного мистического возмездия: общество ничего не требует от отдельного лица, чего это лицо само не согласно добровольно в данное время исполнить. Наряду с этим — полнейшее равенство в правах для всех.

Мы представляем себе общество равных, не допускающих в своей среде никакого принуждения; и, несмотря на такое отсутствие принуждения, мы нисколько не боимся, чтобы в обществе равных вредные обществу поступки отдельных его членов могли бы принять угрожающие размеры. Общество людей свободных и равных сумеет лучше защитить себя от таких поступков, чем наши современные государства, которые поручают защиту общественной нравственности полиции, сыщикам, тюрьмам — т.е. университетам преступности, — тюремщикам, палачам и судам. В особенности сумеет оно предупредить самую возможность противообщественных поступков путем воспитания и более тесного общения между людьми.

Ясно, что до сих пор нигде еще не существовало общества, которое применяло бы на деле эти основные положения. Но во все времена в человечестве было стремление к их осуществлению. Каждый раз, когда некоторой части человечества удавалось хоть на время свергнуть угнетавшую его власть или же уничтожить укоренившиеся неравенства (рабство, крепостное право, самодержавие, владычество известных каст или классов), всякий раз, когда новый

луч свободы и равенства проникал в общество, всегда народ, всегда угнетенные старались хотя бы отчасти провести в жизнь только что указанные основные положения.

Поэтому мы вправе сказать, что анархия представляет собой известный общественный идеал, существенно отличающийся от всего того, что до сих пор восхвалялось большинством философов, ученых и политиков, которые все хотели управлять людьми и давать им законы. Идеалом господствующих классов анархия никогда не была. Но зато она часто являлась более или менее сознанным идеалом масс.

Государство в совокупности есть общество взаимного страхования, заключенного между землевладельцем, воином, судьей и священником, чтобы обеспечить каждому из них власть над народом и эксплуатацию бедноты.

Таково было происхождение государства, такова была его история, и таково его существо еще в наше время.

[...] Государство — нечто гораздо большее, чем организация администрации в целях водворения "гармонии" в обществе, как это говорят в университетах. Это — организация, выработанная и усовершенствованная медленным путем на протяжении трех столетий, чтобы поддерживать права, приобретенные известными классами, и пользоваться трудом рабочих масс; чтобы расширить эти права и создать новые, которые ведут к новому закреплению обездоленных законодательством граждан по отношению к группе лиц, осыпанных милостями правительственной иерархии. Такова истинная сущность государства. Все остальное — лишь слова, которые государство само велит внушать народу и которые повторяются по привычке, не избирая их более внимательно, — слова столь же ложные, как и те, которым учит церковь, чтобы прикрыть свою жажду власти, богатства и опять-таки власти!

Печатается по: Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 46,52; 287, 288, 347, 533.

ИДЕОЛОГИ БОЛЬШЕВИЗМА

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Ленин Владимир Ильич (1870-1924)

Виднейший теоретик пролетарской идеологии. В работах "Государство и революция", "О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве", "О государстве", "К четырехлетней годовщине Октябрьской революции" и многих других он исследовал политические структуры под углом зрения отношения к ним пролетариата и его партии.

Взгляды Ленина на политику можно условно разбить на три периода: дореволюционный, предреволюционный и послереволюционный. Под революцией, соответственно, понимается революция 1917 г.

Дореволюционный период характеризуется ортодоксальным подходом к буржуазной политике капиталистического мира и царизму как наиболее реакционной форме буржуазного государства. Как всякий оппозиционер, Ленин критически относится к любым явлениям буржуазной политики и противопоставляет им "неантагонистическое", внеклассовое пролетарское государство. Теоретически государство пролетариата, преодолев буржуазные частнособственнические отношения, теряет свой классовый характер и начинает действовать в интересах "трудящегося народа".

Революционная деятельность заставляет Ленина сформулировать принципиальную проблему: чем должен революционный пролетариат заменить буржуазную государственную машину? Опираясь на учение Маркса, он формулирует, однозначный ответ: государство революционного пролетариата может быть только его политической диктатурой. Только сами революционеры будут определять границы своей публичной деятельности. Главная задача первоначального периода заключалась в преобразовании всех отношений на основах общественной собственности и прямого государственного регулирования всех жизненных процессов, в первую очередь распределения. Неспособность советской власти наладить жизнь по-новому, которая выразилась в гражданской войне, вынудила Ленина изменить свой взгляд на функции пролетарского государства. Он приходит к выводу, что прямой переход к коммунизму невозможен, потребуется ряд переходных форм: государственный капитализм и социализм. Государство пролетариата в этих условиях, считал Ленин, должно непосредственно взять на себя руководство по выполнению функций, свойственных буржуазному способу организации общества. Ленин также полагал, что государство пролетариата может выполнять любые управленческие функции, включая и буржуазные. Научно-практическая деятельность Ленина подготовила почву для эволюции государства в откровенно тоталитарное.

Государство и революция

УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ

Глава I

КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

I. ГОСУДАРСТВО - ПРОДУКТ НЕПРИМИРИМОСТИ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

...Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия

непримиримы. ...По Марксу, государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание "порядка", который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. ...

Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т.е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем "отмирания".

Глава II ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ 1848-1851 ГОДОВ *1. КАНУН РЕВОЛЮЦИИ*

...Пролетариату нужно государство — это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и "забывая" добавить, что, во-первых, по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А, во-вторых, трудящимся нужно "государство", "то есть организованный в господствующий класс пролетариат".

Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплуататорский класс, т.е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее.

...Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т.е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в господствующий класс, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства все трудящиеся и эксплуатируемые массы. ...

"Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат", — эта теория Маркса неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролетариата в истории. Завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетариата. ...

2. ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ

...Все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве.

...Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла в эпоху падения абсолютизма. Два учреждения наиболее

характерны для этой государственной машины: чиновничество и постоянная армия. ...

Чиновничество и постоянная армия, это — "паразит" на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутренними противоречиями, которые это общество раздирают, но именно паразит, "затыкающий" жизненные поры. ...

Глава III

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 ГОДА. АНАЛИЗ МАРКСА

2. ЧЕМ ЗАМЕНИТЬ РАЗБИТУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ МАШИНУ?

...Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы "только" более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это "только" означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев "превращения количества в качество": демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство. ...

Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной "заработной плате рабочего", эти простые и "само собою понятные" демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой "экспроприацией экспроприаторов", т.е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность. ...

3. УНИЧТОЖЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

"Коммуна,— писал Маркс,— должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы..." ...

Эта замечательная критика парламентаризма, данная в 1871 году, тоже принадлежит теперь, благодаря господству социал-шовинизма и оппортунизма, к числу "забытых слов" марксизма. ...

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в "работающие" учреждения. ...

5. УНИЧТОЖЕНИЕ ПАЗАЗИТА - ГОСУДАРСТВА

..."Уничтожение государственной власти", которая была "паразитическим наростом", "отсечение" ее, "разрушение" ее; "государственная власть делается

теперь излишней" — вот в каких выражениях говорил Маркс о государстве, оценивая и анализируя опыт Коммуны. ...

Коммуна — первая попытка пролетарской революции разбить буржуазную государственную машину и "открытая наконец" политическая форма, которое можно и должно заменить разбитое.

Глава IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА

2. ПОЛЕМИКА С АНАРХИСТАМИ

...Маркс нарочно подчеркивает — чтобы не исказили истинный смысл его борьбы с анархизмом — "революционную и преходящую форму" государства, необходимого для пролетариата. Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. ...

5. ПРЕДИСЛОВИЕ 1891 ГОДА К "ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ" МАРКСА

...В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс... Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия не тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству государство, т. е. организация для систематического насилия одного класса над другим, одной части населения над другою.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т.е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в подчинении одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения. ...

Глава V

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТМИРАНИЯ ГОСУДАРСТВА

3. ПЕРВАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

...Коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс и называет "первой" или низшей фазой коммунистического общества. ...

Справедливости и равенства... первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые...

Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества ("социализм" в обычном словоупотреблении) не устраняет недостатков распределения и неравенства "буржуазного права", которое продолжает господствовать, поскольку продукты делятся "по работе". ...

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) "буржуазное право" отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.е. лишь по отношению к средствам производства. "Буржуазное право" признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку — и лишь постольку — "буржуазное право" отпадает. ...

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана "буржуазного права", освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. ВЫСШАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

... До тех пор, пока наступит "высшая" фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих....

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм не может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение "узкого горизонта буржуазного права" — при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов потребления предполагает, конечно, неизбежно и буржуазное государство, ибо право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — без буржуазии!...

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же

не преjdeши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения классов. Но демократия означает только формальное равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т.е. равенства труда, равенства заработной платы, перед человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т.е. к осуществлению правила: "каждый по способностям, каждому по потребностям". Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. ...

Печатается по: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т.33. С.1-120.

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

Сталин Иосиф Виссарионович (1879-1953)

Один из руководящих деятелей Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, теоретик и пропагандист марксизма-ленинизма. Под влиянием русских марксистов, проживавших в Закавказье, включился в революционное движение; в нелегальном кружке изучал труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Г.В. Плеханова. С момента создания РСДРП поддерживал ленинские идеи революционной марксистской партии, отстаивал большевистскую стратегию и тактику классовой борьбы пролетариата, являлся убеждённым сторонником большевизма. В период подпольной революционной деятельности неоднократно подвергался арестам и ссылкам. После свержения самодержавия Сталин был введён в состав Бюро ЦК РСДРП(б), принимал деятельное участие в развёртывании работы партии в новых условиях. Сталин поддержал ленинский курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Как член ЦК активно участвовал в подготовке и проведении Октябрьской революции. В период гражданской войны и иностранной военной интервенции Сталин выполнял ряд ответственных поручений. После окончания гражданской войны активно участвовал в борьбе партии за восстановление народного хозяйства, принял деятельное участие в создании СССР. После смерти Ленина участвовал в разработке и осуществлении политики КПСС, планов хозяйственного и культурного строительства, мер по укреплению обороноспособности страны и проведению внешнеполитического курса.

В деятельности Сталина наряду с положительными сторонами имели место теоретические и политические ошибки, отрицательно сказывались некоторые черты его характера. Постепенно сложился культ личности Сталина, который

повлѣк за собой грубые нарушения в социально-экономической и политической жизни страны. XX-й съезд КПСС осудил культ личности.

Вопросы ленинизма

Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками, предложенный И.В. Сталиным

Не ранее 11 августа 1922 г.

1. Признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее.

Примечание: Соответствующие изменения в конституциях, упомянутых в 1-м пункте республик, произвести по проведению вопроса в советском порядке.

2. Признать целесообразным формальное распространение компетенции ВЦИКа, СНК и СТО РСФСР на соответствующие центральные советские учреждения перечисленных в п. 1-м республик.

3. Внешние дела (Индел, Внешторг), военные дела, железнодорожные, финансовые и почта (почта и телеграф. – сост.) упомянутых в пун. 1-м независимых республик, объединить с таковыми РСФСР.

4. Наркоматы: продовольствия, труда и народного хозяйства формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР.

5. Остальные наркоматы упомянутых в п. 1-м республик как то: юстиции, просвещения, внутренних дел, земледелия, рабоче-крестьянской инспекции, народного здоровья и социального обеспечения считать самостоятельными.

Примечание: Органы борьбы с контрреволюцией в упомянутых выше республиках подчинить директивам ГПУ РСФСР.

6. Настоящее решение, если оно будет одобрено ЦК РКП, не публикуется, а передается национальным цека, как циркулярная директива для его проведения в советском порядке через ЦИКи или съезды Советов упомянутых выше республик до созыва Всероссийского Съезда Советов, на котором декларируется оно, как пожелание этих республик.

Член Комиссии И. Сталин

Печатается по: Известия ЦК КПСС. 1989. №9. С.192-193.

О проекте конституции Союза ССР (1936)

...III

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ

Какое отражение получили все эти изменения в жизни СССР в проекте новой Конституции?

Иначе говоря: каковы основные особенности проекта Конституции, представленного на рассмотрение настоящего Съезда?

Конституционной Комиссии было поручено внести изменения в текст Конституции 1924 года. В результате работы Конституционной Комиссии получился новый текст Конституции, проект новой Конституции СССР. Составляя проект новой Конституции, Конституционная Комиссия исходила из того, что конституция не должна быть смешиваема с программой. Это значит, что между программой и конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем, конституция, наоборот, должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем. Программа касается главным образом будущего, конституция настоящего.

Два примера для иллюстрации. Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т.е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм. (*Продолжительные аплодисменты*). Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула: "от каждого — по его способностям, каждому — по его труду". Должна ли наша Конституция отразить этот факт, факт завоевания социализма? Должна ли она базироваться на этом завоевании? Безусловно должна. Должна, так как социализм для СССР есть то, что уже добыто и завоевано.

Но советское общество еще не добилось осуществления высшей фазы коммунизма, где господствующим принципом будет формула: "от каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям", хотя оно и ставит себе целью добиться в будущем осуществления высшей фазы коммунизма. Может ли наша Конституция базироваться на высшей фазе коммунизма, которой еще нет и которая должна быть еще завоевана? Нет, не может, так как высшая фаза коммунизма есть для СССР то, что еще не осуществлено и что должно быть осуществлено в будущем. Не может, если она не хочет превратиться в программу или декларацию о будущих завоеваниях.

Таковы рамки нашей Конституции в данный исторический момент.

Таким образом проект новой Конституции представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний. Он является, стало быть, регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле. (*Бурные аплодисменты*). В этом первая особенность проекта новой Конституции СССР. Далее. Конституции буржуазных стран исходят обычно из убеждения о незыблемости капиталистического строя. Главную основу этих конституций составляют принципы капитализма, его основные устои: частная собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; эксплуатация человека человеком и наличие эксплуататоров и эксплуатируемых; необеспеченность трудящегося большинства на одном полюсе

общества и роскошь не трудящегося, но обеспеченного меньшинства на другом полюсе и т.д. и т.п. Они опираются на эти и подобные им устои капитализма. Они их отражают, они их закрепляют в законодательном порядке.

В отличие от них проект новой Конституции СССР исходит из факта ликвидации капиталистического строя, из факта победы социалистического строя в СССР. Главную основу проекта новой Конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов; ликвидация нищеты большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы; труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: "кто не работает, тот не ест". Право на труд, т.е. право каждого гражданина на получение гарантированной работы; право на отдых; право на образование и т.д. и т.п. Проект новой Конституции опирается на эти и подобные им устои социализма. Он их отражает, он их закрепляет в законодательном порядке. Такова вторая особенность проекта новой Конституции. Дальше. Буржуазные конституции молчаливо исходят из предпосылки о том, что общество состоит из антагонистических классов, из классов, владеющих богатством, и классов, не владеющих им, что какая бы партия ни пришла к власти, государственное руководство обществом (диктатура) должно принадлежать буржуазии, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и выгодные имущим классам.

В отличие от буржуазных конституций проект новой Конституции СССР исходит из того, что в обществе нет уже больше антагонистических классов, что общество состоит из двух дружественных друг другу классов, из рабочих и крестьян, что у власти стоят эти именно трудящиеся классы, что государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу, как передовому классу общества, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и выгодные трудящимся. Такова третья особенность проекта новой Конституции. Дальше. Буржуазные конституции молчаливо исходят из предпосылки о том, что нации и расы не могут быть равноправными, что есть нации полноправные и есть нации неполноправные, что кроме того существует еще третья категория наций или рас, например, в колониях, у которых имеется еще меньше прав, чем у неполноправных наций. Это значит, что все эти конституции в основе своей являются националистическими, т.е. конституциями господствующих наций.

В отличие от этих конституций проект новой Конституции СССР, наоборот, глубоко интернационален. Он исходит из того, что все нации и расы равноправны. Он исходит из того, что разница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или уровне государственного развития, равно как другая какая-либо разница между нациями и расами, не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравенство. Он исходит из того, что все нации и расы,

независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы или слабости, должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества.

Такова четвертая особенность проекта новой Конституции.

Пятую особенность проекта новой Конституции составляет его последовательный и до конца выдержанный демократизм. С точки зрения демократизма буржуазные конституции можно разбить на две группы: одна группа конституций прямо отрицает или сводит фактически на нет равенство прав граждан и демократические свободы. Другая группа конституций охотно приемлет и даже афиширует демократические начала, но делает при этом такие оговорки и ограничения, что демократические права и свободы оказываются совершенно изуродованными. Они говорят о равных избирательных правах для всех граждан, но тут же ограничивают их оседлостью и образовательным и даже имущественным цензом. Они говорят о равных правах граждан, но тут же оговариваются, что это не касается женщин, или касается их частично, и т.д. и т.п.

Особенность проекта новой Конституции СССР состоит в том, что он свободен от подобных оговорок и ограничений. Для него не существует активных и пассивных граждан, для него все граждане активны. Он не признает разницы в правах между мужчинами и женщинами, "оседлыми" и "неоседлыми", имущими и неимущими, образованными и необразованными. Для него все граждане равны в своих правах. Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе.

Наконец, еще одна особенность проекта новой Конституции. Буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления. Говорят о равенстве граждан, но забывают, что не может быть действительного равенства между хозяином и рабочим, между помещиком и крестьянином, если у первых имеется богатство и политический вес в обществе, а вторые лишены и того и другого, если первые являются эксплуататорами, а вторые эксплуатируемыми. Или еще: говорят о свободе слова, собраний и печати, но забывают, что все эти свободы могут превратиться для рабочего класса в звук пустой, если он лишен возможности иметь в своем распоряжении подходящие помещения для собраний, хорошие типографии, достаточное количество печатной бумаги и т.д.

Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав. Он не просто провозглашает равенство прав граждан, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплуатации, факта освобождения граждан от всякой эксплуатации. Он не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным

закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы. Он не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами. Понятно поэтому, что демократизм проекта новой Конституции является не "обычным" и "общепризнанным" демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим.

Таковы основные особенности проекта новой Конституции СССР.

Таково отражение в проекте новой Конституции тех сдвигов и изменений в хозяйственной и общественно-политической жизни СССР, которые осуществились за период от 1924 года до 1936 года.

Печатается по: Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1952. С.552-556.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ XX ВЕКА

РОБЕРТ МИХЕЛЬС

Михельс Роберт (1876-1936)

Немецкий политолог, один из основателей социологии политических партий. В книгах "Социология политических партий в условиях современных демократий" и "Политические партии: об олигархических тенденциях демократии" Михельсом был предложен анализ политических партий. Объектом его исследования стала немецкая социал-демократия, но общие выводы касались института партии в целом. Ключевым при анализе этого института становится понятие организации как единственно возможной формы эффективной деятельности любой социальной силы, преследующей определенную цель. Под влиянием внешних условий политической борьбы и необходимости оптимизации структуры и функций партия перестраивает свою внутреннюю организацию для повышения ее действенности. Следствием этого и становится тенденция перехода от демократического ее устройства к иерархическому, выделению особого профессионального слоя — олигархии, которая концентрирует власть и управление в своих руках. Свободное объединение единомышленников переходит к организации с разветвленным бюрократическим аппаратом, чьей основной задачей становится массовая вербовка в члены партии и завоевание голосов избирателей. Такой переход Михельс воспринимает пессимистически, так как борьба за великие принципы у партии становится в этом случае невозможной. Формулу "демократия ведет к олигархии" Михельс распространяет на все партии, независимо от их типа, как буржуазные, так и социалистические. Олигархия неотъемлемая форма управления социальными организмами. На смену одному "политическому классу" неизбежно идет другой.

Теория олигархизации политических партий концептуально подпитывает позднейшие многочисленные эмпирические исследования в этой области.

Социология политической партии в условиях демократии

Большинство социалистических школ считают в будущем возможным достижение демократии, а большинство людей аристократических взглядов признают ее хотя и общественно вредной, но осуществимой. Вместе с тем есть и консервативное течение в ученом мире, которое эту возможность исключает полностью и на все времена. Это течение [...] проповедует необходимость в условиях любого человеческого сообщества "классовой политики", т.е. политики господствующего класса — класса меньшинства.

Неверующие в Бога демократии не перестают называть ее детской сказкой, утверждая, что все слова языка, включающие в себя господство массы, — "государство", "народное представительство", "нация" и т.д. — выражают только принцип, но недействительное состояние. Им принадлежит и теория о том, что вечная борьба между аристократией и демократией на деле, как свидетельствует история, является лишь борьбой между прежним меньшинством, защищающим свое господство, и новым честолюбивым меньшинством, стремящимся к завоеванию власти, желающим слиться с прежним или низвергнуть его. Результат любой классовой борьбы, по их мнению, состоит лишь в замене — одно меньшинство сменяет другое в своем господстве над массами. [...]

Вильфредо Парето [...] предложил рассматривать социализм как особенно удобное средство для производства новой элиты из среды рабочего класса, усмотрев симптом внутренней силы — этот первый реквизит молодого "политического класса" — в способности его вождей противостоять преследованиям и надругательствам и выходить из них победителями. Впрочем [...] фактически совершается не замена, а скорее переплетение новых элементов элиты со старыми.

Этот феномен был, пожалуй, уже известен. Такая циркуляция элит совершалась, правда, только в пределах одного и того же большого социального класса и на почве политики. [...] Все силы оппозиционной партии направлены на вытеснение правящей партии, чтобы занять ее место, другими словами, заменить одну группировку господствующего класса другой. Но рано или поздно конкурентная борьба между отдельными группировками господствующих классов заканчивается примирением, неосознанный мотив которого — сохранение таким образом господства над массами или же его разделение. [...]

Школа Сен-Симона не представляла себе будущее совсем без классов, хотя и ставила перед собой задачу освободить понятие "класс" от всякого экономического содержания. Она предполагала создать новую иерархию, хотя и без всяких привилегий от рождения, но с огромными приобретенными привилегиями — "из людей наиболее дружелюбных, умных, сильных создать живое олицетворение ускоренного прогресса общества", способных к управлению в широком смысле слова. [...]

Позднейшие социальные революционеры отвергали правление большинства не только в теории, но и на практике. Бакунин выступал против всякого участия

рабочих во всеобщих выборах, ибо был убежден в том, что и само свободное избирательное право в обществе, где народ, массы наемных рабочих в экономическом отношении зависят от имущего меньшинства, станет по необходимости иллюзорным.

Из всех буржуазных порядков демократия представляет собой самый наихудший. Республика, в которой мы видим все же наивысшую форму буржуазной демократии, отличается, по Прудону, самым мелочным, фанатичным духом правления. Это правление исходит из того, что может все совершать безнаказанно по единственной причине — [...] деспотизм всегда можно оправдать необходимостью действовать во имя республики и общего интереса. Даже политическая революция означает не более чем смену авторитета.

Единственной научной теорией, которая может претендовать на серьезный спор со всеми теориями, старыми или новыми, выдвигающими тезис о неизбежной необходимости длительного существования "политического" класса, является марксистская. Она отождествляет государство с господствующим классом. [...]

Марксистское учение о сущности государства, связанное с верой в революционную силу рабочих масс и демократическое воздействие обобществления средств производства, логически ведет к социалистическому строю. С точки зрения марксистов, капиталистический способ производства приводит к превращению подавляющего большинства населения в пролетариев и порождает, таким образом, сам по себе собственных могильщиков. После того как пролетариат мужает и становится зрелым, он овладевает политической властью и объявляет частную собственность государственной. Этим актом он устраняет самого себя, поскольку вместе с ней исчезают все классовые различия, а тем самым — и все классовые антагонизмы, другими словами, он упраздняет государство в качестве такового. Капиталистическое общество, разделенное на классы, нуждалось в государстве для организации господствующих классов с целью сохранения их способа производства и эксплуатации пролетариата. Прекращение существования государства равнозначно, таким образом, прекращению существования господствующего класса.

Но новое, бесклассовое, коллективистское общество будущего, которое установится на развалинах старого государства, нуждается в элите, если даже речь идет обо всех предупредительных мерах, сформулированных в "Общественном договоре" Руссо, а затем включенных в Декларацию прав человека и гражданина Великой французской революции (особенно о сменяемости на всех должностях).

Удовлетворительно управлять общественным богатством можно, только создав широкий слой чиновничества. Но в этом вопросе вновь возникают сомнения, последовательное осмысление которых ведет к полному отрицанию возможности бесклассового государства. Управление гигантским капиталом, особенно если речь идет о средствах, принадлежащих коллективному собственнику, предоставляет управляющим по меньшей мере столько власти, что

и обладание собственным капиталом, частное владение. Не заключена ли в этом возможность того, спрашивали ранние критики марксистского общественного строя, что тот же самый инстинкт, побуждающий частных владельцев передавать накопленные ими богатства в качестве наследства своим детям, побудит распорядителей общественных средств и благ в социалистическом государстве использовать свою огромную власть для передачи должностей по наследству своим сыновьям?!

А кроме того, формирование нового господствующего меньшинства в результате того особого типа социализации, который вытекает из марксистской концепции революции, будет опираться на мощный фундамент. По Марксу, между капиталистическим и коммунистическим обществом находится период революционного превращения первого во второе, экономический период, которому соответствует переходный период, государство которого может быть не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата. А если отказаться от употребления эвфемизмов, это революционная диктатура тех вождей социалистов, у которых от имени социализма хватит сил и умения взять из рук умирающей буржуазии скипетр господства. [...]

Диктатура одного лица существенно не отличается по своим последствиям от диктатуры группы олигархов. Но понятие "диктатура" противоположно понятию "демократия". Использовать первое во имя второго было бы равнозначно использованию войны в качестве самого надежного оружия мира, а алкоголя — как лекарства от алкоголизма. Можно предположить, что группа, однажды овладевшая коллективными средствами власти, будет стремиться эту власть удержать. [...] Есть поэтому угроза, что социальную революцию, ощутимую и зримую, сегодняшний господствующий класс [...] поменяет на тайную, выступающую под покровом равенства демагогическую олигархию. [...]

Проблема социализма — это не только экономическая проблема, состоящая в том, насколько осуществимо справедливое и экономически более эффективное распределение богатства, но и проблема управления, проблема демократии, причем как в смысле техническом, так и психологическом. [...]

Социологические явления, отмеченные нами в общих чертах в предыдущих главах, предоставляют, таким образом, научным противникам демократии предостаточное число аргументов. Они, кажется, ясно указывают на невозможность существования цивилизованного человечества без "господствующего", или политического, класса, обнаруживая признаки, свидетельствующие, что [...] господствующий класс, если даже по своему составу и подвержен частым частичным переменам, представляет собой единственный фактор, имеющий непреходящее значение во всемирной истории. Правительство, или в ином случае государство, может быть, таким образом, всегда лишь организацией меньшинства, стремящегося навязать остальной части общества "правовой порядок", порожденный отношениями господства и эксплуатации [...] и никогда не может быть порождением большинства, не говоря уж о том, чтобы

быть его представителем. Большинство человечества никогда, видимо, не будет способно к самоуправлению. Даже в том случае, если когда-либо недовольным массам удастся лишить господствующий класс его власти, то [...] в среде самих масс с необходимостью появится новое организованное меньшинство, которое возьмет на себя функции господствующего класса. Большинство человечества, обреченное жестоким фатализмом истории на вечное "несовершеннолетие", будет вынуждено признать господство вышедшего из собственной среды ничтожного меньшинства и смириться с роль пьедестала для величия олигархии.

Формула о необходимости смены одного господствующего слоя другим и вытекающий отсюда закон олигархии как предустановленной формы человеческого общежития в больших союзах ни в коей мере не опровергают материалистическое понимание истории, не подменяют его, а только дополняют. Не существует противоречия между учением, согласно которому история состоит из непрерывного ряда классовых битв, и тем учением, по которому классовая борьба приводит к созданию новой олигархии, переплетающейся со старой. Марксистское понимание политического класса неуязвимо. Последний всегда является результатом соотношения сил, борющихся в обществе за свое самовыражение. [...]

Могут победить социалисты, но не социализм, гибнущий в момент победы своих приверженцев. Возникает соблазн назвать это трагикомедией. Массы удовлетворяются тем, что, не щадя своих сил, меняют своих господ. Рабочим лишь выпадает честь быть участниками формирования правительства. Весьма скромный результат, если иметь в виду психологический феномен, когда самый что ни на есть благонамеренный идеалист за короткий период пребывания на посту вождя вырабатывает в себе качества, характерные для вождизма. В среде французских рабочих возникла поговорка: "Если выбрали, значит, пропал". [...]

Партия не является ни социальным, ни экономическим образованием. Основой ее деятельности является программа. Теоретически выразить интересы определенного класса она, конечно, может. Но практически вступление в партию никому не заказано, независимо оттого, совпадают ли его личные интересы с положениями программы или нет. Так, например, социал-демократия является идейной представительницей пролетариата, но из-за этого вовсе не классовым организмом, а, напротив, в социальном отношении скорее классовой смесью. Ибо состоит она из элементов, выполняющих в экономическом процессе вовсе не одинаковые функции. Классовое происхождение программы обуславливает между тем мнимое классовое единство. При этом все исходят из допущения (правда, не произносимого вслух), будто элементы в партии, не принадлежащие классу, приносят в жертву свои собственные интересы, противоречащие интересам тех, кто к классу принадлежит. Будто они подчиняются "идее" чуждого им класса по принципиальным мотивам. Будто все социалисты теоретически без всяких различий, невзирая на их экономическое положение в частной жизни, признают абсолютное превосходство позиции определенного большого класса. Будто проле-

тарские и не чисто пролетарские элементы, находящиеся в нем, "учитывают историческую точку зрения рабочего класса, признают его в качестве ведущего класса". Так обстоит дело в теории.

На практике же большое несовпадение в интересах между трудом и капиталом не может быть устранено принятием какой-либо программы. Некоторые из немногочисленных представителей высших слоев общества, перешедших на сторону политической организации рабочего класса, будут ему преданы, но они "деклассируются". Большинство из них экономически по-прежнему будет иметь противоположные интересы, независимо от внешней идейной общности с пролетариатом. Иными словами, налицо противостояние интересов. Но в балансе интересов решающим является отношение, в котором представители непролетарских слоев находятся к наипервейшим потребностям жизни. В итоге между буржуазными и пролетарскими членами партии вполне может сложиться экономическая противоположность, перерастающая в политическую. Через идеологическую надстройку экономический антагонизм становится явным. В этом случае программа является мертвой буквой, а под "социалистическим" флагом то там, то здесь в партийном доме вспыхивает настоящая классовая борьба. [...]

Там, где вожди (все равно, вышли ли они из буржуазии или рабочего класса) сами включены в партийный организм в качестве чиновников, их экономический интерес, как правило, совпадает с интересом партии как таковой. Но тем самым устраняется только одна из опасностей. Другая, более серьезная [...] заключается в появлении вместе с развитием партии противоположности между членами партии и ее вождями. Партия как внешнее образование, механизм, машина вовсе не тождественна с партийными массами и уж тем более классом. Партия — это только средство достижения цели. Если же партия становится самоцелью, с собственными, особыми целями и интересами, то она целенаправленно отделяется от класса, который представляет. [...]

Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе сообщества, возникшем под влиянием разделения труда, возникает по мере его консолидации собственный интерес, интерес сам по себе и для себя. Но существование собственного интереса в общем союзе включает в себя существование трений и противоположность интересов по отношению к общему интересу. Более того, в результате выполняемых ими общественных функций различные социальные слои объединяются и образуют органы, представляющие их интересы. Так надолго они превращаются в явные классы.

[...] Высший слой вождей в политически организованном международном рабочем движении в большинстве состоит из парламентариев. [...]

То, что современными социал-демократическими партиями руководят парламентарии, — свидетельство их преимущественно парламентского характера. Партии делегируют самых авторитетных своих представителей на самую авторитетную должность, на которой, по их разумению, можно принести самую

большую пользу. Авторитет парламентария возрастает по еще двум причинам. С одной стороны, в результате того, что, чем дольше он находится на посту, которого его никто не может лишить в период полномочий, тем более независим он от партийной массы и в конечном счете — от партийного руководства. [...] В момент избрания его зависимость от партии лишь опосредованна. Непосредственно же он зависит от избирателей и поэтому обязан в конечном счете своим положением неорганизованной массе. [...]

Сегодня партийные массы настолько привыкли считать парламент главным местом сражения за их интересы, что прилагают все усилия, чтобы облегчить дело своих стратегов, находящихся там. Это убеждение определяет отношение масс к своим парламентариям. Положение фракции в рейхстаге становится решающим моментом, высшим законом во многих вопросах. Массы старательно избегают любой резкой критики, способной каким-то образом ослабить позиции парламентской фракции, даже если эта критика носит принципиальный характер. Если же ее не удастся избежать, то она из-за тех же опасений опровергается и решительно осуждается вождями. [...]

Опираясь на более высокую компетенцию по отдельным вопросам, депутаты фракции социалистов считают, что они стоят выше съездов, судов своей партии и могут претендовать на право принятия решения. Так, многие члены социал-демократической фракции в Германии хотели решить так называемый вопрос о вице-президенте или кайзерстве в самой фракции, т.е. в обход партийному съезду. [...]

Вожди парламента — как социалистические, так и буржуазные — присваивают права и приобретают черты закрытой корпорации и в отношении оставшейся части партии. Германская социал-демократическая фракция в рейхстаге неоднократно дезавуировала по своей воле отдельные важные составные части политики своей партии. [...]

Еще более резко, чем в политической партии, господствующий характер вождей и их стремление управлять демократическими организациями по олигархическому принципу проявляются в профсоюзном движении.

Зарождение любого профсоюзного движения показывает, к какому широкому отрыву от демократии приводит первоначально демократическое рабочее движение централизованная бюрократия. В профсоюзах чиновникам еще легче осуществлять и продолжать практику, которая не устраивает большинство представляемых ими членов...

Уже в течение многих лет центральные правления профсоюзных объединений отняли у своих членов и оставили только себе право определять подъемы и спады движений за повышение заработной платы [...], а также решать вопросы о том, является ли та или иная забастовка "оправданной" или нет. Поскольку руководители союзов обладают значительными суммами, то и дело спор идет вокруг того, чтобы выяснить, кому принимать решение об "оправданной поддержке" забастовки. Здесь перед нами встает вопрос, затрагивающий

жизненный нерв демократического самоуправления и самоопределения профсоюзных коллективов. Если на решение этого ключевого вопроса претендуют вожди и, более того, уже захватили его в свою руки, то это означает только одно: они исключают принцип элементарнейшей демократии и сами открыто провозглашают себя олигархами, в то время как массы, оплачивая расходы на содержание олигархов, должны с этим мириться. Конечно, это стремление вождей можно оправдать, исходя из соображений тактики и компетенции. Но здесь речь о другом. Для нас важно лишь обратить внимание, сколь незначительны различия между тенденциями развития государственных олигархий (правительство, двор и т.д.) и олигархий пролетарских.

Характерно, что социал-демократические вожди в Германии признают существование явно выраженной олигархии в профсоюзном движении, а профсоюзные вожди — существование олигархии в социалистической партии. Но о себе каждая заявляет, что она-то обладает иммунитетом против всех бацилл олигархии...

Вожди, как правило, невысоко ставят массы (хотя среди них находятся и такие, кто восторгается массами и платит им за оказанное себе уважение сторицей). Но все-таки в большинстве случаев эта любовь не взаимна, и прежде всего потому, что в течение срока своего правления у вождя была возможность в непосредственной близости познакомиться с нищетой масс...

Фактически различия в уровне образования и компетенции, существующие среди членов партии, проявляются и при распределении обязанностей. Вожди делают ставку на безмолвие масс, когда устраняют их отдел. У них складывается мнение: партия не может быть заинтересована в том, чтобы меньшинство ее членов, наблюдающих и размышляющих за развитием ее жизни, зависело от большинства тех, у которых еще нет собственного мнения по определенным вопросам. Поэтому вожди выступают противниками референдума или не применяют его в партийной жизни. Чтобы выбрать подходящий момент для действий, надо иметь кругозор, которым обладают всего лишь немногие представители массы, в то время как большинство подчиняется сиюминутным впечатлениям и эмоциям. Ограниченный корпус чиновников и доверенных лиц, совещающихся на закрытом заседании (где они не испытывают влияния пристрастных газетных отчетов и где каждый может говорить без опасения внести сумятицу в лагерь противника), являясь коллегиальным, может рассчитывать на объективное суждение о себе. Для замены прямых выборов в партии косвенными кроме политических причин ссылаются и на сложное строение партийной организации. В отношении же гораздо более сложного государственного устройства в качестве программного пункта выдвигается требование прямого законодательства народа на основе права внесения предложений и наложения вето.

Противоречие, заключенное в столь различном понимании сходных сторон партийной и государственной политики, пронизывает всю партийную жизнь.

Фактическое превосходство рабочих вождей над руководимыми ими массами и твердая воля не идти у них на поводу, а даже, наоборот, иногда отказывать им в послушании признаются порой самими вождями с откровенностью, граничащей с цинизмом. [...]

Итак, представители социалистов в парламенте служат пролетариату, но при обязательном условии, что он не требует от них совершать глупости. В случае допущения последних вожди отказываются выполнять волю руководимых ими масс и выступают против них. Это понятие "не совершать глупости" каждый раз, разумеется, истолковывают сами представители, чем обеспечивается их единоличное право решения по всем вопросам.

Концентрация власти в руках относительно немногих, как это имеет место в рабочем движении, с естественной необходимостью приводит к частому злоупотреблению ею. "Представитель", ощущающий полную свою независимость, превращается из слуги народа в господина над ним. Вожди, являясь первоначально творением масс, постепенно становятся их властелинами — это истина, которую познал еще Гёте, вложивший в уста Мефистофеля слова о том, что человек всегда позволяет властвовать над собой своему творению. Крайности конституированной партийной власти воспринимаются партией, выступающей против государственной власти, как естественная необходимость. По отношению к своим вождям масса проявляет гораздо больше послушания, чем к правительствам. Она терпит от них даже многие несправедливости, которые не потерпела бы от правительства...

Одновременно с образованием вождизма, обусловленного длительными сроками занятия постов, начинается его оформление в касту. Где ему не препятствуют явно выраженный индивидуализм и фанатичный политический догматизм, как во Франции, там старые вожди противостоят массам компактными группами, по крайней мере до тех пор, пока массы не доходят до серьезного протеста и не угрожают их господству. Процедура делегирования регулируется вождями порой путем особых соглашений, в результате которых массы фактически отстраняются от всяких форм соучастия в принятии решений...

Нет никаких признаков того, что эта обнаруживаемая на практике власть олигархии в партийной жизни в ближайшей перспективе будет подорвана. Независимость вождей усиливается по мере их незаменимости. Влияние, которое они оказывают, и экономическая безопасность их положения все более привлекательно действуют на массы и возбуждают честолюбие самых одаренных для вступления в привилегированную бюрократию рабочего движения. А она из-за этого становится все более неспособной к тому, чтобы направить возможную скрытую оппозицию против старых вождей, опираясь на новые силы. [...]

Массы время от времени могут выступить и с сознательным протестом, но их энергия всегда укрощается вождями. Только политика господствующих классов, хватающих во внезапном ослеплении через край, способна выдвинуть партийные массы на сцену истории в качестве активных действующих лиц,

свергающих власть партийной олигархии, поскольку прямое вмешательство масс всегда происходит вопреки воле вождей. Если не считать этих эпизодических нарушений, то естественное и нормальное развитие организации по-прежнему накладывает и на революционно-социалистические партии печать устойчивости и покоя.

[...] Демократия очень хорошо уживается с определенной степенью тирании и по другим психологическим и историческим причинам: масса легче переносит господство, когда каждый ее индивид имеет возможность приблизиться к нему или даже включиться в него.[...]

Избранный вождь в силу демократичности своего избрания склонен в большей степени считать себя представителем общей воли и требовать в качестве такового послушания и подчинения себе, чем прирожденный вождь аристократии. [...]

Сами вожди, когда их упрекают в недемократическом поведении ссылаются на волю масс, которая терпит их, т.е. на качества своих избирателей и себя как избранных. До тех пор пока массы выбирают и переизбирают нас вождями, утверждают они, мы остаемся законными представителями массовой воли и образуем с ней единое целое. При старых аристократических порядках несогласие с требованиями правителя означало прегрешение против Бога. В условиях современной демократии действует правило: никто не может уклоняться от требований олигархов, ибо в этом случае он грешит против самого себя, своей собственной воли, добровольно переданной представителю. [...]

В условиях демократии вожди основывают свое право командования на фикции демократического всевластия масс. Каждый партийный чиновник получает свое место от массы и зависит от ее благоволения во всем, что касается его существования и действия. Ведь в условиях демократии каждый, по меньшей мере косвенно, отдает себе приказ выполнять поступающие ему сверху указания в высшей степени самостоятельно.

С точки зрения теории защита вождями принципа "требовать подчинения масс" абсолютно очевидна и безупречна. Но на практике если и не выборы, то перевыборы вождей массами совершаются всегда при такой сильной обработке сознания и различных способах навязывания идей, что свобода принятия решения оказывается при этом в значительной степени подорванной. Нет никакого сомнения в том, что в процессе развития партии демократическая система сжимается в конечном счете до прав масс самим выбирать себе в данный период времени господ, которым они после их избрания обязаны оказывать послушание. [...]

Бюрократ также легко верит в то, что он знает потребности масс лучше, чем они сами. [...]

Печатается по: Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 5, 9; 1991. № 4.

ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО

Парето Вильфредо (1848-1923)

Итальянский экономист и социолог, внесший весомый вклад в политическую науку. Главный труд – четырехтомный трактат по общей социологии, вышедший в Италии в 1915-1919 гг., опубликованный в США на английском языке в 1935 г. Из труда, содержащего 2600 параграфов, исследователи выделяют ряд элементов учения Парето. К ним относятся:

1. Методология исследования политической жизни общества.
2. Теория элиты.
3. Концепция идеологии.

Политическая система общества представляет собой своего рода модель равновесия, в которой все составные части взаимодействуют между собой и функционально влияют друг на друга. Если изменяется одна часть системы, то другие ее части также подвергаются, изменениям, и вся система благодаря этому приходит в движение, восстанавливая "динамичное равновесие". В политологии широкое распространение получила теория элиты. В любом обществе всегда правит элита, которая представляет собой избранную часть населения. Она делится на правящую (прямо или опосредованно), участвующую в управлении и неправящую, или контрэлисту. Все они обладают определенными психологическими качествами, предопределяющими их способность руководить массами. Развитие общества происходит посредством периодической смены, циркуляции элит.

Не потеряла своего значения и паретовская концепция идеологии. Для обозначения последней использовался термин "деривации" ("производные"), подчеркивая вторичный, производный характер идеологии. Идеология как ложная форма общественного сознания не имеет, по Парето, статуса научной ценности.

Теоретический потенциал Парето используется как сторонниками тоталитаризма и авторитаризма, так и адептами экономического и политического либерализма. В этом смысле политические воззрения Парето носят дуалистический, двойственный характер.

Компендиум по общей социологии

[...] 792. Элиты и их циркуляция

Начнем с теоретического определения данного феномена, точного, насколько это возможно; затем рассмотрим практические ситуации, необходимые для анализа в первом приближении. Мы пока не касаемся хорошей или плохой, полезной или вредной, похвальной или достойной порицания природы человеческих характеров; обратим внимание лишь на тот уровень, которым они обладают: низкий, посредственный, высокий, или, точнее, на то, какой индекс может быть присвоен каждому человеку в соответствии с вышеобозначенным уровнем его характера.

Итак, предположим, что в каждой сфере человеческой деятельности каждому индивиду присваивается индекс его способностей, подобно экзаменационным оценкам. Например, самому лучшему специалисту дается индекс 10, такому, которому не удастся получить ни одного клиента, — 1 и, наконец, кретину — 0. Тому, кто сумел нажать миллионы (неважно, честно или нечестно), — 10, зарабатывающему тысячи лир — 6, тому, кто едва не умирает с голода, — 1, а находящемуся в приюте нищих — 0.

Таким образом мы составим класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности, который мы назовем избранным классом, элитой (elite); подразумевается, что граница, отделяющая ее от остального населения, не является и не может являться точной, подобно тому как неточна граница между юностью и зрелым возрастом, что, однако, не означает, что бесполезно рассматривать эти различия.

793. Для исследования, которым мы занимаемся, — исследования социального равновесия — полезно также разделить этот класс на две части; выделим тех, кто прямо или косвенно играет заметную роль в управлении обществом и составляет правящую элиту; остальные образуют неуправляющую элиту.

Итак, мы имеем две страты населения, а именно: 1) низшая страта, неэлита, относительно которой мы пока не выясняем, какую роль она может играть в управлении; 2) высшая страта, элита, делящаяся на две части: (a) правящая элита; (b) неуправляющая элита.

794. На практике не существует экзаменов для определения места каждого индивида в этих стратах; их отсутствие восполняется другими средствами, с помощью своего рода этикеток, которые более или менее достигают данной цели. Подобные этикетки существуют также и там, где есть экзамены. Например, этикетка адвоката обозначает человека, который должен знать закон, и часто действительно его знает, но иногда не обладает необходимыми знаниями. Аналогичным образом в правящую элиту входят люди с этикетками о принадлежности к политической службе достаточно высокого уровня, например министры, сенаторы, депутаты, начальники отделов министерств, председатели апелляционных судов, генералы, полковники, однако при этом необходимо исключить тех, кому удалось проникнуть в их ряды, не имея соответствующих полученной этикетке качеств.

[...] Богатство, родственные связи, отношения играют роль также во многих других случаях и делают возможным получение этикетки о принадлежности к элите в целом или к правящей элите в частности тем, кто не должен был бы ее иметь.

[...] Тот, кто из одной группы переходит в другую, приносит с собой, как правило, определенные склонности, чувства, предрасположенности, приобретенные в той группе, из которой он происходит; и с этим обстоятельством следует считаться. Подобный феномен в том случае, когда рассматриваются

только две группы — элита и неэлита, называется "циркуляция элит" (circulation des elites).

800. Высший и низший классы в целом

Самое простое, что мы можем сделать, — это разделить общество на две страты: высшую, в которую обычно входят управляющие, и низшую, где находятся управляемые. Этот факт, а также факт циркуляции индивидов между этими двумя стратами настолько очевидны, что во все времена они доступны даже малоопытному наблюдателю. Начиная с Платона, почувствовавшего эту проблему и урегулировавшего ее искусственным образом, многие рассуждали о "новых людях", "парвеню", и существует огромное количество посвященных им литературных произведений. Постараемся придать более точную форму уже высказанным в общем виде соображениям. Мы упоминали [...] о различном распределении остатков в разных социальных группах, и в особенности в высшем и низшем классах. Такая социальная гетерогенность — факт, который очевиден даже при поверхностном наблюдении.

801. Изменения остатков I и II классов, происходящие в социальных стратах, очень важны для установления равновесия. С помощью простого наблюдения обнаружилось, что они происходят в особой форме, а именно в форме изменения чувств, называемых религиозными, в высшей страте; было замечено, что в одни времена они ослабевали, а в другие — росли и что эти волны соответствовали значительным социальным изменениям. Можно описать данный феномен более точным образом, отметив, что в высшей страте остатки II класса мало изменяются за один раз, до тех пор пока через определенные промежутки времени они не увеличиваются благодаря массовому пополнению из низшей страты.

804. В высшей страте общества, элите, номинально присутствуют некие группы людей, порой не вполне определенные, называющие себя аристократиями. В некоторых случаях большая часть принадлежащих к этим аристократиям действительно обладает качествами, необходимыми для того, чтобы в ней оставаться; в других же, напротив, значительное число входящих в аристократии лишены таких качеств. Они могут действовать с большей или меньшей эффективностью внутри правящей элиты или же могут быть исключены из нее.

806. Аристократии не вечны. Каковы бы ни были причины, неоспоримо то, что через какое-то время они исчезают. История — это кладбище аристократий. Афинский демос являлся аристократией по отношению к остальному населению — метекам и рабам; он исчез, не оставив потомков. Исчезли римские аристократии. Исчезли аристократии варваров; где во Франции потомки франкских завоевателей? Генеалогии английских лордов очень точны: чрезвычайно малое количество семей восходит к соратникам Вильгельма Завоевателя. В Германии значительная часть современной аристократии происходит от вассалов древних правителей. Население европейских государств значительно выросло за несколько веков на данной территории; совершенно очевидно, что аристократии не росли в такой же пропорции.

807. Некоторые аристократии приходят в упадок не только в количественном, но и в качественном отношении, поскольку в них ослабевает энергия и изменяются пропорции остатков, благодаря которым они завоевывали власть и удерживали ее. [...] Правящий класс восстанавливается не только численно, но, что более важно, и качественно: благодаря семьям из низших классов, приносящим энергию и пропорции остатков, необходимые для удержания власти. Он восстанавливается также и благодаря тому, что теряет своих наиболее деградировавших членов.

808. Если один из этих процессов прекратится или, что еще хуже, прекратятся оба, правящий класс придет к упадку, часто влекущему за собой упадок всей нации. Это мощная причина, нарушающая равновесие: накопление высших элементов в низших классах и, напротив, низших элементов в высших классах. Если бы человеческие аристократии были подобны отборным видам животных, которые в течение длительного времени воспроизводят себе подобных примерно с теми же признаками, история человечества была бы иной.

809. В результате циркуляции элит правящая элита находится в состоянии постоянной и медленной трансформации, движется подобно реке; сегодня она уже не та, что была вчера. Время от времени происходят неожиданности и жестокие потрясения, подобные наводнениям; затем новая правящая элита вновь начинает постепенно меняться: река, вошедшая в свое русло, возобновляет обычный путь.

810. Революции происходят, поскольку с замедлением циркуляции элиты или по какой-либо другой причине в высших стратах общества накапливаются деградировавшие элементы, которые более не обладают остатками, необходимыми для удержания власти, которые избегают применения силы, в то время как в низших стратах возрастает число элементов высшего качества, обладающих остатками, необходимыми для выполнения функций управления, и склонных к использованию силы.

811. Как правило, в революциях индивиды из низших страт возглавляются отдельными представителями высших страт, поскольку эти последние наделены интеллектуальными качествами, полезными для руководства борьбой, и в то же время лишены остатков, которые как раз и несут с собой индивиды из низших страт.

812. Насильственные изменения происходят внезапно, и, следовательно, результат не следует немедленно за причиной. В том случае, если правящий класс или нация в течение длительного времени удерживали власть силой и разбогатели, они могут еще некоторое время просуществовать без помощи силы, купив мир у противников и оплатив его золотом или же принеся в жертву завоеванные до того честь и уважение, что, впрочем, также составляет определенный капитал. На первых порах власть удерживается с помощью уступок, и возникает ложное представление, что это может продолжаться бесконечно. Так, Римская империя периода упадка достигла мира с варварами при помощи денег и почестей; подобным же образом Людовик XVI Французский, растратив в кратчайший срок

унаследованные от предков любовь, уважение, почтение по отношению к монархии, смог стать, идя на все большие уступки, королем революции; подобным образом английская аристократия продлила свою власть во второй половине XIX в., вплоть до первых проявлений своего упадка, обозначенных, в частности, парламентским биллем начала XX в. [...]

Печатается по: Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 59-67.

ГАЭТАНО МОСКА

Моска Гаэтано (1858-1941)

Итальянский социолог и политолог, один из основателей элитологии.

Моска изложил свои идеи в книге "Элементы политической науки", которая была переведена на английский язык и издана под названием "Правящий класс". Книга принесла автору мировую известность. Политика есть сфера борьбы двух противоположных классов: властвующего меньшинства (элиты) и подвластного большинства (массы, народа). Моска определял элиту как "класс, который правит", или как "класс людей, которые выполняют все политические функции" и монополизуют власть, тогда как другой класс состоит из тех кем управляют и кого контролируют. При этом используются способы более или менее легальные, более или менее произвольные и насильственные, но которые обеспечивают первому классу материальные возможности для существования, жизненно необходимые средства для функционирования политического организма. Моска рассмотрел три варианта движения элиты: "увековечение" без обновления; "увековечение" с обновлением (наиболее приемлемый для него вариант) и чистое обновление. В сочетании с двумя формами государственного правления (автократической и либеральной) перечисленные выше варианты дают следующие четыре типа государственного устройства: аристократическо-автократическое, аристократическо-либеральное; демократическо-автократическое; демократическо-либеральное.

Наука об элитах, по мнению Моски, необходима для правящего класса в качестве основного инструмента по выработке "научной политики" с целью удержания своих позиций. Идеалом для Моски является формирование элиты не на имущественной или какой-либо другой основе, а на основе ума, способностей и заслуг. Реализация подобных меритократических взглядов переносилась не на неопределенное будущее.

Правящий класс

1. Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организациях, одно становится очевидно даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей — класс правящих и класс управляемых. Первый,

всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизировать власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма.

В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего класса, или политического класса, как уже предпочли ранее определить его. Мы все знаем, что в нашей собственной стране, как бы то ни было, управление общественными делами находится в руках меньшинства влиятельных людей, с управлением которых, осознанно или нет, считается большинство. Мы знаем, что то же самое происходит в соседних странах, и в действительности нам следовало бы попытаться воспринимать окружающий мир организованным иначе — мир, в котором все люди были бы напрямую подчинены отдельной личности без отношения превосходства или субординации, или мир, в котором все люди в равной степени участвовали бы в политической жизни. Если в теории мы рассуждаем иначе, это отчасти связано с застарелыми привычками, которым мы следуем при размышлении, и отчасти с преувеличенным значением, которое придаем двум политическим фактам, кажущимся гораздо значительнее, чем есть на самом деле.

Первый факт — достаточно только открыть глаза, чтобы это увидеть, — заключается в том, что в каждом политическом организме есть один индивид, который является основным среди правящего класса как целого и находится, как мы говорим, у кормила власти. Это не всегда человек, обладающий законной верховной властью. В одних случаях рядом с наследным королем или императором премьер-министр или мажордом обладают реальной властью, гораздо большей, чем власть суверена, в других случаях вместо избранного президента правит влиятельный политик, который обеспечил выборы президента. В особых условиях вместо одного могут быть два или три человека, выполняющие функции верховных контролеров.

Второй факт обнаружить столь же несложно. Каким бы ни был тип политической организации, давление, вызванное неудовлетворенностью, недовольством управляемых масс, их чувствами, оказывает определенное влияние на политику правящего, или политического, класса.

Но человек, стоящий во главе государства, определенно не в состоянии был бы управлять без поддержки со стороны многочисленного класса, не мог бы заставить уважать его приказы и их выполнять; и, полагая, что он может заставить одного или действительно множество индивидов — представителей правящего класса осознавать авторитет его власти, этот человек определенно не может ссориться с данным классом или вообще покончить с ним. Если бы это было возможно, то ему пришлось бы сразу же создавать другой класс, без поддержки

которого его действие было бы полностью парализовано. В то же время, утверждая, что неудовлетворенность масс может привести к свержению правящего класса, неизбежно, как будет показано далее, должно было бы существовать другое организованное меньшинство внутри самих масс для выполнения функций правящего класса. В противном случае вся организация и вся социальная структура будет разрушена.

2. С точки зрения научного исследования реальное преимущество понятия "правлящий, или политический, класс" заключается в том, что изменчивая структура правящих классов имеет преимущественное значение в определении политического типа, а также уровня цивилизации различных народов. Согласно принятой классификации форм правления, которая все еще в моде, и Турция, и Россия еще несколько лет назад были монархиями, Англия и Италия — конституционными, или ограниченными, монархиями, а Франция и Соединенные Штаты — республиками. Эта классификация основана на том, что в первых двух упомянутых странах верховенство в государстве носит наследственный характер и глава государства номинально всемогущ; во второй группе стран пребывание во главе государства носит наследственный характер, но власть и прерогативы ограничены; в двух последних странах верховенство ограничено.

Данная классификация весьма поверхностна. Хотя и Россия, и Турция были абсолютистскими государствами, тем не менее между политическими системами правления этих стран мало общего, весьма различны и уровни их цивилизованности и организация правящих классов. На этом же основании режим в монархической Италии ближе режиму в республиканской Франции, нежели режиму в Англии, тоже монархии; существуют также серьезные различия между политической организацией Соединенных Штатов и Франции, хотя обе страны являются республиками.

[...] Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства. В то же время меньшинство организовано именно потому, что оно меньшинство. Сто человек, действуя согласованно, с общим пониманием дела, победят тысячу не согласных друг с другом людей, которые общаются только один на один. Между тем для первых легче будет действовать согласованно и с взаимопониманием просто потому, что их сто, а не тысяча. Отсюда следует, что, чем больше политическое меньшинство, тем пропорционально меньше правящее меньшинство по сравнению с управляемым большинством и тем труднее будет для большинства организовать отпор меньшинству.

Как бы то ни было, в дополнение к большому преимуществу — выпавшей на долю правящего меньшинства организованности — оно так обычно сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство; или же они являются наследниками людей, обладающих этими качествами. Иными словами,

представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут.

4. В примитивных обществах, находящихся еще на ранней стадии развития, военная доблесть — это качество, которое быстро обеспечивает доступ в правящий или политический класс. В высокоцивилизованных обществах война — исключительное явление. А в обществах, находящихся на ранних стадиях развития, ее можно по существу считать нормальным явлением, и индивиды, проявляющие большие способности в войне, легко добиваются превосходства над своими товарищами, а наиболее смелые становятся вождями. Это непреложный факт, однако формы, которые он может принимать в зависимости от набора условий, весьма многообразны. Превосходство военного сословия над мирным большинством обусловлено перемещением рас и народов, связано с захватом со стороны агрессивной группы относительно мирной части общества. Иногда это действительно так: в качестве примера можно привести Индию после ее захвата ариями, Римскую империю после вторжения в нее германцев и Мексику после захвата ацтеками. Однако гораздо чаще при определенных социальных условиях возвышение воинственного правящего класса наблюдается там, где нет никаких признаков иностранного вторжения. До тех пор пока [первобытная] орда живет исключительно охотой, все индивиды без труда могут стать воинами. В ней, конечно, будут свои лидеры, руководящие племенем, но невозможно обнаружить класс военных, начинающих эксплуатировать и в то же время защищать другой класс, занимающийся мирным трудом. По мере того как племя переходит от занятия охотой к земледелию и пастушесству, наряду со значительным ростом населения и обретением большей устойчивости средств социального воздействия происходит более или менее четкое деление на два класса, один из которых занимается преимущественно сельским хозяйством, а другой — военным делом. В таком случае неизбежно, что класс военных будет шаг за шагом добиваться такого доминирования над другим классом, чтобы иметь возможность довлеть над ним безнаказанно.

В этой связи два предварительных замечания по рассматриваемому вопросу. Во-первых, все правящие классы стремятся стать наследственными если не по закону, то фактически. Все политические силы обладают, видимо, качеством, которое в физике называют силой инерции. Они имеют тенденцию оставаться на том же месте в том же состоянии, Богатство и военная доблесть без труда поддерживаются в определенных семьях моральной традицией и наследованием. Годность для получения важного поста — привычка к нему, в определенной степени способность занимать его вместе с вытекающими последствиями — все это гораздо проще достигается тем, кто привычен к этому с детства. Даже когда академические степени, научная подготовка, особые способности, выявленные в ходе проверки и конкурса, открывают доступ в государственные учреждения, тем самым отнюдь не устраняется то особое преимущество для определенных

индивидов, которое французы называют преимуществом *positions déjà prises*. Хотя экзамен и конкурс теоретически доступны для всех, на деле большинство не имеет ни средств для продолжительной подготовки, ни связей и титулов, которые быстро ставят индивида на правильную дорогу, помогают не двигаться на ощупь и избежать грубых ошибок, неизбежных в том случае, если человек оказывается в неизвестном для него окружении без всякого руководства и поддержки.

Демократический принцип выборов, основанных на широких избирательных правах, может на первый взгляд находиться в противоречии с тенденцией к стабильности, которую, согласно нашей теории, проявляют правящие классы. Однако необходимо отметить, что кандидаты, добивающиеся успеха в демократических выборах, почти всегда те, кто обладает указанной выше политической силой, чаще всего наследственной. В английском, французском и итальянском парламентах часто можно видеть сыновей, внуков, братьев, племянников и зятьев настоящих и бывших членов парламента и депутатов.

Во-вторых, когда мы анализируем наследственную знать, утвердившуюся в стране и монополизировавшую политическую власть, можно быть уверенным, что такому статусу *de jure* предшествует статус *de facto*. До провозглашения их исключительного наследственного права на власть семьи или касты, о которых идет речь, должны твердой рукой взять руль управления, полностью монополизировав все политические силы своей страны в данный период. В противном случае такая претензия с их стороны вызвала бы только сильный протест и спровоцировала острую борьбу.

[...] Мы уже наблюдаем, что с изменением баланса политических сил, когда назревает необходимость проявления в государственном управлении новых черт, а старые способности отчасти утрачивают свою значимость или же происходят изменения в их распределении, меняется и способ формирования правящего класса. Если в обществе существует новый источник богатства, если возрастает практическая значимость знания, если находится в упадке старая или появилась новая религия, если распространяется новое идейное течение, тогда одновременно и в правящем классе происходят далеко идущие перемены. Кто-то действительно может сказать, что вся история цивилизованного человечества низводится до конфликта между стремлением доминирующих элементов монополизировать политическую власть и передать ее по наследству и стремлением расщепить старые силы и возвысить новые; и этот конфликт порождает бесконечные процессы эндосмоса и экзосмоса между высшими классами и определенной частью низших. Правящие классы неизбежно приходят в упадок, если перестают совершенствовать те способности, с помощью которых пришли к власти, когда не могут более выполнять привычные для них социальные функции, а их таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость. Так, римская аристократия сошла на нет, когда перестала быть единственным источником пополнения числа офицеров высокого ранга, высших должностных лиц. Именно так пришла в

упадок и венецианская знать, когда ее представители перестали командовать галерами и проводить в море большую часть жизни торгуя и воюя.

В неорганической природе есть пример такого же рода, когда стремление к неподвижности, порожденное силой инерции, постоянно находится в конфликте со стремлением к перемене, и все это — результат неравномерного распределения тепла. Каждая из этих тенденций время от времени превалирует в разных регионах нашей планеты, вызывая одна — затишье, другая — ветер и шторм. Подобно этому в человеческих обществах преобладает то тенденция формирования закрытых, устойчивых кристаллизованных правящих классов, то тенденция, ведущая к более или менее быстрому их обновлению.

Восточные общества, которые мы считаем устойчивыми, в действительности не всегда являются таковыми, иначе, как уже отмечалось, они не могли бы достичь вершин цивилизации, чему есть неопровержимые свидетельства. Точнее будет сказать, что мы узнали о них в то время, когда их политические силы и политические классы находились в состоянии кристаллизации. То же самое происходит в обществах, которые мы обычно называем стареющими, где религиозные убеждения, научные знания, способы производства и распределения благ столетиями не претерпевали радикальных изменений и в ходе их повседневного развития не испытывали проникновения инородных элементов, материальных или интеллектуальных. [...]

...Самый известный и, возможно, наиболее впечатляющий пример общества, склонного к кристаллизации, — это общество того периода римской истории, который принято называть ранней империей. Тогда после нескольких столетий почти полной социальной неподвижности все отчетливее стало просматриваться выделение двух классов — класса крупных землевладельцев и чиновников высокого ранга и класса рабов, земледельцев и городского плебса. Особенно впечатляет то, что государственная служба и социальное положение стали наследственными по обычаю раньше, чем по закону, эта тенденция в указанный период распространилась очень быстро.

В истории народа может случиться и так, что торговые отношения с иноземцами, вынужденная эмиграция, открытия, войны порождают новую бедность и новое богатство, способствуют распространению преимущественно неизвестного ранее знания и проникновению новых моральных, интеллектуальных и религиозных идей. И опять в результате такого проникновения, или вследствие процесса постепенного внутреннего развития, или же в силу обеих причин может появиться новое знание, или в чести вновь окажутся определенные элементы старого, давно забытого знания, так что новые идеи и убеждения выдвинутся впереди, опрокинут укоренившиеся, с помощью которых поддерживалась покорность масс. Правящий класс также может быть полностью или частично побежден и уничтожен иностранным вторжением или, когда возникают упомянутые выше обстоятельства, может быть лишен власти с приходом новых социальных элементов, сильных политических сил. Тогда,

естественно, наступает период обновления либо, если кому-то больше нравится, революции, в ходе которой проявляется свобода действий индивидов, часть которых, наиболее пассионарных, энергичных, бесстрашных или просто самых практичных, прокладывает себе дорогу с нижних ступеней социальной лестницы наверх. Если началось такое движение, сразу остановить его невозможно. Пример индивидов, которые начинали с нуля и достигли заметного положения, вызывает честолюбивые замыслы, алчность, новые усилия, и это молекулярное обновление правящего класса продолжается до тех пор, пока не сменится продолжительным периодом социальной стабильности. Вряд ли есть необходимость приводить примеры наций, испытавших такие периоды обновления. В наши дни их множество. Быстрое пополнение правящих классов — поразительное и частое явление не только в колониальных странах. Когда общественная жизнь начинается в таких условиях, а правящий класс находится только в процессе формирования, доступ в него прост. Овладение землей и другими средствами производства не совсем невозможно, но во всяком случае труднее, чем где бы то ни было. Именно поэтому греческие колонии, по крайней мере в определенный период, были большим полигоном реализации устремлений и предприимчивости греков. Именно поэтому в Соединенных Штатах, где освоение новых земель продолжалось на протяжении всего XIX в. и постоянно создавались новые отрасли промышленности, немало примеров, когда люди, начиная с нуля, добивались известности и состояния, и все это питает в жителях данной страны иллюзию, что демократия реально существует.

Предположим теперь, что общество переходит постепенно от лихорадочного состояния к покою. Поскольку у человеческого существа всегда одни и те же психологические устремления, те, кто принадлежит к правящему классу, начнут обретать чувство солидарности с ним. Они все более становятся недоступными, все лучше овладевают искусством использовать к своей выгоде необходимые для достижения и удержания власти качества и способности. Далее, появляется и носящая консервативный характер сила — сила привычки. Многие люди смиряются со своим низким положением, в то время как члены определенных привилегированных семей или классов все более убеждаются в том, что обладают почти абсолютным правом на высокое положение и правление.

Несомненно, филантроп впадет в искушение выяснить, в какие же периоды человечество счастливее или несчастнее — в периоды социальной стабильности и кристаллизации, когда практически каждому предопределено остаться в том социальном положении, к которому он принадлежал по рождению, или в периоды обновления и революции, позволяющие всем жаждать более высокого положения, а кому-то и добиваться его. Такое исследование было бы нелегким. Потребовалось бы учесть множество оговорок, исключений, да и сам исследователь, вероятно, был бы не свободен от личных пристрастий. Поэтому не рискнем дать собственный ответ. [...]

Печатается по: Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С.187-198.

МАКС ВЕБЕР

Вебер Макс (1864-1920)

Немецкий философ, историк и социолог, внесший серьезный вклад в развитие методологии общественных наук. Творческая деятельность Вебера многогранна: исследование вопросов экономической жизни, социологии, культуры, религии, искусства, истории. В поле его зрения — проблемы функционирования политических и государственных институтов. Политика как наука благодаря Веберу получает свое теоретико-методологическое осмысление. Подходы и модели исследования политических процессов и по сей день продолжают оставаться актуальными. Вебер развивает свои политические идеи в трехтомном труде, посвященном социологии религии, в книге "Экономика и общество", в политических письмах, лекциях и др. Для Вебера "политика" означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, происходит ли это внутри государства или между группами людей. Власть пронизывает все сферы общественной жизни. Существует власть, основанная на экономической силе, и власть, базирующаяся на легитимном насилии. Второй тип власти Вебер называл "господством", что является центральным понятием веберовской социологии политических отношений. Ценным вкладом является то, что Вебер проводит анализ существующих зависимостей между властью, выраженной понятием господство и ее легитимностью, правомочностью. Вебер выделяет три "идеальных типа" господства: а) традиционное; б) харизматическое; в) легальное.

Вебер исследовал феномен бюрократии, считая бюрократический аппарат необходимым условием господства и подчинения. При легальном типе власти управленческие функции усложняются, бюрократия осуществляет господство. Вебер одним из первых исследователей обращает внимание на партию как на социальный механизм, где доктрина и организационная структура служат достижениям определенных политических целей.

Исследователи научного наследия Вебера, по-разному интерпретируя те или иные социологические и политические идеи, сходятся во мнении, что непродуктивных идей у Вебера практически не было и его вклад в развитие политологии является весомым.

Политика как призвание и профессия

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (т.е. считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, т.е. оснований, *легитимности* (начнем с них). Во-первых, это авторитет "вечно вчерашнего": авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, — традиционное господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет вне обыденного личного *дара* (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или избранный всеобщим голосованием выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу "легальности", в силу веры в обязательность легального *установления* (Satzung) деловой "компетентности", обоснованной рационально созданными правилами, т.е. ориентацией на подчинение при выполнении установленных правил, — господство в том виде, в каком его осуществляют современный "государственный служащий" и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды — страха перед местью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение — и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана "легитимность" такой покорности, тогда, конечно, столкнешься с указанными тремя ее идеальными типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, идеальные типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих идеальных типов: это относится к проблемам "общего учения о государстве". [...]

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной харизме вождя, ибо здесь коренится мысль о *призвании* (Beruf) в его высшем выражении. Преданность харизме пророка, или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне "признанным" руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам вождь живет своим делом, "жаждет свершить свой труд", если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой — избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера — вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является *политический* вождизм

сначала в образе *свободного "демагога"*, существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем в образе парламентского "партийного вождя", выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе.

Конечно, главными фигурами в механизме политической борьбы не были одни только политики в силу их призвания в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род вспомогательных средств, которые находятся в их распоряжении. Как политически господствующие силы начинают утверждаться в своем государстве? Данный вопрос относится ко всякого рода господству, т.е. и к политическому господству во всех его формах: традиционной, легальной и харизматической.

Любое господство как форма власти, требующая постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязающим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны — посредством этого подчинения — в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия: личным штабом управления и материальными средствами управления.

Штаб управления, представляющий во внешнем проявлении предприятие политического господства, как и всякое другое предприятие, прикован к властелину, конечно, не одним лишь представлением о легитимности, о котором только что шла речь. Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и оказанием почестей. [...]

[...] Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному *руководству*. [...] Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство *политическим* союзом, т.е. в наши дни — *государством*.

Но что есть "политический" союз с точки зрения социологического рассуждения? Что есть "государство"? Ведь государство нельзя социологически определить исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, т.е. исключительно, присуща тем союзам, которые называют "политическими", т.е. в наши дни — государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно в конечном счете только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, *средства* — физического насилия. "Всякое государство основано на насилиии", — говорил в свое время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, *тогда* отпало бы понятие "государство", *тогда* наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы

назвать анархией. Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства, об этом нет и речи, но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию функционально. В прошлом различным союзам, начиная с рода, физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области — область включается в признак — претендует (с успехом) на *монополию легитимного физического насилия*. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько *государство* со своей стороны допускает это насилие: единственным источником "права" на насилие считается государство.

Итак, политика, судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства, между группами людей, которые оно в себе заключает.

В сущности такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это "политический" вопрос, о министре или чиновнике: это "политический" чиновник, о некоем решении: оно "политически" обусловлено, — то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смены власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти "ради нее самой", чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает. [...]

Можно заниматься политикой, т.е. стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри их, как в качестве политика "по случаю", так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же как и при хозяйственной деятельности. Политиками "по случаю" являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например рукоплещем или протестуем на "политическом" собрании, произносим "политическую" речь и т.д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками "по совместительству" являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правление партийно-политических союзов, которые — по общему правилу — занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них *первостепенным* "делом жизни" ни в материальном, ни в духовном отношении. [...]

Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить - "для" политики, либо жить "за счет" политики и "политикой". Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно, по меньшей

мере духовно, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет "для" политики, в каком-то внутреннем смысле творит "свою жизнь из этого" — либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит "делу" ("Sache"), и тем самым *придает* смысл своей жизни. Пожалуй, именно в таком глубоком внутреннем смысле всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом. Таким образом, различие касается гораздо более глубокой стороны — экономической. "За счет" политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный *источник дохода*; "для" политики — тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог жить "для" политики, при господстве частнособственнического строя должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях. [...]

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает "плутократическое" рекрутирование политических руководящих слоев. [...] Руководить политикой можно либо в порядке "почетной деятельности", и тогда ею занимаются, как обычно говорят, "независимые", т.е. состоятельные, прежде всего имеющие ренту, люди, либо же к политическому руководству допускаются неимущие, и тогда они должны получать вознаграждение. Профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть *чисто пребендарием* (Pfrunder), или оплачиваемым *чиновником*. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные достижения — чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, — либо получает твердое натуральное вознаграждение, денежное содержание, или то и другое вместе. Политический деятель может приобрести характер "предпринимателя", как кондотьер, или арендатор, или обладатель ранее приобретенной должности, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалованье как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник. [...]

Вследствие общей бюрократизации с ростом числа должностей и спроса на такие должности как формы специфически *гарантированного* обеспечения данная тенденция усиливается для всех партий и они во все большей мере становятся таким средством обеспечения для своих сторонников.

Однако ныне указанной тенденции противостоят развитие и превращение современного чиновничества в сословие лиц наемного труда, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и пошлого мещанства, а это ставило бы под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь.[...]

Одновременно с подъемом вышколенного *чиновничества* возникали также — хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов — руководящие *политики*. Конечно, такие фактически главенствующие советники князей существовали с давних пор во всем мире. [...]

Развитие власти парламента еще сильнее вело к единству там, где она, как в Англии, пересиливала монарха. Здесь получил развитие кабинет во главе с единым парламентским вождем, лидером, как постоянная комиссия игнорируемой официальными законами, фактически же единственной решающей политической силы — *партии*, находящейся в данный момент в большинстве. Официальные коллегиальные корпорации именно как таковые не являлись органами действительно господствующей силы — партии и, таким образом, не могли быть представителями подлинного правительства. Напротив, господствующая партия, дабы утверждать свою власть внутри (государства) и иметь возможность проводить большую внешнюю политику, нуждалась в боеспособном, конфиденциально совещающемся органе, составленном только из действительно ведущих в ней деятелей, т.е. именно в кабинете, а по отношению к общественности, прежде всего парламентской общественности, — в ответственном за все решения вожде — главе кабинета. Эта английская система в виде парламентских министерств была затем перенята на континенте, и только в Америке и испытавших ее влияния демократиях ей была противопоставлена совершенно гетерогенная система, которая посредством прямых выборов ставила избранного вождя побеждающей партии во главе назначенного им аппарата чиновников и связывала его согласием парламента только в вопросах бюджета и законодательства.

Превращение политики в профессиональную деятельность, которой требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты (*Fachbeamte*), с другой — "политические" чиновники. "Политические" чиновники в собственном смысле слова, как правило, внешне характеризуются тем, что в любой момент могут быть произвольно перемещены и уволены или же "направлены в распоряжение", как французские префекты или по-

добные им чиновники в других странах, что составляет самую резкую противоположность независимости чиновников с функциями судей. [...]

Мы скорее зададим вопрос о типическом своеобразии профессионального политика, как вождя, так и его свиты. Оно неоднократно менялось и также весьма различно и сегодня.

[...] В прошлом "профессиональные политики" появились в ходе борьбы князей с сословиями на службе у первых. Рассмотрим вкратце их основные типы.

В борьбе против сословий князь опирался на политически пригодные слои несословного характера. К ним, прежде всего, относились в Передней Индии и Индокитае, в буддистском Китае, Японии и ламаистской Монголии — точно так же, как и в христианских регионах Средневековья, — клирики. Данное обстоятельство имело технические основания, ибо клирики были сведущи в письме. Повсюду происходит импорт брахманов, буддистских проповедников, лам и использование епископов и священников в качестве политических советников, с тем чтобы получить сведущие в письме управленческие силы, которые могут пригодиться в борьбе императора, или князя, или хана против аристократии. Клирик, в особенности клирик, соблюдавший целибат, находился вне суеты нормальных политических и экономических интересов и не испытывал искушения домогаться для своих потомков собственной политической власти в противовес своему господину, как это было свойственно вассалу. Он был отделен от средств государственного управления своими сословными качествами.

Второй слой такого же рода представляли получившие гуманитарное образование грамматики (Literaten). Было время, когда, чтобы стать политическим советником, и прежде всего составителем политических меморандумов князя, приходилось учиться сочинять тексты на латинском и греческом языках. Такого времени первого расцвета классических школ, когда князья учреждали кафедры поэтики: у нас эта эпоха миновала быстро и, продолжая все-таки оказывать неослабевающее влияние на систему нашего школьного обучения, не имела никаких более глубоких политических последствий. [...]

Третьим слоем была придворная знать. После того как князьям удалось лишить дворянство его сословной политической силы, они привлекли его ко двору и использовали на политической и дипломатической службе. Переворот в нашей системе воспитания в XVII в. был связан также и с тем, что вместо гуманитариев-литераторов на службу к князьям поступили профессиональные политики из числа придворной знати.

Что касается четвертой категории, то это было сугубо английское образование; патрициат, включающий в себя мелкое дворянство и городских рантье, обозначаемый в повседневном общении термином "джентри" (gentry). [...] Этот слой удерживал за собой владение всеми должностями местного управления, поскольку вступал в него безвозмездно в интересах своего собственного социального могущества. Он сохранил Англию от бюрократизации, ставшей судьбой всех континентальных государств.

Пятый слой — юристы, получившие университетское образование, — был характерен для Запада, прежде всего для Европейского континента, и имел решающее значение для всей его политической структуры. Ни в чем так ярко не проявилось впоследствии влияние римского права, преобразовавшего бюрократическое позднее римское государство, как именно в том, что революционизация политической профессиональной деятельности как тенденция к рациональному государству повсюду имела носителем квалифицированного юриста, даже в Англии, хотя там крупные национальные корпорации юристов препятствовали рецепции римского права. [...]

Отнюдь не случайно, что адвокат становится столь значимой фигурой в западной политике со времени появления партий. Занятие политикой как профессией осуществляется партиями, т.е. представляет собой именно деятельность заинтересованных сторон, мы скоро увидим, что это должно означать. А эффективное ведение какого-либо дела для заинтересованных в нем сторон и есть ремесло квалифицированного адвоката. Здесь он — поучительным может быть превосходство враждебной пропаганды — превосходит любого чиновника. Конечно, он может успешно, т.е. технически "хорошо", провести подкрепленное логически слабыми аргументами, т.е. в этом смысле "плохое", дело. Но также только он успешно ведет дело, которое можно подкрепить логически сильными аргументами, т.е. дело в этом смысле "хорошее". Чиновник в качестве политика, напротив, слишком часто своим технически "скверным" руководством делает "хорошее" в этом смысле дело "дурным": нечто подобное нам пришлось пережить. Ибо проводником нынешней политики среди масс общественности все чаще становится умело сказанное или написанное слово. Взвесить его влияние — это-то и составляет круг задач адвоката, а вовсе не чиновника-специалиста, который не является и не должен стремиться быть демагогом, а если все-таки ставит перед собой такую цель, то обычно становится весьма скверным демагогом.

Подлинной профессией настоящего чиновника — это имеет решающее значение для оценки нашего прежнего режима — не должна быть политика. Он должен управлять прежде всего *беспристрастно* — данное требование применимо даже к так называемым политическим управленческим чиновникам, — по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены государственные интересы, т.е. жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio*, т.е. без гнева и пристрастия, должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик — как вождь, так и его свита, — *бороться*. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть — *ira et studium* — суть стихия политика, и прежде всего политического *вождя*. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу *ответственности*, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему

ошибочным приказе, дело чести чиновника выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, т.е. руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная *личная* ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права. Как раз те натуры, которые в качестве чиновников высоко стоят в нравственном отношении, суть скверные, безответственные прежде всего в политическом смысле слова и постольку в нравственном отношении низко стоящие политики — такие, каких мы, к сожалению, все время имели на руководящих постах. Именно такую систему мы называем господством чиновников; и конечно, достоинств нашего чиновничества отнюдь не умаляет то, что мы, оценивая их с политической точки зрения, с позиций успеха, обнажаем ложность данной системы. Но давайте еще раз вернемся к типам политических фигур.

На Западе со времени возникновения конституционного государства, а в полной мере со времени развития демократии типом политика-вождя является "демагог". У этого слова неприятный оттенок, что не должно заставить нас забыть: первым имя демагога носил не Клеон, а Перикл. Не занимая должностей или же будучи в должности верховного стратега, единственной выборной должности (в противоположность должностям, занимаемым в античной демократии по жребию), он руководил суверенным народным собранием афинского демоса. Правда, слово устное использует и современная демагогия, и даже, если учесть предвыборные речи современных кандидатов, в чудовищном объеме. Но с еще более устойчивым эффектом она использует слово написанное. Главнейшим представителем данного жанра является ныне политический публицист, и прежде всего журналист.

[...] У журналиста та же судьба, что и у всех демагогов, а впрочем, — по меньшей мере на континенте в противоположность ситуации в Англии, да в общем и в Пруссии в более ранний период — та же судьба у адвоката (и художника): он не поддается устойчивой социальной классификации. Он принадлежит к некоего рода касте париев, социально оцениваемых в обществе по тем ее представителям, которые в этическом отношении стоят ниже всего. Отсюда распространенность самых диковинных представлений о журналистах и их работе. И отнюдь не каждый отдает себе отчет в том, что по-настоящему хороший результат журналистской работы требует по меньшей мере столько же "духа", сколько какой-нибудь результат деятельности ученого, прежде всего вследствие необходимости выдать его сразу, по команде и сразу же *получить эффект*, притом, конечно, что условия творчества в данном случае совершенно другие. [...]

Но если журналист как тип профессионального политика существует уже довольно-таки давно, то фигура *партийного* чиновника связана с тенденцией последних десятилетий и частично последних лет. Мы должны теперь обратиться

к рассмотрению партийной системы (*Partei-wesens*) и партийной организации, чтобы понять эту фигуру сообразно ее месту в историческом развитии.

Во всех сколько-нибудь обширных, т.е. выходящих за пределы и круг задач мелкого деревенского кантона, политических союзах с периодическими выборами власть имущих профессиональное занятие политикой необходимо является *занятием претендентов*. Это значит, что относительно небольшое число людей, заинтересованных в первую очередь в политической жизни, т.е. в участии в политической власти создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя или тех, кого они опекают, в качестве кандидатов на выборах, собирают денежные средства и приступают к ловле голосов. [...]

Господству уважаемых людей и управлению через посредство парламентариев приходит конец. Дело берут в свои руки профессиональные политики; находящиеся *вне* парламентов. [...]

Партийная свита, прежде всего, партийный чиновник и предприниматель, конечно, ждет от победы своего вождя личного вознаграждения — постов или других преимуществ. От него, не от отдельных парламентариев или же не только от них; это главное. Прежде всего они рассчитывают, что демагогический эффект личности вождя обеспечит партии голоса и мандаты в предвыборной борьбе, а тем самым власть и благодаря ей в наибольшей степени расширит возможности получения ожидаемого вознаграждения для приверженцев партии. А труд с верой и личной самоотдачей человеку; не какой-то абстрактной программе какой-то партии, состоящей из посредственностей, является тут идеальным моментом, это харизматический элемент всякого вождизма, одна из его движущих сил.

Так какие же внутренние радости может предложить карьера политика и какие личные предпосылки для этого она предполагает в том, кто ступает на данный путь?

Прежде всего, она дает чувство власти. Даже на формально скромных должностях сознание влияния на людей, участия во власти над ними, но в первую очередь чувство того, что и ты держишь в руках нерв исторически важного процесса, способно поднять профессионального политика выше уровня повседневности. Однако здесь перед ним встает вопрос: какие его качества дают ему надежду справиться с властью (как бы узко она ни была очерчена в каждом отдельном случае) и, следовательно, с той ответственностью, которую она на него возлагает? Тем самым мы вступаем в сферу этических вопросов, ибо именно к ним относится вопрос, каким надо быть человеку, дабы ему позволительно было приложить руку к движению истории.

Можно сказать, что в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер. Страсть в смысле *ориентации на существо дела* (*Sachlichkeit*), страстной самоотдачи делу, тому богу или демону, который этим делом повелевает. Не в смысле того внутреннего образа действий, который мой покойный друг Георг Зиммель обычно называл стерильной возбужденностью, свойственной определенному типу, прежде всего,

русских интеллектуалов (но отнюдь не всем из них), и который ныне играет столь заметную роль и у наших интеллектуалов в этом карнавале, украшенном гордым именем "революция": утекающая в пустоту романтика интеллектуально занимательного без всякого серьезного чувства ответственности. Ибо одной только страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще, конечно, недостаточно. Она не сделает вас политиком, если, являясь служением "делу", не сделает *ответственность* именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности. А для этого — в том-то и состоит решающее психологическое качество политика — требуется *глазомер*, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется *дистанция* по отношению к вещам и людям. "Отсутствие дистанции" только как таковое — один из смертных грехов всякого политика — и есть одно из тех качеств, которые воспитывают у нынешней интеллектуальной молодежи, обрекая ее тем самым на неспособность к политике. Ибо проблема в том и состоит, чтобы "втиснуть" в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер. Политика делается головой, а не какими-нибудь другими частями тела или души. И все же самоотдача политике, если это не фривольная интеллектуальная игра, а подлинное человеческое деяние, должна быть рождена и вскормлена только страстью. Но полное обуздание души, отличающее страстного политика и разводящее его со "стерильно возбужденным" политическим дилетантом, возможно лишь благодаря привычке к дистанции в любом смысле слова. Сила политической личности в первую очередь означает наличие у нее этих качеств.

И потому политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком "человеческого" врага: обыкновеннейшее *тщеславие*, смертного врага всякой самоотдачи делу и всякой дистанции, что в данном случае значит: дистанции по отношению к самому себе.

Тщеславие есть свойство весьма распространенное, от которого не свободен, пожалуй, никто. А в академических и ученых кругах это род профессионального заболевания. Но как раз что касается ученого, то данное свойство, как бы антипатично оно ни проявлялось, относительно безобидно в том смысле, что, как правило, оно не является помехой научной деятельности. Совершенно иначе обстоит дело с политиком. Он трудится со стремлением к *власти* как необходимому средству. Поэтому инстинкт власти, как это обычно называют, действительно относится к нормальным качествам политика. Грех против святого духа его призвания начинается там, где стремление к власти не диктуется интересами дела, становится предметом сугубо личного самоопьянения, вместо того чтобы служить исключительно делу. Ибо в конечном счете в сфере политики есть лишь два рода смертного греха: уход от существа дела и — что часто, но не всегда то же самое — безответственность. Тщеславие, т.е. потребность по возможности часто самому появляться на переднем плане, сильнее всего вводит политика в искушение совершить один из этих грехов или оба сразу. Чем больше

вынужден демагог считаться с эффектом, тем больше для него именно поэтому опасность стать фигляром или не принимать всерьез ответственности за последствия своих действий и интересоваться лишь произведенным впечатлением. Его неделовитость навязывает ему стремление создавать видимость и блеск власти, а не действительную власть, а его безответственность ведет к наслаждению властью как таковой, вне содержательной цели. Именно *потому*, что власть есть необходимое средство, а стремление к власти есть поэтому одна из движущих сил всякой политики, нет более пагубного искажения политической силы, чем бахвальство выскочки властью и тщеславное самолюбование чувством власти, вообще всякое поклонение власти только как таковой. "Политик одной только власти", культ которого ревностно стремятся создать и у нас, способен на мощное воздействие, но фактически его действие уходит в пустоту и бессмысленность. И здесь критики "политики власти" совершенно правы. Внезапные внутренние катастрофы типичных носителей подобного убеждения показали нам, какая внутренняя слабость и бессилие скрываются за столь хвастливым, но совершенно пустым жестом. Это продукт в высшей степени жалкого и поверхностного чванства в отношении смысла человеческой деятельности, каковое полностью чужеродно знанию о трагизме, с которым в действительности сплетены все деяния, и в особенности деяния политические.

Исключительно верно именно то, и это основной факт всей истории (более подробное обоснование здесь невозможно), что конечный результат политической деятельности часто, нет, пожалуй, даже регулярно оказывался в совершенно неадекватном, часто прямо-таки парадоксальном отношении к ее изначальному смыслу. Но если деятельность должна иметь внутреннюю опору, нельзя, чтобы этот смысл — служение *делу* — отсутствовал. *Как* должно выглядеть то дело, служа которому политик стремится к власти и употребляет власть, — это вопрос веры. Он может служить целям национальным или общечеловеческим, социальным и этическим или культурным, мирским или религиозным, он может опираться на глубокую веру в "прогресс" — все равно в каком смысле — или же холодно отвергать этот сорт веры, он может притязать на служение "идеи" или же намереваться служить внешним целям повседневной жизни, принципиально отклоняя вышеуказанное притязание, но какая-либо вера должна быть *в наличии* всегда. Иначе — и это совершенно правильно — проклятие ничтожества твари тяготеет и над самыми по видимости мощными политическими успехами.

Сказанное означает, что мы уже перешли к обсуждению последней из занимающих нас сегодня проблем: проблемы *этого* политики как "дела". Какому профессиональному призванию может удовлетворить она сама, совершенно независимо от ее целей, в рамках совокупной нравственной экономики ведения жизни? Каково, так сказать, то этическое место, откуда она родом? Здесь, конечно, сталкиваются друг с другом последние мировоззрения, между которыми следует в конечном счете *совершить выбор*. Итак, давайте энергично возьмемся за про-

блему, понятую недавно опять, по моему мнению, совершенно превратным образом.

Однако избавимся прежде от одной совершенно тривиальной фальсификации. А именно, этика может сначала выступать в роли в высшей степени фатальной для нравственности. Приведем примеры. [...] Вместо того чтобы там, где сама структура общества породила войну, как старые бабы, искать после войны "виновного", следовало бы по-мужски сурово сказать врагу: "Мы проиграли войну, вы ее выиграли. С этим теперь все решено; давайте же поговорим о том, какие из этого нужно сделать выводы в соответствии с теми *деловыми* интересами, которые были задействованы, и — самое главное — ввиду той ответственности перед *будущим*, которая тяготеет прежде всего над победителем". Все остальное недостойно, и за это придется поплатиться. Нация простит ущемление ее интересов, но не оскорбление ее чести, в особенности если оскорбляют ее прямо-таки поповской косностью. Каждый новый документ, появляющийся на свет спустя десятилетия, приводит к тому, что с новой силой раздаются недостойные вопли, разгораются ненависть и гнев. И это вместо того, чтобы окончание войны похоронило ее по меньшей мере в *нравственном* смысле. Такое возможно лишь благодаря ориентации на дело и благородству, но прежде всего лишь благодаря *достоинству*. Но никогда это не будет возможно благодаря этике, которая в действительности означает унижительное состояние обеих сторон. Вместо того чтобы заботиться о том, что касается политика — о будущем и ответственности перед ним, этика занимается политически стерильными в силу своей неразрешимости вопросами вины в прошлом. Если и есть какая-либо политическая вина, то она именно в этом-то и состоит. Кроме того, в данном случае упускается из виду неизбежная фальсификация всей проблемы весьма материальными интересами: заинтересованностью победителя в наибольшем выигрыше — моральном и материальном — и надеждами побежденного выторговать себе преимущества признаниями вины; если и есть здесь нечто *подлое*, то именно это, а это следствие данного способа использования этики как средства упрямо утверждать свою правоту.

Но каково же тогда действительное отношение между *этикой и политикой*?

[...] Мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное поведение может подчиняться *двум* фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на "этику убеждения", либо на "этику ответственности". Не в том смысле, что этика убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности — тождественной беспринципности. Об этом, конечно, нет и речи. Но глубиннейшая противоположность существует между тем, действуют ли по максиме этики убеждения — на языке религии: "Христианин поступает как должно, а в отношении результата уповает на Бога" — или же действуют по максиме этики ответственности: надо расплачиваться за (предвидимые) *последствия* своих действий. Как бы убедительно ни доказывали вы действующему по

этике убеждения синдикалиту, что вследствие его поступков возрастут шансы на успех реакции, усилится угнетение его класса, замедлится дальнейшее восхождение этого класса, на него это не произведет никакого впечатления. Если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими. Напротив, тот, кто исповедует этику ответственности, считается именно с этими заурядными человеческими недостатками, он, как верно подметил Фихте, не имеет никакого права предполагать в них доброту и совершенство, он не в состоянии сваливать на других последствия своих поступков, коль скоро мог их предвидеть. Такой человек скажет: эти следствия вменяются моей деятельности. Исповедующий этику убеждения чувствует себя ответственным лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например пламя протеста против несправедливого социального порядка. Разжигать его снова и снова — вот цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков, которые могут и должны иметь ценность только как пример.

Но и на этом еще не покончено с проблемой. Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение "хороших" целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать, когда и в каком объеме этически положительная цель освящает этически опасные средства и побочные следствия.

Главное средство политики — насилие, а сколь важно напряжение между средством и целью с этической точки зрения — об этом вы можете судить по тому, что, как каждый знает, революционные социалисты (циммервальдской ориентации) уже во время войны исповедовали принцип, который можно свести к следующей точной формулировке: "Если мы окажемся перед выбором: либо еще несколько лет войны, а затем революция, либо мир теперь, но никакой революции, то мы выберем еще несколько лет войны!" Если бы еще был задан вопрос: "Что может дать эта революция?", то всякий поднаторевший в науке специалист ответил бы, что о переходе к хозяйству, которое в *его* смысле можно назвать социалистическим, не идет и речи, но что должно опять-таки возникнуть буржуазное хозяйство, которое бы могло только исключить феодальные элементы и остатки династического правления. Значит, ради этого скромного результата "еще несколько лет войны!" Пожалуй, позволительно будет сказать, что здесь даже при весьма твердых социалистических убеждениях можно отказаться от цели, которая требует такого рода средств. Но в случае с большевизмом и движением спартаковцев, вообще революционным социализмом любого рода дела обстоят именно так, и, конечно, в высшей степени забавным кажется, что эта сторона *нравственно* отвергает "деспотических политиков" старого режима из-за

использования ими тех же самых средств, как бы ни был оправдан отказ от *их, целей*.

Что касается освящения средств целью, то здесь этика убеждения вообще, кажется, терпит крушение. Конечно, логически у нее есть лишь возможность *отвергать всякое* поведение, использующее нравственно опасные средства. Правда, в реальном мире мы снова и снова сталкиваемся с примерами, когда исповедующий этику убеждения внезапно превращается в хилиастического пророка, как, например, те, кто, проповедуя в настоящий момент "любовь против насилия", в следующее мгновение призывают к насилию, к *последнему* насилию, которое привело бы к уничтожению *всякого* насилия, точно также, как наши военные при каждом наступлении говорили солдатам: это наступление — последнее, оно приведет к победе и, следовательно, к миру. Исповедующий этику убеждения не выносит этической иррациональности мира. Он является космически-этическим "рационалистом". Конечно, каждый из вас, кто знает Достоевского, помнит сцену с Великим инквизитором, где эта проблема изложена верно. Невозможно напялить один колпак на этику убеждения и этику ответственности или этически декретировать, *какая* цель должна освящать *какое* средство, если этому принципу вообще делаются какие-то уступки. [...]

Тот, кто хочет *силой* установить на земле абсолютную справедливость, тому для этого нужно окружение — человеческий "аппарат". Ему он должен обещать необходимое (внутреннее и внешнее) вознаграждение — мзду небесную или земную, иначе "аппарат" не работает. Итак, в условиях современной классовой борьбы внутренним вознаграждением является утоление ненависти и жажды мести, прежде всего Ressentiment'a (неприязни), и потребности в псевдоэтическом чувстве безусловной правоты, поношении и хуле противников. Внешнее вознаграждение — это авантюра, победа, добыча, власть и доходные места. Успех вождя полностью зависит от функционирования подвластного ему человеческого аппарата. Поэтому зависит он и от его — а не своих собственных — мотивов, т.е. от того, чтобы окружению: красной гвардии, провокаторам и шпионам, агитаторам, в которых он нуждается, — эти вознаграждения доставлялись *постоянно*. То, чего он фактически достигает в таких условиях, находится поэтому вовсе не в его руках, но предназначено ему теми преимущественно низменными мотивами действия его окружения, которые можно удерживать в узде лишь до тех пор, пока честная вера в его личность и его дело воодушевляет по меньшей мере часть приверженцев его взглядов (так, чтобы воодушевлялось хотя бы большинство, не бывает, видимо, никогда). Но не только эта вера, даже там, где она субъективно честна, в весьма значительной части случаев является по существу этической "легитимацией" жажды мести, власти, добычи и выгодных мест, пусть нам тут ничего не наговаривают, ибо ведь и материалистическое понимание истории не фиакр, в который можно садиться по своему произволу, и перед носителями революции он не останавливается! Но, прежде всего традиционалистская *повседневность* наступает после эмоциональной революции,

герой веры и, прежде всего сама вера исчезают или становятся — что еще эффективнее — составной частью конвенциональной фразы политических обывателей и технических исполнителей. Именно в ситуации борьбы за веру это развитие происходит особенно быстро, ибо им, как правило, руководят или вдохновляют его подлинные *вожди* — пророки революции. Потому что и здесь, как и во всяком аппарате вождя, одним из условий успеха является опустошение и опредмечивание, духовная пролетаризация в интересах "дисциплины". Поэтому достигшая господства свита борца за веру особенно легко вырождается обычно в совершенно заурядный слой обладателей теплых мест.

Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из *него самого*. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. Великие виртуозы акосмической любви к человеку и доброты, происходят ли они из Назарета, из Ассизи или из индийских королевских замков, не "работали" с политическим средством — насилием; их царство было не от мира сего, и все-таки они действовали и действовали в этом мире, и фигуры Платона Каратаева у Толстого и святых [людей] у Достоевского все еще являются самыми адекватными конструкциями по их образу и подобию. Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутренней конфронтации с богом любви, в том числе и с христианским Богом в его церковном проявлении, — напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. Люди знали это уже во времена господства церкви. Вновь и вновь налагался на Флоренцию интердикт — а тогда для людей и спасения их душ это было властью куда более грубой, чем (говоря словами Фихте) "холодное одобрение" кантiansкого этического суждения, — но граждане сражались против государства церкви. И в связи с такими ситуациями Макиавелли в одном замечательном месте, если не ошибаюсь, "Истории Флоренции" заставляет одного из своих героев воздать хвалу тем гражданам, для которых величие отчего города важнее, чем спасение души. [...]

Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. Мысль в общем-то правильная, и весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному. Но тот, кто на это способен, должен быть вождем, мало того, он еще должен быть — в самом простом смысле слова — героем. И даже те, кто не суть ни то, ни другое, должны вооружиться той твердостью духа, которую не сломит и крушение всех надежд; уже теперь они должны вооружиться ею, ибо иначе не сумеют осуществить даже то, что возможно ныне. Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глупым или слишком

подлым для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать "и все-таки!", — лишь тот имеет профессиональное призвание к политике.

Печатается по: Вебер М. Избранные сочинения. М., 1990. С. 644-675, 689-706.

КАРЛ РАЙМУНД ПОППЕР

Поппер Карл Раймунд (1902-1994)

Британский философ и социолог. Один из крупнейших современных мыслителей. Его основные работы – "Открытое общество и его враги", "Нищета историцизма", "Логика и рост научного знания". Политическая концепция Поппера – концепция "открытого общества". Она включает логико-критический анализ "универсальных утопий и их историцистский метод, а также практические принципы, на которых основываются институты демократии. Поппер разработал собственную модель демократии, которая соответствует основополагающим принципам "открытого", т.е. свободного общества. Эти принципы, как и само общество, утверждает Поппер, открыты для конструктивной критики, и именно в этом автор видит критерий научности любой теории. Попперу принадлежит оригинальная концепция демократии. Раскрывая ее суть, он утверждает, что она очень проста и в то же время существенным образом отличается от веками утвердившейся теории демократии. Во всех прежних теориях, начиная от Платона, главным вопросом демократии был вопрос "Кто правит?". Поппер же предлагает главным сделать следующий вопрос "Как должно быть устроено государство, чтобы от дурных правителей можно было избавиться без кровопролития, без насилия?". Этот вопрос приобретает чисто практическое значение, превращается почти в техническую проблему. Современные открытые общества, утверждает Поппер, приняли наипростейшие решения этого вопроса, взяв на вооружение принцип, согласно которому правительство можно сменить большинством голосов. В термин "демократия" Поппер не вкладывает понятия "народоправства", а формулирует ее как теорию правлений закона, который постулирует бескровный роспуск правительства простым большинством. Позиция Поппера относительно политики выглядит следующим образом. Политическая власть имеет фундаментальный характер она может контролировать экономическую власть. Это ведет к громадному расширению сферы политической деятельности: можно создать программу для защиты экономически слабых; можно создать законы ограничивающие эксплуатацию можно при помощи закона гарантировать средства к существованию всем, кто желает работать. Политическая власть является ключом к экономической защите, поэтому политическая власть и свойственные ей способы контроля – это самое главное в жизни общества. Нельзя допускать доминирования экономической власти. Поппер подчеркивает, что

необходимо понимание опасности, исходящей от любой формы бесконтрольной власти. Контроль за властью — это главная политическая задача.

Открытое общество и его враги

Правовая, или юридическо-политическая, система — система правовых институтов, созданная государством и навязанная им обществу, — должна, согласно представлениям Маркса, рассматриваться как одна из надстроек, возникших над существующими производительными силами экономической системы и выражающих эти силы. Маркс говорит в связи с этим о "юридической и политической надстройке". Это, конечно, не единственная форма, в которой экономическая, или материальная действительность и соответствующие ей отношения между классами проявляются в мире идеологии и идей. Другим примером такой надстройки может служить, по Марксу, господствующая система морали. Она в противоположность правовой системе не навязана государственной властью, а санкционирована идеологией, созданной и контролируемой правящим классом. Различие между этими формами надстройки, грубо говоря, есть различие между убеждением и принуждением (как сказал бы Платон), а именно государство, т.е. его правовая и политическая система, использует принуждение. У Энгельса государство есть не что иное, как "особая сила для подавления", для принуждения управляемых управляющими. "Политическая власть в собственном смысле слова, — говорится в "Манифесте Коммунистической партии", — это организованное насилие одного класса для подавления другого". Аналогичное описание роли государства дается и Лениным: "По Марксу, государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание "порядка", который узаконивает и упрочивает это угнетение..." Короче говоря, государство является только частью механизма, при помощи которого правящий класс ведет свою борьбу.

Прежде чем перейти к следствиям такого понимания государства, следует отметить, что в нем выражаются частично институционалистские, а частично эссенциалистские элементы теории государства. Это понимание носит институционалистский характер в той мере, в какой Маркс пытался установить, какие практические функции выполняют правовые институты в жизни общества. Однако оно является и эссенциалистским, поскольку Маркс вообще не исследовал разнообразия целей, которые он сам считал желательными. Вместо выдвижения требований или предложений-проектов по поводу функций, которые, по его ожиданиям, должны выполнять государство, правовые институты и правительство, Маркс спрашивал: "Что такое государство?" Иначе говоря, он пытался раскрыть сущностную функцию правовых институтов. Ранее было уже показано, что на такой типично эссенциалистский вопрос нельзя ответить удовлетворительным образом. И тем не менее этот вопрос, без сомнения, хорошо согласуется с предложенным Марксом эссенциалистским и метафизическим

подходом, в соответствии с которым область идей и норм интерпретируется как проявление экономической реальности.

Каковы же следствия такой теории государства? Наиболее важным следствием является то, что вся политика, все правовые и политические институты, равно как и вся политическая борьба, не имеют первостепенного значения в жизни общества. Политика на самом деле бессильна. Она никогда не может коренным образом изменить экономическую реальность. Главная, если не единственная, задача любой просвещенной политической деятельности состоит в наблюдении за тем, чтобы изменения в юридическо-политической сфере шли в ногу с изменениями в социальной реальности, т.е. в средствах производства и отношениях между классами. Поэтому тех трудностей, которые должны возникнуть, если политика плетется позади реальных экономических событий, согласно Марксу, можно избежать. Говоря другими словами, политическая деятельность либо носит поверхностный характер, она не обусловлена более глубокой реальностью социальной системы и в этом случае обречена на легковесность и никогда не сможет оказать угнетенным и эксплуатируемым реальную помощь, либо она выражает изменения в экономическом базисе и классовой ситуации и в этом случае приобретает характер извержения вулкана, настоящей революции. Такую революцию можно предвидеть, поскольку она возникает из социальной системы, и первоначальную жестокость позже можно смягчить, если не сопротивляться ее вулканической мощи, но революцию нельзя ни вызвать, ни подавить политическим действием.

Эти следствия еще раз демонстрируют нам единство марксовской исторической системы мышления. Однако если учесть, что немногие направления мысли сделали для возбуждения интереса к политической деятельности столько, сколько сделал марксизм, то Марксова теория фундаментального бессилия политики представляется несколько парадоксальной. (Марксисты, правда, могли бы ответить на это замечание, выдвинув два следующих аргумента. Первый состоит в том, что в изложенной теории политическое действие все же обладает определенной функцией, так как, хотя рабочая партия и не может своими действиями улучшить судьбу эксплуатируемых масс, ее борьба пробуждает классовое сознание и тем самым готовит массы к революции. Это аргумент радикального крыла марксистов. Другой аргумент, принадлежащий умеренному крылу, заключается в том, что в некоторые исторические периоды, а именно когда силы двух противостоящих классов находятся в приблизительном равновесии, политические действия могут приносить непосредственную пользу. В такие периоды политические усилия и политическая энергия могут стать решающими факторами достижения важных улучшений в жизни рабочих. Очевидно, что сторонники второго аргумента жертвуют некоторыми фундаментальными положениями марксовской теории, но не осознают этого и, следовательно, не доходят до существа дела).

Стоит заметить, что, согласно марксистской теории, рабочая партия, так сказать, застрахована от совершения сколько-нибудь значительных политических ошибок до тех пор, пока она продолжает играть предназначенную ей роль и энергично отстаивает требования рабочих. Дело в том, что никакие политические ошибки не могут серьезно повлиять на объективную классовую ситуацию и тем более на экономическую действительность, от которой в конечном счете зависит все в общественной жизни.

Другое важное следствие этой теории состоит в том, что в принципе все — даже демократические — правительства являются диктатурами правящего класса по отношению к управляемым. [...] "Современная государственная власть, — говорится в "Манифесте Коммунистической партии", — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии". Согласно этой теории, то, что мы называем Демократией, есть не что иное, как форма классовой диктатуры, которая оказывается наиболее удобной в соответствующих исторических условиях. (Эта доктрина не очень хорошо согласуется с теорией равновесия классов, проповедуемой упомянутым ранее умеренным крылом марксистов). Аналогично тому, как государство при капитализме есть диктатура буржуазии, так и после грядущей социальной революции оно будет диктатурой пролетариата. Однако это пролетарское государство, по Марксу, должно утратить свои функции, как только прекратится сопротивление буржуазии. Дело в том, что пролетарская революция ведет к одноклассовому и, следовательно, бесклассовому обществу, в котором уже не может быть классовой диктатуры. Таким образом, лишенное всех функций, государство должно исчезнуть. "Оно отмирает", — говорил Энгельс.

[...] Я очень далек от того, чтобы защищать Марксову теорию государства. Его теория бессилия всякой политики, и в частности его точка зрения на демократию, представляется мне не просто ошибкой, а фатальной ошибкой. Однако следует признать, что за его изобретательными и вместе с тем жестокими теориями стоял социальный опыт жестокости и подавления. И хотя Марксу, по моему мнению, так и не удалось понять будущее, которое он страстно стремился предвидеть, я считаю, что даже его ошибочные теории свидетельствуют о его глубоком социологическом анализе социальных условий того времени, его глубочайшем гуманизме и чувстве справедливости.

Марксова теория государства, несмотря на ее абстрактный и философский характер, безусловно, представляет собой интерпретацию того исторического периода, в котором он жил. Частью этой теории является вполне обоснованный взгляд, согласно которому так называемая промышленная революция первоначально развивалась как революция главным образом в "материальных средствах производства", т.е. в сфере машинного производства. Впоследствии это привело к преобразованию классовой структуры общества и к возникновению новой социальной системы. Что же касается политических революций и других преобразований правовой системы, то они происходят только на следующем этапе социального развития. Хотя эта Марксова интерпретация "подъема капитализма"

подверглась сомнению со стороны историков, которые смогли вскрыть ее глубокие идеологические основы (что, конечно, представляло собой серьезный аргумент против этой теории, но нельзя сказать, что Маркс совсем этого не осознавал), вряд ли можно сомневаться в ценности этой марксистской концепции как первого приближения к описанию капиталистического общества. Тем самым Маркс оказал большую помощь своим последователям в этой области. [...]

Марксизм претендует на нечто большее, чем просто быть наукой, делает нечто большее, чем исторические пророчества. Он претендует на то, чтобы быть основой практической политической деятельности. Он критикует существующее капиталистическое общество и утверждает, что может указать путь к лучшему миру. Однако, согласно собственной теории Маркса, мы не можем произвольно изменить экономическую реальность, например при помощи реформ. Политика может разве что "сократить и облегчить родовые муки". Это, по моему мнению, крайне бедная политическая программа, потому что политической власти она придает третьестепенное значение в иерархии различных видов власти. Действительно, по Марксу, реальную власть в обществе имеет развитие техники, следующая по важности ступень власти — это система экономических классовых отношений и на последнем месте оказывается политика.

Позиция, к которой мы пришли в результате нашего анализа, означает прямо противоположный взгляд на вещи. Согласно такой оппозиции, политическая власть имеет фундаментальный характер. Политическая власть с этой точки зрения может контролировать экономическую мощь. Это приводит к громадному расширению области политической деятельности. Мы можем, к примеру, разработать рациональную политическую программу для защиты экономически слабых. Мы можем создать законы, ограничивающие эксплуатацию. Мы можем ограничить рабочий день, но можем сделать и гораздо больше. При помощи закона мы можем застраховать рабочих (или, еще лучше, всех граждан) на случай потери трудоспособности, безработицы и старости. В результате окажутся невозможными такие формы эксплуатации, которые основываются на беспомощном экономическом положении рабочего, который вынужден согласиться на все, чтобы избежать голодной смерти. И когда мы будем способны при помощи закона гарантировать средства к существованию всем, кто желает работать, а причин, по которым мы не могли бы это сделать, не существует, то защита свободы гражданина от экономического страха и экономического шантажа будет практически полной. С этой точки зрения политическая власть является ключом к экономической защите. Политическая власть и присущие ей способы контроля — это самое главное в жизни общества. Нельзя допускать, чтобы экономическая власть доминировала над политической властью. Если же так происходит, то с экономической властью следует бороться и ставить ее под контроль политической власти.

Опираясь на изложенную точку зрения, мы можем сказать, что недооценка Марксом роли политической власти означает не только то, что он не уделил

должного внимания разработке теории очень важного потенциального средства улучшения положения экономически слабых, но и что он не осознал величайшей потенциальной опасности, грозящей человеческой свободе. Его наивный взгляд, согласно которому в бесклассовом обществе государственная власть утратит свои функции и "отомрет", ясно показывает, что он никогда не понимал ни парадокса свободы, ни той функции, которую государственная власть может и должна выполнять, служа свободе и человечеству. (И все же этот взгляд Маркса свидетельствует о том, что он был в конечном счете индивидуалистом, несмотря на его коллективистскую апелляцию к классовому сознанию).

Таким образом, марксистский взгляд аналогичен либеральному убеждению, что все, в чем мы нуждаемся, — это "равенство возможностей". Мы безусловно нуждаемся в таком равенстве, хотя оно и не защищает тех, кто менее одарен, менее безжалостен или менее удачлив, от превращения в объекты эксплуатации со стороны тех, кто более одарен, более безжалостен или более удачлив.

Опираясь на то, что нам удалось осознать в ходе нашего анализа, мы теперь можем сказать: то, что марксисты пренебрежительно именуют "чисто формальной свободой", на самом деле есть базис всех остальных сторон социальной системы. Это "чисто формальная свобода", т.е. демократия, или право народа оценивать и отстранять свое правительство, представляет собой единственный известный нам механизм, с помощью которого мы можем пытаться защитить себя против злоупотребления политической силой. Демократия — это контроль за правителями со стороны управляемых. И поскольку, как мы установили, политическая власть может и должна контролировать экономическую власть, политическая демократия оказывается единственным средством контроля за экономической властью со стороны управляемых. При отсутствии демократического контроля у правительства не будет ни малейшей причины, почему бы ему не использовать свою политическую и экономическую власть в целях, весьма далеких от защиты свободы своих граждан.

[...] Марксисты действительно просмотрели фундаментальную роль "формальной свободы". Они считают, что формальной демократии недостаточно, и хотели бы дополнить ее тем, что они обычно называют экономической демократией. Это двусмысленная и совершенно пустая фраза, которая затемняет тот факт, что "чисто формальная свобода" является единственной гарантией демократической экономической политики.

Маркс открыл значение экономической власти, и вполне понятно, что он преувеличил ее значение. И он сам, и марксисты видят власть экономики буквально везде. Их аргумент звучит так: кто обладает деньгами, тот обладает свободой, поскольку при необходимости он может купить оружие и даже гангстеров. Однако это обоюдоострый аргумент. Фактически он содержит признание, что человек, обладающий оружием, обладает и властью. И если тот, у кого есть оружие, осознает это, то в скором времени у него будут и оружие, и деньги. Аргумент Маркса до некоторой степени применим к не ограниченному,

или не регулируемому, законодательно капитализму. Действительно, правление, которое создает институты контроля за оружием и преступностью, но не за властью денег, вполне может попасть под влияние последних. В таком государстве может править бесконтрольный гангстеризм богатых. Однако я думаю, что сам Маркс первым признал бы, что это верно не для всех государств. В истории бывали времена, когда, к примеру, всякая эксплуатация была грабежом, непосредственно основанным на власти военной силы. И сегодня немногие поддержат наивный взгляд, согласно которому "прогресс истории" раз и навсегда положил конец этому прямому способу эксплуатации людей. Сторонники такого взгляда ошибочно полагают, что, поскольку формальная свобода однажды была завоевана, для нас уже невозможно вновь подпасть под власть таких примитивных форм эксплуатации. [...]

Догму, согласно которой экономическая власть является корнем всех зол, следует опровергнуть. Ее место должно занять понимание опасностей, исходящих от любой формы бесконтрольной власти. Деньги как таковые не особенно опасны. Они становятся опасными, только если на них можно купить власть непосредственно или путем порабощения экономически слабых, которые должны продавать себя, чтобы жить.

[...] Конечно, на практике марксисты никогда полностью не полагались на доктрину бессилия политической власти. В той мере, в какой они имели возможность действовать или планировать свою деятельность, они обычно, подобно всем остальным, предполагали, что политическую власть можно использовать для контроля за экономической властью. Однако их планы и действия никогда не основывались ни на явном отказе от их первоначальной теории бессилия политической власти, ни на каком-то тщательно разработанном взгляде на самую фундаментальную проблему всякой политики, а именно проблему контроля за контролерами, за опасной концентрацией власти в государстве. Марксисты так и не осознали всего значения демократии как единственного хорошо известного средства осуществления такого контроля.

Как следствие, марксисты не смогли понять опасности, таящейся в политике, ведущей к возрастанию власти государства. Более или менее бессознательно отказавшись от доктрины бессилия политики, они сохранили взгляд, согласно которому проблема государственной власти не является важной. Власть плоха, по их мнению, только потому, что находится в руках буржуазии. Оставаясь приверженцами своей формулы диктатуры пролетариата, марксисты так и не поняли, что всякая власть — политическая не в меньшей мере, чем экономическая, — опасна. Действительно, марксисты не смогли осознать принципа [...] согласно которому всякая широкомасштабная политика должна быть институциональной, а не личностной. И когда они шумно требуют расширения полномочий государственной власти (в противоположность Марксову взгляду на государство), они не принимают во внимание то, что дурные личности могут завладеть этой более широкой властью. Отчасти именно это является

причиной, по которой — как только марксисты все же приступали к рассмотрению вопроса о вмешательстве государства — они планировали предоставить государству практически беспредельную власть в области экономики. Они сохранили Марксово холистское и утопическое убеждение, согласно которому только совершенно новая "социальная система" может улучшить существующее положение вещей.

Я дал критику этого утопического и романтического подхода к социальной инженерии [...], но хочу добавить, что экономическое вмешательство, даже предлагаемые нами постепенные, поэтапные методы социальной инженерии могут привести к бесконтрольному возрастанию власти государства. Интервенционизм, следовательно, крайне опасен. Это, конечно, не является решающим аргументом против него, поскольку государственная власть всегда была и останется опасным, но неизбежным злом. Однако надо помнить следующее важное предостережение: если мы ослабим нашу бдительность и если, предоставляя государству больше власти через интервенционистское "планирование", не будем одновременно усиливать наши демократические институты, то можем потерять свободу. А если свобода будет потеряна, то будет потеряно и все остальное, включая и "планирование". Действительно, с какой стати планы, касающиеся благосостояния людей, должны выполняться, если люди не обладают властью, чтобы обеспечить это? Только свобода может сделать безопасность надежной.

Таким образом, мы видим, что существует не только парадокс свободы, но и парадокс государственного планирования. Если мы планируем слишком много, т.е. отдаем слишком большую власть государству, то свобода будет потеряна, и это поставит крест и на самом планировании.

Высказанные соображения возвращают нас к нашему призыву к постепенным, поэтапным методам социальной инженерии в противоположность утопическим или холистским методам, а также к нашему требованию, согласно которому следует планировать меры для борьбы против конкретного зла, а не для установления некоторого идеального добра. Государственное вмешательство должно быть ограничено в той степени, которая в действительности необходима для защиты свободы.

Вместе с тем недостаточно сказать, что предлагаемые нами решения должны быть минимальными, что нам следует быть бдительными и что мы не должны отдавать больше власти государству, чем это необходимо для защиты свободы. Такие требования скорее всего только ставят проблемы, чем показывают пути их решения. Вполне возможно, что решений таких проблем вообще не существует. Действительно, приобретение новой экономической власти государством — чья сила в сравнении с силами его граждан всегда опасно велика — может сделать сопротивление ей бесполезным. Ведь до сих пор еще никто не доказал, что свободу можно сохранить, и не показал, как ее можно сохранить.

[...] Мы провели важное различие между личностями (лицами) и институтами. Мы отмечали, что, хотя сегодняшние политические проблемы часто

могут требовать личных решений, вся долгосрочная политика — особенно всякая демократическая долгосрочная политика — должна разрабатываться в рамках безличных институтов. В частности, проблема контроля за правителями и проверки их власти является главным образом институциональной проблемой — проблемой проектирования институтов для контроля за тем, чтобы плохие правители не делали слишком много вреда.

Аналогичные соображения применимы и к проблеме контроля за экономической властью государства. Мы должны защищаться от лиц и от их произвола. Институты одного типа могут предоставлять безграничную власть тому или иному лицу, но институты другого типа могут отнимать ее у этого лица. [...]

Таким образом, мы подошли к различению двух совершенно разных методов, посредством которых может происходить экономическое вмешательство государства. Первый — это метод проектирования "правовой структуры" протекционистских институтов (примером могут быть законы, ограничивающие власть собственников животных и собственников земли). Второй — это метод предоставления на некоторое время органам государства свободы действовать — в определенных пределах, — как они считают нужным для достижения целей, поставленных правителями. Мы можем назвать первую процедуру "институциональным" или "косвенным" вмешательством, а вторую — "личным" или "прямым" вмешательством. (Конечно, существуют и промежуточные случаи).

С точки зрения демократического управления нет никакого сомнения в том, какой из этих методов предпочтительнее. Политика любого демократического вмешательства, очевидно, заключается в использовании второго метода в тех случаях, в которых первый метод неприменим. (Такие случаи бывают. Классический пример — это бюджет, т.е. выражение свободы действий министра финансов и его понимания того, что является беспристрастным и справедливым. И вполне возможно, хотя весьма нежелательно, что меры по смягчению негативных последствий цикличности экономического развития могут иметь такой характер.) [...]

Первый метод может быть охарактеризован как рациональный, второй — как иррациональный — не только в указанном смысле, но также в совершенно другом, и очень важном, смысле. Отдельный гражданин может познать и понять правовую структуру, которая должна быть спроектирована таким образом, чтобы быть ему понятной. Она вносит фактор уверенности и безопасности в общественную жизнь. Когда эта структура изменяется, то в течение переходного периода должны быть предусмотрены гарантии для тех индивидуумов, которые построили свои планы в расчете на ее неизменность.

В противоположность этому метод личного вмешательства с необходимостью вносит в социальную жизнь постоянно растущий элемент непредсказуемости и тем самым развивает чувство иррациональности и небезопасности социальной жизни. Использование дискреционной власти, как

только оно начинает широко практиковаться, имеет тенденцию к быстрому росту, так как необходимы корректировки властных решений, а корректировки дискреционных краткосрочных решений вряд ли могут быть произведены при помощи институциональных средств. Эта тенденция должна в значительной степени повышать иррациональность системы, создавая у большинства людей впечатление, что за сценой истории действуют какие-то скрытые силы, и тем самым толкая людей к принятию заговорщицкой теории общества со всеми ее последствиями — охотой за еретиками, национальной, социальной и классовой враждой.

Несмотря на все это, совершенно очевидное, казалось бы, предпочтение институционального метода везде, где это возможно, далеко не является общепринятым. Неспособность принять такую политику, по моему мнению, вызывается разными причинами. Одна из них состоит в том, что требуется соответствующая независимость правительства для того, чтобы приступить к долгосрочной задаче перепроектирования "правовой структуры". Однако правительства обычно кое-как сводят концы с концами и дискреционные полномочия составляют способ их жизни. (Не говоря уже о том, что правители склонны любить такие полномочия ради них самих). Однако самая важная причина, безусловно, состоит в простом недопонимании значения различия между этими двумя методами. Так, последователям Платона, Гегеля и Маркса, например, заказан путь к его пониманию. Им никогда не понять, что старый вопрос "Кто будет правителем?" должен быть заменен более реальным вопросом: "Каким образом мы можем укротить его?"

[...] Маркс был последним из конструкторов великих холистских систем. Нам следует позаботиться, чтобы он и впредь оставался в этом качестве, и не пытаться заменить его систему другой великой системой. Однако мы не нуждаемся в холизме. Мы нуждаемся в постепенной и поэтапной социальной инженерии.

Печатается по: Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С.138-179.

РАЙМОН АРОН

Арон Раймон (1905-1983)

Крупнейший французский социолог и политолог, один из авторов концепции деидеологизации и создателей теории единого индустриального общества. Тематика его политологических интересов разнообразна и нашла отражение в книгах: "Опиум для интеллигенции", "Мир и война между нациями", "Демократия и тоталитаризм", "Этапы развития социологической мысли", "Разочарование в прогрессе", "Мнимый марксизм" и др. (всего более 60 крупных монографий). Концепции деидеологизации и единого индустриального общества связаны друг с другом. Первая является логическим следствием единства технико-

экономической природы современного индустриального общества. Борьба идеологий в условиях "мондиализации", т.е. объединения индустриально развитых стран – анахронизм. Нельзя больше говорить о двух мирах, блоках, идеологиях и т.д. Арон рассматривает капитализм и социализм как две разновидности одного и того же индустриального общества. Что касается политической сферы, то здесь конвергирование невозможно. Социализм характеризует анахроническую, традиционалистскую унификацию власти. Капитализм демонстрирует диссоциацию и плюрализм, связанные с наличием различных иерархий. Политика — главная характерная черта сообщества, поскольку, по мнению Арона, любое взаимодействие между людьми предполагает наличие власти. Сущность политики заключается в способе осуществления власти и в выборе правителей. Не случайно у него присутствует идея доминантности сознания и политики по отношению к экономике.

Арон рассматривает глубинное значение понятия "политика" и выделяет в нем три значения (различия). В первом "политика" – это программа, метод действия или сами действия. Второе значение — одновременность действительности и наше ее осознание, т.е. политика как познание. И третье значение политики как действительности – области общественной жизни, особого раздела социальной совокупности. Все три значения (различия) политики – как программа, как познание и как действительность – взаимосвязаны друг с другом.

Французского исследователя с полным правом можно отнести также к основателям социологии международных отношений.

Демократия и тоталитаризм

В термин "политика" вкладывают много понятий. Говорят о политике внутренней и внешней, о политике Ришелье и о политике в области виноделия или свекловодства, подчас безнадежно пытаюсь найти хоть что-то общее среди разнообразных значений термина. В своей недавно вышедшей книге Бертран де Жувенель отметил, что из-за огромных различий в толковании этого слова лучше всего доверяться собственному мнению. Возможно, он прав, но, на мой взгляд, в беспорядок можно внести какую-то логику, сосредоточившись на трех основных различиях, при внимательном рассмотрении вполне обоснованных. Огюст Конт любил сравнивать разные значения одного и того же слова и из внешней пестроты выделять его глубинное значение. Первое различие связано с тем, что словом "политика" переводятся два английских слова, у каждого из которых свой смысл. И в самом деле, англичане говорят *policy* и *politics* — и то и другое на французском "политика".

Policy — концепция, программа действий, а то и само действие одного человека, группы людей, правительства. Политика в области алкоголя, например, — это вся программа действий применительно к данной проблеме, в том числе проблеме излишков или нехватки производимой продукции. Говоря о политике Ришелье, имеют в виду его взгляды на интересы страны, цели, к которым он

стремился, а также методы, которыми он пользовался. Таким образом, слово "политика" в его первом значении — это программа, метод действий или сами действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом.

В другом смысле слово "политика" (английское politics) относится к той области общественной жизни, где конкурируют или противоборствуют различные политические (в значении policy) направления. Политика-область — это совокупность, внутри которой борются личности или группы, имеющие собственную policy, т.е. свои цели, свои интересы, а то и свое мировоззрение.

Эти значения термина, невзирая на их различия, взаимосвязаны. Одни политические курсы, определяемые как программы действий, всегда могут войти в столкновение с другими. Программы действий не обязательно согласованы между собой; в этом отношении политика как область общественной жизни чревата как конфликтами, так и компромиссами. Если политические курсы, т.е. цели, к которым стремятся личности или группы внутри сообщества, полностью противоречат друг другу, это приводит к бескомпромиссной борьбе, и сообщество сочетает планы, частично противоречащие друг другу, а частично совместимые.

У правителей есть программы действий, которые не могут, однако, претворяться в жизнь без поддержки со стороны управляемых. А подчиняющиеся редко единодушно одобряют тех, кому им надлежит повиноваться. Многие благонамеренные люди воображают, будто политика как программа действий благородна, а политика как столкновение программ отдельных лиц и групп низменна. Представление о возможном существовании бесконфликтной политики как программы действий правителей, мы это увидим в дальнейшем, ошибочно.

Второе различие объясняется тем, что одно и то же слово характеризует одновременно и действительность, и наше ее осознание. О политике говорят, чтобы обозначить и конфликт между партиями, и осознание этого конфликта. Такое же различие прослеживается и в слове "история", которое означает чередование обществ или эпох и наше его познание. Политика — одновременно и сфера отношений в обществе, и наше ее познание; можно считать, что в обоих случаях у смыслового различия одни и те же истоки.

Осознание действительности — часть самой действительности. История в полном значении этого термина существует постольку, поскольку люди осознают свое прошлое, различия между прошлым и настоящим и признают многообразие исторических эпох. Точно так же политика как область общественной жизни предполагает минимальное осознание этой области. Личности в любом сообществе должны хотя бы примерно представлять, кто отдает приказы, как эти деятели выбирались, как осуществляется власть. Предполагается, что индивиды, составляющие любой политический режим, знакомы с его механизмами. Мы не смогли бы жить в условиях той демократии, какая существует во Франции, если бы граждане не ведали о правилах, по которым этот режим действует. Вместе с тем любое познание политики может

наталкиваться на противоречие между политической практикой существующего строя и других возможных режимов. Стоит лишь выйти за рамки защиты и прославления существующего строя, как надо отказаться от какой бы то ни было его качественной оценки (мы поступаем так, другие — иначе, и я воздерживаюсь от того, чтобы высказывать суждение об относительной ценности наших методов, равно как и тех, к которым прибегают другие) или же изыскивать критерии, по которым можно определить лучший режим. Иначе обстоит дело с природными стихиями, когда сознание не есть часть самой действительности.

Третье различие, важнейшее, вытекает из того, что одно и то же слово (политика) обозначает, с одной стороны, особый раздел социальной совокупности, с другой — саму эту совокупность, рассматриваемую с какой-то точки зрения.

Социология политики занимается определенными институтами, партиями, парламентами, администрацией в современных обществах. Эти институты, возможно, представляют собой некую систему — но систему частную в отличие от семьи, религии, труда. Этот раздел социальной совокупности обладает одной особенностью: он определяет избрание тех, кто правит всем сообществом, а также способ реализации власти. Иначе говоря, это раздел частный, воздействия которого на целое видны немедленно. Можно справедливо возразить, что экономический сектор тоже оказывает влияние на все прочие аспекты общественной жизни, но главы компаний управляют не партиями или парламентами, а хозяйственной деятельностью, и у них есть право принимать решения, касающиеся всех сторон общественной жизни.

Связь между каким-то аспектом и социальной совокупностью в целом можно также представить следующим образом. Любое взаимодействие между людьми предполагает наличие власти; так вот, сущность политики заключается в способе осуществления власти и в выборе правителей. Политика — главная характерная черта сообщества, ибо она определяет условия любого взаимодействия между людьми.

Все три различия поддаются осмыслению, они вполне обоснованны. Политика как программа действий и политика как область общественной жизни взаимосвязаны, поскольку общественная жизнь — это та сфера, где противопоставляются друг другу программы действий; политика-действительность и политика-познание тоже взаимосвязаны, поскольку познание — составная часть действительности; наконец, политика — частная система приводит к политике-аспекту, охватывающей все сообщество вследствие того, что частная система оказывает определяющее влияние на все сообщество.

Далее. Политика — это прежде всего перевод греческого слова "politeia". По сути то, что греки называли режимом полиса, т.е. способом организации руководства, отличительным признаком организации всего сообщества.

Если политика по сути строй сообщества или способ его организации, то нам становятся понятными характерные отличия как в узком, так и в широком смысле. Действительно, в узком смысле слова политика — это особая система,

определяющая правителей и способ реализации власти; но одновременно это и способ взаимодействия личностей внутри каждого из сообществ.

Второе отличие вытекает из первого. У каждого общества свой режим, и общество не осознает себя, не осознавая при этом разнообразия режимов, а также проблем, которые порождаются таким разнообразием.

Теперь различие между политикой-программой действия и политикой-областью становится понятным. Политика в первом значении может проявлять себя разными путями: политика тех, кто сосредоточил в своих руках власть и ее осуществляет; политика тех, кто властью не обладает и хочет ею завладеть; политика личностей или групп, преследующих свои собственные цели и склонных применять свои собственные методы; наконец, политика стремящихся к изменению самого строя. Все это — не что иное, как программы действий, узкие или глобальные, в зависимости от того, идет ли речь о внутренних задачах режима или о целях, связанных с самим его существованием.

Я уже отмечал, что политика характеризует не только часть социальной совокупности, но и весь облик сообщества. Если это так, то мы, как видно, признаем что-то вроде примата политики. Однако курс, ей посвященный, мы читаем после курсов об экономике и классах. Признавая примат политики, не вступаем ли мы в противоречие с применявшимся до сих пор методом?

Я исходил из противопоставления идей Токвиля и Маркса. Токвиль полагал, что демократическое развитие современных обществ ведет к стиранию различий в статусе и условиях жизни людей. Этот неудержимый процесс мог, считал он, породить общества двух типов — уравнилельно-деспотическое и уравнилельно-либеральное. Токвиль дал нам точку отсчета. Я же ограничился тезисом: изучив развитие индустриального общества, мы увидим, какая его разновидность вероятнее.

Что касается Маркса, то в экономических преобразованиях он пытался найти объяснение преобразованиям социальным и политическим. Он считал, что капиталистические общества страдают от фундаментальных противоречий и вследствие этого подойдут к революционному взрыву, вслед за которым возникнет социалистический строй в рамках однородного, бесклассового общества. Политическая организация общества будет постепенно отмирать, поскольку государство, представлявшееся Марксу орудием эксплуатации одного класса другим, будет отмирать с исчезновением классовых противоречий.

Я ни в коем случае не считал, будто преобразования в экономике непременно определяют социальную структуру или политическую организацию общества, я намеревался критически рассмотреть гипотезу такой односторонней предопределенности. Речь шла о методологическом, а не о теоретическом подходе. Так вот, результаты, к которым я пришел, отрицают теорию, которая вытекает из такого подхода.

Я взялся сначала за экономику лишь для того, чтобы очертить некий тип общества, общество индустриальное, оставляя открытым вопрос о возможности

до поры до времени определить взаимосвязь между классами и политическую организацию в этом обществе. Однако в ходе исследований последних двух лет я пришел к выводу о главенствующей роли политики по отношению к экономике.

В самом деле, у истоков индустриального общества советского типа стоит, прежде всего, событие, а именно — революция. У революции 1917 года было множество причин, некоторые из них экономические; но прямо, непосредственно, ей предшествовали политические события. Есть все основания настаивать на эпитете "политические", ибо, как отмечали даже те, кто эту революцию совершил, экономическая зрелость общества не была к тому времени достигнута.

Более того, основные черты советской экономики объясняются, по крайней мере частично, идеологией партии. Невозможно понять ни систему планирования, ни распределение общественных ресурсов, ни темпы роста советской экономики, если не помнить, что все подчинено представлению коммунистов о том, какой должна быть экономика, о целях, которые они ставят на каждом этапе. Это именно политические решения, поскольку речь идет не только о плане действий коммунистических руководителей, но и о плане действий по организации общества.

Наконец, плановость советской экономики — прямой результат решений, принимаемых руководителями партии в той сфере общественной жизни, которая относится к политике. Советская экономика в высшей степени зависит и от политического строя СССР, и от программы действий руководителей партии на каждом этапе развития страны.

Политизация советской экономики, подчинение ее структуры и механизмов функционирования политическим целям доказывают, что экономическая и политическая системы в равной степени находятся под влиянием друг друга.

Любопытно, что политизация экономики на Западе представляется нам не столь резкой. Я говорю "любопытно", потому что идеология, на которую опирается советский строй, основана на верховенстве экономики, в то время как идеология западных режимов исходит из главенства политики. В соответствии с представлением людей Запада о порядочном обществе большое число важных для экономики решений принимается вне политики (в узком смысле этого слова). Например, распределением общественных ресурсов между капиталовложениями и потреблением в условиях советского режима занимаются органы планирования, на Западе же это результат, чаще всего невольный, множества решений, принимаемых субъектами хозяйственной деятельности. Если советская экономика — это следствие определенной политики, то западная определяется политической системой, которая примирилась с ограниченностью собственных возможностей.

Политизация классов общества представляется нам еще более значительной. Мы отмечали, что все общества, и советское и западные, неоднородны, идет ли речь об отдельных личностях или группах. Существует иерархия власти, иерархия доходов. Есть различие между образом жизни тех, кто внизу, и тех, кто стоит наверху социальной лестницы. Люди с примерно одинаковым доходом, более или

менее схожим образом мыслей и способом существования образуют более или менее разграниченные группы.

Но, дойдя до основополагающего вопроса: в какой мере существуют (и существуют ли) четко выраженные классы, группы, сознающие свою принадлежность к определенному классу и закрытые для всего остального общества, мы сталкиваемся с серьезнейшей проблемой. Такие группы имеют право на возникновение, рабочие — право на создание профсоюзов, на выбор профсоюзных секретарей; все группы, возникающие в демократическом обществе западного типа на основе общности интересов, получают разрешение на структурное оформление, на защиту своих интересов; в советском же обществе права на структурное оформление ни одна группа, основанная на общности интересов, не получает. Это — важнейший факт, поразивший нас при сравнении обществ советского и западного типов. В первом случае социальная масса неоднородна во многих отношениях, но она не расслаивается на структурно оформленные группы, сознающие свою непохожесть на остальные. Во втором — общество распадается на многочисленные группы по общности интересов или идеологии, причем каждая из них получает правовую возможность выбирать представителей, защищать свои идеи, вести борьбу с другими группами.

Это основополагающее противоречие между правом на групповую организацию и его отрицанием носит политический характер. Как можно объяснить, что в одном типе общества классы существуют и укрепляются, а в другом их как бы нет, если не помнить, что в первом политический режим терпит создание групп, а во втором — запрещает его?

Вопрос о классах в обществе нельзя рассматривать отвлеченно от политического строя. Именно политический строй, т.е. структура власти и представление правительства о своей власти, в какой-то степени определяет наличие или отсутствие классов, а главное — как эти классы осознают самих себя.

Как у истоков экономической системы мы обнаружили политическую волю, точно так же у истоков классов, у истоков классового сознания, возможности воздействия всего общества на социальные группы мы находим способ осуществления власти, политический строй.

Как следует понимать такое верховенство политики? Мне хотелось бы, чтобы в этом вопросе не оставалось никакой двусмысленности.

1. И речи не может быть о том, чтобы подменить теорию, которая односторонне определяет общество через экономику, иной, столь же производно характеризующей его через политику. Неверно, будто уровень техники, степень развития экономических сил или распределение общественного богатства *определяют* все общество в целом; неверно и то, что все особенности общества можно вывести из организации государственной власти.

Более того. Легко показать, что любая теория, односторонне определяющая общество каким-то одним аспектом общественной жизни, ложна. Доказательств тому множество.

Во-первых, социологические. Неверно, будто при данном способе хозяйствования непременно может быть один-единственный, строго определенный политический строй. Когда производительные силы достигают определенного уровня, структура государственной власти может принимать самые различные формы. Для любой структуры государственной власти, например парламентского строя определенного типа, невозможно предвидеть, какой окажется система или природа функционирования экономики.

Во-вторых, доказательства исторические. Всегда можно выявить исторические причины того и иного события, но ни одну из них никогда нельзя считать главной. Невозможно заранее предвосхитить последствия какого-либо события. Иначе говоря, формулировка "в конечном счете все объясняется либо экономикой, либо техникой, либо политикой" изначально бессмысленна. Отталкиваясь от нынешнего состояния советского общества, вы доберетесь до советской революции 1917 года, еще дальше — до царского режима и так далее, причем на каждом этапе вы будете выделять то политические, то экономические факторы.

Даже утверждение, что некоторые факторы важнее прочих, двусмысленно. Предположим, экономические причины объявляются более важными, чем политические. Что под этим подразумевается? Рассмотрим общество советского типа. Слабы гарантии свободы личности, зато рабочий, как правило, не испытывает затруднений в поисках работы, и отсутствие безработицы сочетается с высокими темпами экономического роста. Предположение, что экономика — главное, может основываться на высоких темпах роста. В таком случае важность экономического фактора определяется заинтересованностью исследователя в устранении безработицы или в ускорении темпов роста. Иначе говоря, понятие "важность" может быть соотнесено с ценностью, какую аналитик приписывает тем или иным явлениям. При этом важность зависит от его заинтересованности.

Что же означает, учитывая все сказанное, примат политики, который я отстаиваю?

Тот, кто сейчас сравнивает разные типы индустриальных обществ, приходит к выводу: характерные черты каждого из них зависят от политики. Таким образом, я согласен с Алексисом де Токвилем: все современные общества демократичны, т.е. движутся к постепенному стиранию различий в условиях жизни или личном, статусе людей; но эти общества могут иметь как деспотическую, тираническую форму, так и форму либеральную. Я сказал бы так: современные индустриальные общества, у которых много общих черт (распределение рабочей силы, рост общественных ресурсов и проч.), различаются прежде всего структурами государственной власти, причем следствием этих структур оказываются некоторые черты экономической системы и отношений между группами людей. В наш век все происходит так, будто возможные конкретные варианты индустриального общества определяет именно политика. Само совместное

существование людей в обществе меняется в зависимости от различий в политике, рассматриваемой как частная система.

2. Второй смысл, который я вкладываю в главенство политики, — это смысл человеческий, хотя кое-кто и может считать основным фактором общий объем производства или распределение ресурсов. Применительно к человеку политика важнее экономики, так сказать, по определению, потому что политика непосредственно затрагивает самый смысл его существования. Философы всегда полагали, что человеческая жизнь состоит из отношений между отдельными людьми. Жить по-человечески — это жить среди личностей. Отношения людей между собой — основополагающий элемент любого сообщества. Таким образом, форма и структура власти более непосредственно влияют на образ жизни, чем какой бы то ни было иной аспект общества.

Давайте договоримся сразу: политика в ограничительном смысле, т.е. особая область общественной жизни, где избираются и действуют правители, не определяет всех взаимосвязей людей в сообществе. Существует немало отношений между личностями в семье, церкви, трудовой сфере, которые не определяются структурой политической власти. А ведь если и не соглашаться со взглядом греческих мыслителей, утверждавших, что жизнь людей — это жизнь политическая, то все равно механизмы осуществления власти, способы назначения руководителей больше, чем что-либо другое, влияют на отношения между людьми. И поскольку характер этих отношений и есть самое главное в человеческом существовании, политика больше, чем любая другая сфера общественной жизни, должна привлекать интерес философа или социолога.

Главенство политики, о котором я говорю, оказывается, таким образом, строго ограниченным. Ни в коем случае речь не идет о верховенстве каузальном. Многие явления в экономике могут влиять на форму, в которую облечена в том или ином обществе структура государственной власти. Не стану утверждать, что государственная власть определяет экономику, но сама экономикой не определяется. Любое представление об одностороннем воздействии, повторяю, лишено смысла. Я не стану также утверждать, что партийной борьбой или парламентской жизнью следует интересоваться больше, чем семьей или церковью. Различные стороны общественной жизни выходят на первый план в зависимости от степени интереса, который проявляет к ним исследователь. Даже с помощью философии вряд ли можно установить иерархию различных аспектов социальной действительности.

Однако остается справедливым утверждение, что часть социальной совокупности, именуемая политикой в узком смысле, и есть та сфера, где избираются отдающие приказы и определяются методы, в соответствии с которыми эти приказы отдаются. Вот почему этот раздел общественной жизни вскрывает человеческий (или бесчеловечный) характер всего сообщества.

Мы вновь, таким образом, сталкиваемся с допущением, лежащим в основе всех политико-философских систем. Когда философы прошлого обращали свой

взор к политике, они в самом деле были убеждены, что структура власти адекватна сущности сообщества. Их убежденность основывалась на двух посылах: без организованной власти жизнь общества немыслима; в характере власти проявляется степень человечности общественных отношений. Люди человечны лишь постольку, поскольку они подчиняются и повелевают в соответствии с критериями человечности. Развивая теорию "общественного договора", Руссо открывал одновременно, так сказать, теоретическое происхождение сообщества и законные истоки власти. Связь между легитимностью власти и основами сообщества характерна для большинства политико-философских систем прошлого. Эта мысль могла бы вновь стать актуальной и ныне.

Цель наших лекций — не в развитии теории законной власти, не в изучении условий, при которых осуществление власти носит гуманный характер, а в исследовании особой сферы общественной жизни — политики в узком смысле этого слова. Одновременно мы попытаемся разобраться, как политика влияет на все сообщество в целом, понять диалектику политики в узком и широком смысле термина — с точки зрения и причинных связей, и основных черт жизни сообщества. Я собираюсь не только вскрыть различие между многопартийными и однопартийными режимами, но и проследить, как влияет на развитие общества суть каждого режима. Иными словами, я намерен исследовать особую систему, которая именуется политикой, с тем чтобы оценить, в какой мере были правы философы прошлого, допуская, что основная характерная черта сообщества — структура власти.

[...] Чем социологическое исследование политических режимов отличается от философского или юридического? Обычно отвечают примерно так: философия изучает политические режимы, чтобы оценить их достоинства; она стремится определить лучший режим либо принцип законности всех и каждого; так или иначе цель ее — определение ценности, особенно моральной, политических режимов. Социология же в первую очередь изучает фактическое положение дел, не претендуя на оценки. Объект юридического исследования — конституции: юрист задается вопросом, каким образом в соответствии с британской, американской или французской конституциями избираются правители, проводится голосование по законопроектам, принимаются декреты. Исследователь рассматривает соответствие конкретного политического события конституционным законам: например, соответствовал ли Конституции Веймарской республики принятый в марте 1933 г. закон о предоставлении всей полноты власти (Гитлеру. — Г.А.)? Соответствовал ли французской конституции результат голосования в июне 1940 г. во французском парламенте, когда всю полноту власти получил маршал Петен? Конечно, юридическое исследование не ограничивается формальным анализом текстов; важно также выявить, выполняются ли и каким образом конституционные правила в данный момент в данной стране. И все же в центре внимания остаются конституционные правила,

зафиксированные в текстах. Социология же изучает эти правила лишь как часть большого целого, не меньший интерес она проявляет к партиям и образованным по общности интересов группам, к пополнению рядов политических деятелей, к деятельности парламента. Социология рассматривает правила политической игры, не ставя конституционные правила над правилами неписаными, регулирующими внутрипартийные и межпартийные отношения, тогда как юрист сначала знакомится с положениями конституции, а затем прослеживает, как они выполняются.

В принципе верное, подобное разграничение сфер политической социологии, философии и права поверхностно. Хотелось бы несколько глубже разобраться в особенностях чисто социологического подхода.

На то две причины. Социологи почти никогда не бывают беспристрастны; в большинстве своем они не довольствуются изучением того, как функционируют политические режимы, полагая, что сами мы не в состоянии определить, какой из режимов лучше, какой принцип законности самый подходящий. Почти всегда они выступают как приверженцы какой-то философской системы, социологического догматизма или исторического релятивизма.

Всякая философия политики несет себе элементы социологии. Все крупнейшие исследователи выбирали лучший режим, основываясь на анализе либо человеческой природы, либо способа функционирования тех режимов, которые были в их поле зрения. Остается только выяснить, чем различаются исследования социологов и философов.

Возьмем в качестве отправной точки текст, сыгравший в истории западной мысли самую величественную и самую долговечную роль. На протяжении многих веков "Политика" Аристотеля была и политической философией, и политической социологией. Этот почтенный труд, и ныне достойный углубленного изучения, содержит не только ценностные суждения, но и чрезвычайно подробный анализ фактов. Аристотель собрал много материалов о конституциях (не в современном значении слова, а в значении "режим") греческих полисов, попытался описать их, разобраться, как функционировали там режимы. Именно на основе сравнительного изучения он создал свою прославленную классификацию трех основных режимов: монархического — когда верховная власть принадлежит одному; олигархического — когда верховная власть принадлежит нескольким; демократического — когда верховная власть принадлежит всем. К этой классификации Аристотель добавил противопоставление здоровых форм разложившимся; наконец, он изучал смешанные режимы.

Такое исследование можно считать социологическим и в современном смысле. Одна из глав его книги до сих пор служит образцом социологического анализа. Это глава о переворотах. Более всего Аристотеля интересовали два вопроса: каким образом режим сохраняется и как преобразуется или свертывается. Прерогатива ученого — давать советы государственным деятелям: "Политика" указывает правителю наилучший способ сохранить существующий строй. В

короткой главе, где Аристотель объясняет тиранам, как сохранить тиранию, можно усмотреть прообраз другого знаменитого труда — "Государя" Макиавелли. А коль скоро тиранический строй плох, то и средства, необходимые для его сохранения, должны быть такими же: вызывать ненависть и возмущать нравственность.

"Политика" Аристотеля — не просто социология, это еще и философия. Изучение всевозможных режимов, их функционирования, способов сохранения и свержения понадобилось, чтобы дать ответ на основной в данном случае философский вопрос: какой режим лучший? Стремление найти лучший режим характерно для философии, ведь оно равносильно априорному отказу от утверждения, будто все режимы в общем одинаковы и их нельзя выстроить по оценочной шкале. Согласно Аристотелю, стремление выявить лучший режим вполне законно, потому что отвечает человеческой природе. Слово "природа" означает не просто образ поведения людей в одиночку или в сообществе, но их назначение. Если принимается финалистская концепция человеческой природы и идея предназначения человека, то законным становится и вопрос о наилучшем строе.

Более того, согласно распространенному толкованию "Политики", классификация режимов по трем основным признакам имеет надысторическую ценность и применима к любому строю любой эпохи. Эта классификация важна не только для греческих полисов в конкретных общественных рамках, но и во всеобщем плане. Соответственно предполагается, что критерий любой классификации — число людей, обладающих верховной властью.

В ходе истории три идеи политической философии Аристотеля были одна за другой отвергнуты. И теперь, когда мы, социологи, вновь ставим вопрос о политических режимах, от этих идей ничего не осталось.

Рассмотрим сначала третье предположение: об универсальности классификации режимов по принципу числа правителей, в руках которых сосредоточена верховная власть.

Допускалось, что возможны три, и только три, ответа на классический вопрос о том, кто повелевает. Разумеется, при условии допустимости самого вопроса. Яснее всего отказ от универсальной классификации режимов на основе количества властителей (один, несколько, все) проявляется в книге Монтескье "О духе законов". Он тоже предлагает классификацию политических режимов: республика, монархия и деспотия. Однако немедленно обнаруживается важнейшее расхождение с Аристотелем. Монтескье считал, что каждый из трех режимов характерен для определенного типа общества. И все же Монтескье сохраняет мысль Аристотеля: природа строя зависит от тех, кто обладает верховной властью. Республика — строй, при котором верховная власть в руках всего народа или его части; монархия — строй, при котором правит один, однако придерживаясь постоянный и четких законов; наконец, деспотия — строй, при котором правит один, но без законов, на основе произвола. Следовательно, все три

типа правления определяются не только количеством лиц, удерживающих власть. Верховная власть принадлежит одному и при монархии, и при деспотии. Классификация предполагает наличие еще одного критерия: осуществляется ли власть в соответствии с постоянными и твердыми законами. В зависимости от того, соответствует ли законности верховная власть единого правителя или же она чужда какой бы то ни было законности вообще, основополагающий принцип строя — либо честь, либо страх.

Но есть и еще кое-что. Монтескье недвусмысленно указывает, что за образец республики он взял античные полисы, за образец монархии — современные ему королевства Европы, а за образец деспотии — азиатские империи, и добавляет: каждый из режимов проявляется в определенных экономических, социальных и — сказали бы мы теперь — демографических условиях. Республика действительно возможна лишь в небольших полисах, монархия, основанная на чести, — строй, характерный для государств средних размеров, когда же государства становятся слишком большими, деспотия почти неизбежна. В классификации, предложенной Монтескье, содержится двойное противопоставление. Во-первых, умеренные режимы противопоставлены тем, где умеренности нет и в помине, или, скажем, режимы, где законы соблюдаются, — тем, где царит произвол. С одной стороны, республика и монархия, с другой — деспотия. Во-вторых, противопоставлены республика, с одной стороны, монархия и деспотия — с другой. Наконец, кроме двух противопоставлений есть еще и диалектическое противоречие: первая разновидность строя, будь то демократия или аристократия, — государство, где верховной властью обладает народ в целом. Суть такого строя — равенство граждан, его принцип — добродетель. Монархический строй отрицает республиканское равенство. Монархия основана на неравенстве сословий и лиц, она устойчива и процветает в той мере, в какой каждый привязан к своему сословию и поступает соответственно понятиям чести. От республиканского равенства мы переходим к неравенству аристократий. Что до деспотии, то она некоторым образом вновь приводит к равенству. При деспотическом строе правит один, и поскольку он обладает абсолютной властью и не обязан подчиняться каким-либо правилам, то, кроме него, никто не находится в безопасности. Все боятся, и потому все, сверху донизу, обречены на равенство; но в отличие от равенства граждан в условиях свободы это — равенство в страхе. Приведем пример, который не задевал бы никого. В последние месяцы гитлеровского режима ни один человек не чувствовал себя в безопасности лишь из-за близости к главе режима. В каком-то смысле по пути к вершине иерархической лестницы опасность даже возрастала.

В такой классификации сохраняется часть аристотелевской концепции: ключевым остается вопрос о числе людей, наделенных верховной властью. Но на этот вопрос (воспользуемся терминами социологическими) накладывается влияние еще одной переменной — способа правления: подчиняется ли власть законам или же в обществе царит произвол. Более того, способ правления не

может рассматриваться отдельно от экономического и социального устройства. Классификация политических режимов одновременно дает классификацию обществ, но способ правления связан с экономическим и социальным устройством и не может быть отделен от него. [...]

Печатается по: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

ГАБРИЭЛЬ АЛМОНД

Алмонд Габриэль (род. в 1911 г.)

Американский политолог, один из основателей теории политической системы. В своем определении политической системы и ее функций он делает упор на легитимный характер физического воздействия политической системы, ее динамичность и направленность основной ее активности на поддержание стабильного порядка в обществе. В статье "Сравнительные политические системы" Алмонд выделяет два уровня анализа — институциональный и ориентационный, формулирует основные понятия, структурные элементы второго уровня. Ориентации субъекта политического процесса легли в основу типологии политической культуры, предложенной Г. Алмондом и С. Вербой и принятой многими учеными. Анализируя и сопоставляя политические системы "пяти современных демократий" — Англии, Италии, ФРГ, США и Мексики, — они выделили три "чистых" типа политической культуры. Во-первых, "патриархальная политическая культура" (иногда употребляется термин "парохиальная", или "приходская" — от англ. parochial). Второй тип — "подданническая политическая культура". Третий тип — "активистская политическая культура", или "политическая культура участия" (иногда ее называют "партисипаторной", от англ. participation — участие). Взаимодействуя между собой, они образуют смешанные формы с доминированием того или иного компонента. Наряду с выделенными чистыми типами были предложены три типа систематически смешанных политических культур: 1) патриархально-подданническая; 2) подданнически-активистская и 3) патриархально-активистская. К числу смешанных относится "гражданская культура". Данный тип культуры, по их мнению, в наиболее полном и систематизированном виде сложился в США (в первоначальной форме в Англии). Эта "культура лояльного участия", позитивно ориентированного на политическую систему в целом.

Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций

Глава 11

Настоящая книга — это исследование политической культуры демократии и тех социальных структур и процессов, которые поддерживают демократию. Вера в неизбежный триумф человеческого разума и свободы, порожденная эпохой Просвещения, была дважды потрясена в последние десятилетия. Развитие

фашизма и коммунизма после Первой мировой войны породило серьезные сомнения насчет неизбежности демократии на Западе, и все еще нельзя с определенностью утверждать, что народы континентальной Европы найдут стабильные формы демократических процессов, подходящих для их культур и социальных институтов.

[...] Сравнивая политические культуры пяти современных демократий, мы будем использовать несколько концепций и классификаций, которым необходимо дать определения. Мы предпочитаем говорить о "политической культуре" нации, а не о "национальном характере" или "модели личности", о "политической социализации", а не о детском развитии или восприятии детьми общих понятий не потому, что мы отбрасываем психологические и антропологические теории, политические взгляды и позиции с другими компонентами личности, и не потому, что мы отбрасываем теории, акцентирующие связь между детским развитием вообще и вхождением детей в политические роли и воспитанием ими политических взглядов и позиций. На самом деле это исследование было бы невозможным без предварительной работы историков, социальных философов, антропологов, социологов, психологов и психиатров, которые поставили проблему отношения между психологическими и политическими характеристиками нации. В частности, большое влияние на данное исследование оказали "культурно-личностные", или "психокультурные", исследования политических феноменов. [...]

Мы используем термин "политическая культура" по двум причинам:

Во-первых, если мы собираемся определить отношение между политическими и неполитическими позициями и моделями поведения, нам необходимо отделить первые (политические) от последних (неполитических), даже если граница между ними не столь четкая. Термин "политическая культура" в таком случае относится именно к политическим ориентациям — взглядам и позициям относительно политической системы и ее разных частей и позициям относительно собственной роли в этой системе. Мы говорим о политической культуре также, как могли бы говорить об экономической культуре или религиозной культуре. Это совокупность ориентации относительно определенной совокупности социальных объектов и процессов.

Но мы выбрали политическую культуру вместо других социальных аспектов, так как это позволяет нам использовать концептуальные схемы и подходы антропологии, социологии и психологии. Мы обогащаем наше мышление, используя, например, такие категории антропологии и психологии, как социализация, культурный конфликт, культурная интеграция. Аналогичным образом наши возможности понимать происхождение и трансформацию политической системы возрастают, когда мы используем структуру теории и спекуляций, касающуюся общих феноменов социальной структуры и процессов.

Мы осознаем тот факт, что антропологи используют термин "культура" во многих смыслах, и, внося его в словарь политической науки, мы рискуем

привнести его двусмысленность вместе с его преимуществами. Мы подчеркиваем, что используем термин "культура" только в одном смысле: психологических ориентаций относительно социальных объектов. Когда мы говорим о политической культуре какого-либо общества, мы подразумеваем политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения. Люди вовлечены в нее также, как они социализированы в неполитические роли и социальные системы. Конфликты политических культур имеют много общего с другими культурными конфликтами; и процессы интеграции в политическую культуру становятся понятнее, если мы посмотрим на них в свете разъединяющих и объединяющих тенденций культурных изменений вообще.

Такое определение политической культуры помогает избежать распространения таких общих антропологических понятий, как "культурный этнос", и принятия самогенности, которая подразумевается в определении. Это позволяет нам сформулировать гипотезы об отношении между различными компонентами культуры и проверить эти гипотезы эмпирически.

Используя концепцию политической социализации, мы можем идти дальше простого принятия подхода психокультурной школы относительно общих моделей развития детей и политических установок взрослых. Мы можем соотнести специфические взрослые политические установки и поведенческие предрасположенности детей с восприятием опыта политической социализации.

Политическая культура нации — распределение образцов ориентации относительно политических объектов среди членов нации. Перед тем как определить это распределение, нам необходимо систематизировать индивидуальные ориентации относительно политических объектов. Другими словами, нам нужно определить и обозначить модусы [модели] политической ориентации и классы политических объектов. Наши определения и классификации типов политических ориентации следуют подходу Парсонса и Шилза. "Ориентации" относятся к интернализированным аспектам социальных объектов и отношений. Ориентации включают:

- 1) "когнитивные ориентации", т.е. знания и веру относительно политической системы, ее ролей и обязанности относительно этих ролей, того, что система берет из окружающей среды и что отдает (что "на входе" и что "на выходе" системы);
- 2) "аффективные ориентации", или чувства, относительно политической системы, ее ролей, ее работы и вовлеченных в нее людей;
- 3) "оценочные ориентации", суждения и мнения о политических объектах, которые обычно представляют из себя комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств.

Классификацию объектов политической ориентации начнем с "общей" политической системы. Мы имеем здесь дело с системой в целом и говорим о таких чувствах, как патриотизм или отчужденность, таких знаниях и оценках нации, как "большая" или "маленькая", "сильная" или "слабая", и политики, как "демократическая", "конституциональная" или "социалистическая". Мы различаем

ориентации относительно "себя" как политического актора [деятеля]; содержание и качество норм личных политических обязательств, содержание и качество чувства персональных отношений с политической системой. Трактую компоненты политической системы, мы различаем, во-первых, три широких класса объектов: (1) специфические *роли* или *структуры*, такие, как законодательные органы, исполнители или бюрократия; (2) ролевые *обязанности*, такие, как монархи, законодатели, администраторы; (3) конкретная общественная *политика, решения или обстоятельства, порождающие решения*. Эти структуры, обязанности и решения могут быть классифицированы шире: вовлечены ли они в политический, "на входе" (input), или в административный, "на выходе" (output), процессы. Под политическим, или "входным", процессом мы подразумеваем поток требований общества к политике и конвертацию [обращение] этих требований в авторитетную политику. Прежде всего, в этот "входной" процесс вовлечены политические партии, группы интересов и средства массовой коммуникации. Под административным процессом, или процессом "на выходе", мы понимаем процесс, посредством которого политика осуществляется и подкрепляется. В этот процесс прежде всего включены такие структуры, как бюрократии и суды.

Мы понимаем, что любое такое разграничение ограничивает реальное содержание политического процесса и многофункциональность политических структур. В более широком смысле политика делается в основном в бюрократиях и в судах; и структуры, которые мы обозначили "на входе", такие, как группы интересов, политические партии, часто связаны с элементами администрации и системы принуждения. Но мы говорим здесь о разнице в акцентах, которая имеет большую значимость в классификации политических культур. Различие, которое мы видим в культуре участия и подданнической культуре, состоит в присутствии или отсутствии ориентации относительно специализированных структур "на входе". Для нашей классификации политических культур не столь важно, что эти специализированные "входные" структуры также вовлечены в исполнительную или принудительную функции и что специализированная административная структура вовлечена в исполнение функций "на входе". Важно для нашей классификации то, на какие политические объекты и как ориентированы индивиды и включены ли эти объекты в "восходящий" поток "делания" политики или в "нисходящий" поток политического принуждения.

То, что мы сказали об индивидуальных ориентациях относительно политики, может быть объединено в простую таблицу.

Табл. 1.1. Измерения политических ориентаций

	Система вообще как объект	Объекты "на входе" системы	Объекты "на выходе" системы	Отношение к себе как к объекту
Знания				
Чувства				
Оценки				

Таблица 1.1. позволяет систематизировать политические ориентации индивидов, если мы установим следующее:

1. Каким знанием обладает индивид о своей нации и о политической системе вообще, о ее истории, размере, расположении, силе, "конституциональных" характеристиках и т.д.? Каковы его чувства относительно этих системных характеристик? Каковы его более или менее осознанные взгляды и суждения о них?

2. Что знает индивид о структуре и ролях разнообразных политических элит и о политических предложениях, инициативах, которые вовлечены в "восходящий" поток "делания" политики? Каковы его чувства и взгляды относительно этих структур, лидеров и политических предложений и инициатив?

3. Что знает индивид о "нисходящем" потоке политического принуждения, о структурах, индивидах и решениях, вовлеченных в этот процесс? Каковы его чувства и взгляды относительно их?

4. Как осознает себя индивид в качестве члена политической системы? Что знает он о своих правах, возможностях, обязанностях и о доступе к влиянию на систему? Как ощущает он эти свои возможности? Какие нормы участия и исполнения усваивает и использует он при формировании политических суждений и взглядов?

Характеристика политической культуры нации по сути представляет собой заполнение таблицы 1.1 для репрезентативной выборки населения. Политическая культура — это разнообразные, неустойчиво повторяющиеся, когнитивные, аффективные и оценочные ориентации относительно политической системы вообще, ее аспектов "на входе" и "на выходе", и себя как политического автора.

Табл. 1.2. **Типы политических культур**

Политические культуры	Система вообще как объект	Объекты "на входе" системы	Объекты "на выходе" системы	Отношение к себе как к объекту
Патриархальная	0	0	0	0
Подданническая	1	0	1	0
Участия	1	1	1	1

Патриархальная политическая культура (или политическая культура местных общин). Если эти четыре типа повторяющихся ориентации относительно специализированных политических объектов не выделяются (отсутствуют) и мы обозначаем их нулями, то такую политическую культуру мы называем патриархальной. Политические культуры африканских племен и автономных местных общин, описанные Колеманом, подпадают под эту категорию. В этих обществах нет специализированных политических ролей. Лидеры, вожди, шаманы — это смешанные политико-экономико-религиозные роли. Для членов таких

обществ политические ориентации относительно этих ролей неотделимы от религиозных или социальных ориентации. Патриархальные ориентации также включают в себя относительное отсутствие ожиданий перемен, инициируемых политической системой. Члены патриархальных культур ничего не ожидают от политической системы. Так, в централизованных африканских племенах и княжествах, на которые ссылается Колеман, политическая культура в основном патриархальная, хотя развитие каких-либо более специализированных политических ролей в этих обществах может означать появление более дифференцированных политических ориентации. Даже крупномасштабные и более дифференцированные политические системы могут иметь в основе патриархальную культуру. Но относительно чистый патриархализм более вероятен в простых традиционалистических системах, где политическая специализация минимальна. Патриархальная культура в более дифференцированных политических системах скорее аффективна и нормативна, чем когнитивна. Это означает, что люди в племенах Нигерии или Ганы могут смутно осознавать существование центрального политического режима. Но их чувства относительно этого режима неопределенные или негативные, и они не интернализировали [не восприняли] формы отношений с ним.

Подданническая политическая культура. Второй важный тип политических культур, показанных в табл. 1.2, — это подданническая культура. В ней существуют устойчивые ориентации относительно дифференцированной политической системы и относительно того, что система дает "на выходе", но ориентации относительно специфических объектов "на входе" системы и относительно себя как активного участника очень слабы. Субъект такой системы (подданный) осознает существование правительственной власти и чувственно ориентирован на нее, возможно гордясь ею, возможно не любя ее и оценивая ее как законную или нет. Но отношение к системе вообще и к тому, что она дает "на выходе", т.е. к административной стороне политической системы или "нисходящему потоку", это отношение в основе своей пассивное, это ограниченная форма знания и участия, которая соответствует подданнической культуре. Мы говорим о чистых подданнических ориентациях, которые наиболее вероятны в обществах, где нет сформировавшихся и дифференцированных от других элементов системы структур "на входе". Подданнические ориентации в политической системе, имеющей развитые демократические институты, скорее будут аффективными и нормативными, чем когнитивными. Так, французский роялист знает о существовании демократических институтов, но он не считает их легитимными.

Политическая культура участия. Третий основной принцип политических культур — культура участия — такая культура, в которой члены общества определенно ориентированы на систему вообще, а также как на политические, так и на административные структуры и процессы; другими словами, как на "входной", так и на "выходной" аспекты политической системы. Индивидуальные

члены такой политической системы могут быть благоприятно или неблагоприятно ориентированы на различные классы политических объектов. Они склоняются к тому, чтобы ориентироваться на "активную" собственную роль в политике, хотя их чувства и оценки таких ролей могут варьироваться от принятия до отрицания.

[...] Гражданская культура — это прежде всего культура лояльного участия. Индивиды не только ориентированы "на вход" политики, на участие в ней, но они также позитивно ориентированы на "входные" структуры и "входные" процессы. Другими словами, используя введенные нами термины, гражданская культура — это политическая культура участия, в которой политическая культура и политическая структура находятся в согласии и соответствуют друг другу.

Важно, что в гражданской культуре политические ориентации участия сочетаются с патриархальными и подданническими политическими ориентациями, но при этом не отрицают их. Индивиды становятся участниками политического процесса, но они не отказываются от своих подданнических или патриархальных ориентации. Более того, эти более ранние политические ориентации не только поддерживаются ориентациями участия, но они также и соответствуют ориентациям участия. Более традиционные политические ориентации имеют тенденцию ограничивать обязательства индивида по отношению к политике и делать эти обязательства мягче. Подданнические и патриархальные ориентации "управляют" или удерживают ориентации участия. Такие установки благоприятны для ориентации участия в политической системе и играют важную роль в гражданской культуре, так же как и такие политические установки, как вера в других людей и социальное участие вообще. Поддержка таких более традиционных установок и *их слияние* с ориентациями участия ведут к сбалансированной политической культуре, в которой политическая активность, вовлеченность и рациональность существуют, но при этом уравниваются покорностью, соблюдением традиций и приверженностью общинным ценностям.

Глава 15

[...] Существует ли демократическая политическая культура, т.е. некий тип политических позиций, который благоприятствует демократической стабильности или, образно говоря, в определенной степени "подходит" демократической политической системе? Чтобы ответить на данный вопрос, нам следует обратиться к политической культуре двух относительно стабильных и преуспевающих демократий — Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Политическая культура этих наций примерно соответствует понятию "гражданская культура". Такой тип политических позиций в некоторых отношениях отличается от "рационально-активистской" модели, той модели политической культуры, которая, согласно нормам демократической идеологии, должна была бы присутствовать в преуспевающей демократии. [...]

Исследования в области политического поведения поставили, однако, под сомнение адекватность рационально-активистской модели. Они продемонстрировали, что граждане демократических стран редко живут в соответствии с этой моделью. Их нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко включенными в политику, ни особо активными; а процесс принятия электоральных решений является чем угодно, только не процессом рационального расчета. Не отражает данная модель и ту гражданскую культуру, которая была выявлена нами в Великобритании и США. [...]

Гражданская культура — это смешанная политическая культура. В ее рамках многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль "подданных". Еще более важным является тот факт, что даже у тех, кто активно исполняет гражданскую роль, качества подданных и прихожан не полностью вытеснены. Роль участника просто добавляется к таким двум ролям. Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, равно как и свою более пассивную роль подданного. Конечно, рационально-активистская модель отнюдь не предполагает, что ориентации участника заменяют собой ориентации подданного и прихожанина, однако, поскольку наличие двух последних типов ориентации четко не оговаривается, получается, что они не имеют отношения к демократической политической культуре.

На самом же деле эти два типа ориентации не только сохраняются, но и составляют важную часть гражданской культуры. Во-первых, ориентации прихожанина и подданного меняют интенсивность политической включенности и активности индивида. Политическая деятельность представляет собой лишь часть интересов гражданина, причем, как правило, не очень важную их часть. Сохранение других ориентаций ограничивает степень его включенности в политическую деятельность и удерживает политику в надлежащих рамках. Более того, ориентации прихожанина и подданного не просто сосуществуют с ориентациями участника, они пронизывают и видоизменяют их. Так, например, первичные связи важны в становлении типов гражданского влияния. Кроме того, взаимопроникающие структуры общественных и межличностных связей имеют тенденцию воздействовать и на характер" политических ориентации — делать их менее острыми и разделяющими. Будучи пронизаны первичными групповыми, а также общесоциальными и межличностными ориентациями, политические ориентации отнюдь не являются лишь производными от четко выраженных принципов и рационального расчета.

Каковы же причины несоответствия между идеалами рационально-активистской модели и типами политических связей, фактически существующими даже в наиболее стабильных и преуспевающих демократиях? Одно из возможных объяснений, которое наиболее часто встречается в литературе по гражданскому воспитанию, заключается в том, что это несоответствие является свидетельством

плохого функционирования демократии. В той мере, в какой люди не живут соответственно идеалу активного гражданина, демократия не состоялась. [...]

Если верить, что реалии политической жизни должны формироваться в соответствии с какими-то политическими теориями, таким (объяснением можно удовлетвориться. Но если придерживаться точки зрения, что политические теории должны возникать из реалий политической жизни — в чем-то более простая и, возможно, более полезная задача, — тогда такое объяснение причин разрыва между рационально-активистской моделью и демократическими реалиями оказывается менее приемлемым. Приверженцы указанной точки зрения могут объяснить имеющийся разрыв тем, что планка поднята слишком высоко. Если принять во внимание сложность политических вопросов, наличие других проблем, отнимающих время индивида, и труднодоступность информации, необходимой для принятия рациональных политических решений, то станет абсолютно очевидным, почему обычный человек не является идеальным гражданином. В свете неполитических интересов индивида может оказаться, что для него совершенно нерационально вкладывать в политическую деятельность то время и те усилия, которые нужны, чтобы жить в соответствии с рационально-активистской моделью. Возможно, это просто того не стоит — быть настолько уж хорошим гражданином. [...]

Но хотя полностью активистская политическая культура скорее всего является лишь утопическим идеалом, должны быть и другие, более значимые причины того, почему в наиболее процветающих демократиях существует сложно переплетенная, смешанная гражданская культура. Такая культура, которая иногда включает в себя явно несовместимые политические ориентации, кажется наиболее соответствующей потребностям демократических политических систем, поскольку они также представляют собой переплетение противоречий.

[...] Поддержание должного равновесия между правительственной властью и правительственной ответственностью (*responsiveness*) — одна из наиболее важных и сложных задач демократии. Если нет какой-то формы контроля за правительственными элитами со стороны неэлит, то политическую систему вряд ли можно назвать демократической. С другой стороны, неэлиты не способны сами управлять. Чтобы политическая система была эффективной, чтобы она была в состоянии разрабатывать и проводить какую-то политику, приспособившись к новой ситуации, отвечать на внутренние и внешние вопросы, должен быть механизм, с помощью которого правительственные чиновники наделялись бы полномочиями, позволяющими им принимать властные решения. Напряженность, создаваемая необходимостью решения противоречащих друг другу задач, вытекающих из правительственной власти и правительственной ответственности, становится наиболее явной в периоды кризисов. [...]

Как же должна строиться система управления, чтобы поддерживался необходимый баланс между властью и ответственностью? Э.Э. Шаттштейнер сформулировал этот вопрос следующим образом:

"Проблема заключается не в том, как 180 миллионов Аристотелей могут управляться с демократией, а в том, как организовать сообщество состоящее из 180 миллионов обычных людей, таким образом, чтобы оно осталось чувствительным к их нуждам. Это проблема *лидерства, организации, альтернатив и систем ответственности и доверия*". Пытаясь решить данную проблему, политологи обычно говорят на языке структуры электорального конфликта. Электоральная система, сконструированная таким образом, чтобы наделять властью определенную элиту на ограниченный промежуток времени, может обеспечить баланс между властью и ответственностью: элиты получают власть, однако эта власть ограничена самой периодичностью выбора — заботой о будущих выборах в промежуток между ними и целым набором других формальных и неформальных систем контроля. Ведь чтобы система такого рода могла работать, необходимо существование не одной, а большого числа партий (или по крайней мере нескольких конкурирующих элитарных групп, потенциально способных получить власть), в противном случае спор между элитами потеряет всякий смысл; в то же время необходим какой-то механизм, позволяющий элитарной группе эффективно осуществлять власть. Это может быть наделение всей полнотой власти победившей на выборах партии в двухпартийной системе или образование группой партий работоспособной коалиции. [...]

Противоречие между правительственной властью и ответственностью имеет свою параллель в противоречивых требованиях, которые предъявляются гражданам в демократических странах. Чтобы элиты могли быть ответственными перед обычным гражданином, от него требуется ряд вещей: он должен уметь выразить свое мнение так, чтобы элиты поняли, чего он хочет; гражданин должен быть вовлечен в политику таким образом, чтобы знать и беспокоиться о том, ответственны ли элиты перед ним или нет; он должен быть достаточно влиятельным, чтобы навязывать элитам ответственное поведение. Иными словами, ответственность элит предполагает, что обычный гражданин действует в соответствии с рационально-активистской моделью. Однако для достижения другой составляющей демократии — власти элит — необходимо, чтобы обычный гражданин имел совершенно иные позиции и вел себя соответственно им. Чтобы элиты были сильными и принимали властные решения, следует ограничивать участие, активность и влияние обычного гражданина. Он должен передать власть элитам позволить им управлять. Потребность во власти элит предполагает, что обычный гражданин будет относительно пассивен, выключен из политики и почтителен по отношению к правящим элитам. Таким образом, от гражданина в демократии требуются противоречащие одна другой вещи: он должен быть активным, но в то же время пассивным, включенным в процесс, однако не слишком сильно, влиятельным и при этом почтительным к власти.

[...] Из имеющихся у нас данных следует, что есть два основных направления, по которым гражданская культура поддерживает выполнение ее

субъектом как активно-влиятельной, так и более пассивной роли: с одной стороны, в обществе *происходит распределение* индивидов, преследующих одну из двух конфликтующих гражданских целей; с другой — определенная *непоследовательность в позициях индивида* позволяет ему одновременно преследовать эти, казалось бы, несовместимые цели. Давайте сначала рассмотрим вопрос о непоследовательности индивида.

Как показывает наше исследование, существует разрыв между *реальным политическим поведением* опрошенных, с одной стороны, и *их восприятием своей способности и обязанности действовать* — с другой. Респонденты из Великобритании и США продемонстрировали высокую вероятность того, что мы назвали субъективной политической компетентностью. [...] Немалая часть опрошенных считает себя способной влиять на решения местных властей, и весомая, хотя и не столь значительная, часть аналогичным образом оценивает свои возможности по отношению к центральному правительству. Тем не менее эта высокая оценка собственной компетентности как гражданина, способного оказывать влияние, абсолютно не подкреплена активным политическим поведением. [...]

Существует аналогичный разрыв между чувством обязательности участия в политической жизни и реальным участием. Число опрошенных, заявивших, что обычный человек обязан принимать участие в делах своей местной общины, значительно превышает число тех, кто на деле в них участвует; и опять-таки эта тенденция наиболее четко проявляется в США и Великобритании. Как сформулировал это один из опрошенных: "Я говорю о том, что человек должен делать, а не о том, как поступаю я сам". И есть доказательства, что такая позиция не столь уж редка. Несомненно и то, что осознание обязательности хоть какого-то участия в делах собственной общины распространено шире, чем ощущение важности такой деятельности. Процент опрошенных, заявивших, что у человека есть такая обязанность, во всех странах значительно превышает процент тех, кто, отвечая на вопрос о своих занятиях в свободное время, указал на участие в делах общины. Так, 51% опрошенных американцев сообщили, что, по их мнению, обычный человек должен принимать то или иное активное участие в жизни своей общины. Но когда был задан вопрос о том, как они проводят свободное время, лишь около 10% респондентов назвали подобную деятельность. [...] Все это заставляет предположить, что, хотя норма, требующая от человека участия в общественных делах, широко распространена, активное участие в них отнюдь не является наиболее важной формой деятельности для большинства людей. Оно не является ни основным их занятием в свободное время, ни главным источником удовлетворения, радости и волнения.

Эти два разрыва — между высокой оценкой своей потенциальной влиятельности и более низким уровнем реального влияния, между степенью распространения словесного признания обязательности участия и реальной значимостью и объемом участия — помогают понять, каким образом

демократическая политическая культура способствует поддержанию баланса между властью правительственной элиты и ее ответственностью (или его дополнения — баланса между активностью и влиятельностью неэлитных групп и их пассивностью и невлиятельностью). Сравнительная редкость политического участия, относительная неважность такого участия для индивида и объективная слабость обычного человека позволяют правительственным элитам действовать. Бездеятельность обычного человека и его неспособность влиять на решения помогают обеспечить правительственным элитам властью, необходимой им для принятия решений. Однако все это гарантирует успешное решение лишь одной из двух противоречащих друг другу задач демократии. Власть элиты должна сдерживаться. Противоположная роль гражданина как активного и влиятельного фактора, обеспечивающего ответственность элит, поддерживается благодаря его глубокой приверженности нормам активного гражданства, равно как и его убежденностью, что он может быть влиятельным гражданином. [...]

Гражданин, существующий в рамках гражданской культуры, располагает, таким образом, резервом влиятельности. Он не включен в политику постоянно, не следит активно за поведением лиц, принимающих решения в данной сфере. Этот резерв влиятельности — влиятельности потенциальной, инертной и не проявленной в политической системе — лучше всего иллюстрируется данными, касающимися способности граждан в случае необходимости создавать политические структуры. Гражданин не является постоянным участником политического процесса. Он редко активен в политических группах. Но он считает, что в случае необходимости может мобилизовать свое обычное социальное окружение в политических целях. Его нельзя назвать активным гражданином. Он потенциально активный гражданин.

Прерывистый и потенциальный характер политической активности и включенности граждан зависит, однако, от более устойчивых типов политического поведения. Живя в гражданской культуре, обычный человек в большей, чем в иной ситуации, степени склонен поддерживать на высоком и постоянном уровне политические связи, входить в какую-то организацию и участвовать в неформальных политических дискуссиях. Эти виды деятельности сами по себе не указывают на активное участие в общественном процессе принятия решений, однако они делают такое участие более вероятным. Они готовят индивида к вторжению в политическую среду, в которой включение и участие гражданина становятся более осуществимыми. [...]

То, что политика имеет относительно небольшое значение для граждан, составляет важнейшую часть механизма, с помощью которого система противоречивых политических позиций сдерживает политические элиты, не ограничивая их настолько, чтобы лишить эффективности. Ведь баланс противоречивых ориентации было бы гораздо труднее поддерживать, если бы политические вопросы всегда представлялись гражданам важными. Если встает вопрос, который воспринимается ими как важный, или рождается глубокая

неудовлетворенность правительством, у индивида возникает побуждение задуматься над этой темой. Соответственно усиливается давление, толкающее его к преодолению непоследовательности, т.е. к взаимной гармонизации позиций и поведения в соответствии с нормами и восприятиями, т.е. переход к политической активности. Таким образом, несоответствие между позициями и поведенческими актами выступает как скрытый или потенциальный источник политического влияния и активности.

Тезис о том, что гражданская культура поддерживает баланс между властью и ответственностью, указывает еще на один момент, касающийся демократической политики. Он дает возможность понять, почему важнейшие политические вопросы, если они остаются нерешенными, в конце концов порождают нестабильность в демократической политической системе. Баланс между активностью и пассивностью может поддерживаться лишь в том случае, если политические вопросы стоят не слишком остро. Если политическая жизнь становится напряженной и остается таковой из-за нерешенности какого-то находящегося в центре внимания вопроса, несоответствие между позициями и поведением начинает терять устойчивость. Но любое относительно долговременное разрушение этого несоответствия с высокой долей вероятности влечет за собой неблагоприятные последствия. Если привести поведение в соответствие с ориентациями, то объем контроля, который будут пытаться осуществлять неэлиты над элитами, породит неэффективность управления и нестабильность. С другой стороны, если позиции изменяются таким образом, что начнут сочетаться с поведением, возникшее у граждан чувство бессилия и невключенности может разрушительным образом сказаться на демократичности политической системы.

Это, однако, не означает, что все важные вопросы таят в себе угрозу демократической политической системе. Лишь в том случае, когда они становятся и затем остаются острыми, система может превратиться в нестабильную. Если важные вопросы встают лишь спорадически и если правительство оказывается в состоянии ответить на требования, стимулированные возникновением этих вопросов, равновесие между гражданским и правительственным влиянием может сохраниться. В обычной ситуации граждан относительно мало интересуется, что делают те, кто принимает правительственные решения, и последние имеют возможность действовать так, каким представляется нужным. Однако, если какой-то вопрос выходит на поверхность, требования граждан по отношению к должностным лицам возрастают. Если указанные лица могут ответить на подобные требования, политика вновь утрачивает свое значение для граждан и политическая жизнь возвращается в нормальное русло. Более того, эти циклы, состоящие из включения граждан, ответа элит и отхода граждан от политики, имеют тенденцию усиливать сбалансированность противоположностей, необходимую для демократии. В пределах каждого цикла ощущение гражданином собственной влиятельности усиливается; одновременно система приспособ-

ливается к новым требованиям и таким образом демонстрирует свою эффективность. А лояльность, порожденная участием и эффективной деятельностью, может сделать систему более стабильной в целом.

Эти циклы включенности представляют собой важное средство сохранения сбалансированных противоречий между активностью и пассивностью. Как постоянная включенность и активность, обусловленные находящимися в центре внимания спорными вопросами, сделали бы в конечном итоге сложным сохранение баланса, так к такому результату привело бы и полное отсутствие включенности и активности. Баланс может поддерживаться на протяжении длительного времени лишь в том случае, если разрыв между активностью и пассивностью не слишком широк. Если вера в политические возможности человека время от времени не будет подкрепляться, она скорее всего исчезнет. С другой стороны, если эта вера поддерживается лишь сугубо ритуальным образом, она не будет представлять собой потенциальный источник влияния и служить средством сдерживания тех, кто принимает решения. [...]

До сих пор мы рассматривали вопрос о путях уравновешивания активности и пассивности, присущих отдельным гражданам. Но такое равновесие поддерживается не только имеющимся у индивидов набором позиций, но и распределением позиций между различными типами участников политического процесса, действующих в системе: одни индивиды верят в свою компетентность, другие — нет; некоторые активны, некоторые пассивны. Такой разброс в представлениях и степени активности индивидов также способствует укреплению баланса между властью и ответственностью. Это можно увидеть, если проанализировать описанный выше механизм становления равновесия: какой-то вопрос приобретает остроту; активность возрастает; благодаря ответу правительства, снижающему остроту вопроса, баланс восстанавливается. Одна из причин, почему усиление важности какого-то вопроса и ответный взлет политической активности не приводят к перенапряжению политической системы, заключается в том, что значимость того или иного вопроса редко когда возрастает для всех граждан одновременно. Скорее, ситуация выглядит следующим образом: отдельные группы демонстрируют взлет политической активности, в то время как остальные граждане остаются инертными. Поэтому объем гражданской активности в каждом конкретном месте и в каждый конкретный момент оказывается не настолько велик, чтобы повлечь за собой перенапряжение системы.

Все сказанное выше основано на данных о позициях обычных граждан. Однако, чтобы механизм, существование которого мы постулировали, мог работать, позиции неэлит должны дополняться позициями элит. Принимающим решения необходимо верить в демократический миф — в то, что обычные граждане должны участвовать в политике, и в то, что они наделе обладают влиянием. Если принимающий решения придерживается такого взгляда на роль обычного гражданина, его собственные решения способствуют поддержанию

баланса между правительственной властью и ответственностью. С другой стороны, принимающий решения волен действовать так, как ему представляется наилучшим, поскольку обычный гражданин не барабанит в его дверь с требованиями каких-то действий. Он огражден инертностью обычного человека. Но если принимающий решения разделяет веру в потенциальную влиятельность обычного человека, его свобода действий ограничена тем, что он предполагает: если не действовать в соответствии с желаниями граждан, в его дверь начнут барабанить. Более того, если официальное лицо разделяет точку зрения, что обычный человек должен участвовать в принятии решений, его заставляет действовать ответственно и вера в то, что подобное влияние граждан законно и оправданно. И хотя из наших данных это и не следует, есть основания предположить, что политические элиты разделяют политическую структуру неэлит; что в обществе, где существует гражданская культура, они, как и неэлиты, придерживаются связанных с ней позиций. В конечном счете элиты составляют часть той же самой политической системы и во многом прошли тот же самый процесс политической социализации, что и неэлиты. И анализ показывает, что политические и общественные лидеры, равно как и имеющие высокий статус граждане, более склонны принимать демократические нормы, чем те, чей статус ниже.

Исследование позиций элит наводит на мысль о существовании еще одного механизма, позволяющего укреплять ответственность в условиях, когда активность и включенность обычного гражданина остается низкой. Влияние гражданина не всегда и даже не в большинстве случаев является именно тем стимулом, за которым следует ответ (гражданин или группа граждан выдвигают требование — правительственная элита предпринимает действия, чтобы удовлетворить его). Здесь, скорее, действует хорошо известный закон "ожидаемых реакций". Значительная часть гражданского влияния на правительственные элиты осуществляется без активных действий и даже без осознанного стремления граждан. Элиты могут предвидеть возможные требования и действия, в соответствии с этим принимать ответственные меры. Элиты действуют ответственно не потому, что граждане активно выдвигают свои требования, а для того, чтобы удержать их от активности.

Таким образом, в рамках гражданской культуры индивид не обязательно бывает рациональным, активным гражданином. Тип его активности — более смешанный и смягченный. Это позволяет индивиду совмещать определенную долю компетентности, включенности и активности с пассивностью и невключенностью. Более того, его взаимоотношения с правительством не являются чисто рациональными, поскольку они включают в себя приверженность — как его, так и принимающих решения — тому, что мы называли демократическим мифом о компетентности гражданина. А существование такого мифа влечет за собой важные последствия. Во-первых, это не чистый миф: вера в потенциальную влиятельность обычного человека имеет под собой известные

основания и указывает на реальный поведенческий потенциал. И вне зависимости от того, соответствует ли этот миф действительности или нет, в него верят.

Печатается по: Антология мировой политической мысли: В 5 т. М. 1997. Т. II. С. 593-600; Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. 1992. №4.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ УКРАИНЫ

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ДРАГОМАНОВ

Драгоманов Михаил Петрович (1841-1895)

Известный ученый, политический и общественный деятель. Он был противником народнической школы в украинской политической и исторической науке. Его политические взгляды воплощены в многочисленных научных и публицистических работах, особенно в проекте "Вольный союз — Вільна спілка" — одном из первых конституционных проектов, сущностью которого были политические свободы общества и личности, реализуемые через народное представительство в центре и самоуправление на местах. Признавал доминантность политической сферы общественной жизни над экономической, то есть признавал за государством с его политической системой и конституцией возможности координации социально-экономической жизни. Провозгласив политическую свободу как главную цель, пропагандировал демократическую систему организации общества, в которой интересы государства не противоречили бы интересам народов и отдельной личности. Драгоманов, как и Дж. Локк, подчеркивал мысль о том, что не народы существуют для государства, а наоборот, государство должно быть для народов. Политические права и свободы человека рассматриваются им в целостной системе взглядов, где гармонически взаимодействуют человек и общество, личность и совокупность личностей (народ, нация), поведение которых продиктовано идеалами свободы и самостоятельности. Среди политико-правовых идей Драгоманова заслуживают внимания конституционные гарантии личной свободы, под которой он понимал неприкосновенность личности и жилья, запрещение телесных наказаний и смертной казни, тайну переписки и т.д. Это квинтэссенция его конституционной концепции обеспечения автономии, суверенности личности, к какой бы социальной группе цивилизованного украинского общества она не принадлежала. Политические права должны включать в себя общее избирательное право, право избирателей давать наказы депутатам, гласное ведение всех государственных дел, необходимость учета прав меньшинств. Драгоманов обосновывал идею разделения властей. Основное внимание уделяет решению проблемы предоставления широким массам возможности непосредственно влиять на законодательную и исполнительную власть в стране. В контексте идеи прогресса, борьбы с самодержавием важное значение имел выбор методов перехода к новой

общественной системе. Иногда Драгоманов выступал за революцию, не отрицая определенной ее роли в историческом прогрессе. Иногда разделял спенсеровскую теорию эволюции, постепенного развития общественных систем. Ученый полагал, что сфера политической деятельности и борьбы должна основываться на морали, считая, что никакие компромиссы с совестью, террор, диктатура не могут служить средствами созидания лучшего общественно-политического строя.

Один из прогрессивных деятелей своего времени, М. Драгоманов в своей научной, общественно-политической деятельности синтезировал много передовых идей, которыми интересовались подавляющее большинство политиков, философов, писателей того времени.

Проект оснований устава украинского общества "Вольный союз" — "Вільна спілка"

ЧАСТЬ I. О ЦЕЛЯХ ОБЩЕСТВА

I. В землях, населенных украинским племенем, должно быть основано общество "Вільна Спілка" — "Вольный Союз", которое поставит себе задачей работу для политического, экономического и культурного освобождения и развития украинского народа и живущих среди него иноплеменных колоний.

Примечание. Так как украинский народ живет в разных государствах: В России, в Австрии (в Галиции и Буковине) и в Венгрии (в восточных комитетах) при различных политических условиях (хотя и при значительно-сходных условиях социальных и культурных) — то в каждой из этих политических областей приемы общественной деятельности должны быть различны. Поэтому в каждой из вышеупомянутых украинских областей должны быть образованы и особые политические общества — скорее вполне самостоятельные, чем отделы одного и того же, — которые впрочем, по самой силе вещей должны будут прийти в соглашение между собою относительно известной солидарности в действиях и взаимной помощи.

Настоящий проект, выработанный при участии украинцев российских, имеет в виду почти исключительно Украину российскую же.

II. "Вольный Союз" должен стремиться к достижению своих целей в согласии с подобными ему обществами среди других народов, интересы которых соприкасаются с интересами украинского народа. ...

III. Важнейшей задачей "Вольного Союза" в России в настоящее и ближайшее время должна быть работа для преобразования этого государства на началах политической свободы, приблизительно на следующих основаниях:

1. Под словами — политическая свобода должно разуметь:

А) Права человека и гражданина:

а) Неприкосновенность тела для позорных наказаний и смертной казни.

б) Неприкосновенность личности и жилища для полиции без судебного постановления. ...

- в) Неприкосновенность частных писем и телеграмм.
- г) Свобода выбора места жительства и занятий.
- д) Неприкосновенность национальности (языка) в частной и публичной жизни.
- е) Свобода совести (веры и неверия) и всякого публичного богослужения и обрядов, не противных общественному стыду. ...
- ж) Свобода речи, печати, театров и обучения.
- з) Свобода сходов, прошений и заявлений внешними знаками (рисунками, знаменами, процессиями и др.) без нарушения внешнего порядка и безопасности в населенных местах.
- и) Свобода товариществ и обществ.
- й) Право ношения оружия и военных упражнений без нарушения внешнего порядка и безопасности в населенных местах.
- к) Право гражданского и уголовного иска против должностных лиц и учреждений за незаконное нарушение интересов лица.
- л) Право сопротивления незаконным действиям чиновников.
- м) Равенство всех в гражданских правах и обязанностях. ...

Б) Самоуправление

- а) Местное: общинное (сельское и городское); волостное; уездное.
 - Областное.
 - Области, на которые должна быть разделена Российская империя, сообразно совокупности географических, экономических и этнографических условий; могут быть предположены приблизительно следующие:
 1. Северная: губернии Архангельская и Вологодская.
 - ...
 8. Киевская...
 9. Одесская...
 10. Харьковская: Мелитопольский и Бердянский уезды Таврической губ., юго-восточные уезды Полтавской губ., Харьковская губ., и южные, Слободско-украинские, уезды Курской и Воронежской.
 19. Земли Казачьи. /Донская, Кубанская, Терская и Уральская/ должны оставаться, как особые области впредь до преобразования казачьей военной службы и всего строя этих земель на началах всесословности...
 20. Области Среднеазиатские...
 - б) Государственное.
2. Самоуправление это должно представляться сходами, или же выбранными собраниями, пред которыми должны быть ответственные все должностные лица, кроме судей, положение которых должно быть определено особо.

Примечание. В основных своих чертах теперешнее судоустройство по уставам 20 ноября 1864 г. может быть признано удовлетворительным.

3. Все лица, достигшие 21-летнего возраста, должны пользоваться избирательным правом и правом быть избираемыми во всякие представительные собрания и должности общинные, волостные и уездные; для права же быть избранным в собрания и должности областные и государственные необходим 25-летний возраст.

Примечание I. Законы об избирательных сходах и округах должны быть составлены таким образом, чтобы выбранные могли представлять не только жителей всех местностей, но и, по возможности, всех родов занятий, а также не только большинства, но и меньшинства.

Примечание II. Избиратели должны иметь право составлять для своих выборов наказы.

4. В селах общественными делами должен заведовать сход и выбираемая им управа с выбранным сходом же старшиною.

5. В городах (и местечках), волостях, уездах и областях для заведования общественными делами должны быть учреждены думы, выбранные на основании особых, составленных без нарушения пункта 3-го, законов об избирательных сходах и округах, — а также управы, выбранные думами. ...

7. Сельские сходы, а также городские, уездные и областные думы должны иметь право поручать своим управам вести гражданские и уголовные иски против всякого рода должностных лиц за незаконные их действия.

8. Указанные в §§ 4 и 5 учреждения общинные, волостные и уездные должны заведовать в своих округах делами местного общественного хозяйства (обществ, имущество, базары, ярмарки и т.п.), благоустройства (пути сообщения, публичные здания, почты и т.п.) и благосостояния (оздоровление, продовольствие, призрение, страхование, охрана скота от эпизоотии и т.п.) и общественным начальным и (по мере средств) средним обучением.

9. Областным думам и определенным от них управам и другим органам должно принадлежать: заведование делами местного общественного хозяйства, благоустройства и благосостояния, которые превосходят средства одного уезда, принятие общих мер по области по всем делам общественного хозяйства, благоустройства и благосостояния: надзор за всею экономической деятельностью в области (земледелием, копиями, лесами, промыслами, заводами, фабриками и др.) и принятие мер к сохранению природных богатств области и к правильному ими пользованию, а также к обеспечению и увеличению всеобщего богатства населения области: надзор (инспекция) за публичным обучением в области и заведование школами средними, содержимыми на областной счет, а также школами высшими, и учебными учреждениями (академиями и пр.).

10. Сельские сходы, а также волостные, городские, уездные и областные думы должны иметь право издавать по всем делам, входящим в круг их действий, обязательные постановления (не противные основным законам и общим интересам государственного союза) назначать для удовлетворения подлежащих их ведению общественных нужд налоги и входить в сношения и соглашения с

другими подобными учреждениями в пределах государства относительно удовлетворения общих им нужд.

Примечание... II. Равным образом особыми установлениями должны быть определены и отношения к органам местного самоуправления представителей общегосударственного правительства (министров и областных наместников). Но для того, чтобы местное самоуправление было действительным, необходимо, чтобы представители государства могли приостанавливать только такие постановления и действия органов местного самоуправления, которые не согласны с основными законами и общими интересами государственного союза и чтобы возникшее таким образом столкновение разрешалось Сенатом (высшим судом) с ответственностью государственного чиновника за последствия произведенной им остановки. ...

13. Заведование делами, общими всему российскому государственному союзу и общегосударственное законодательство должно принадлежать двум думам:

А) Государственной Думе, гласные которой должны выбираться избирательными сходами по округам, которые должны быть определены особым на этот счет установлением на основании №3-го и

Б) Союзной Думе, гласные которой должны выбираться областными думами.

Примечание. Областные думы должны давать своим представителям в Союзной Думе наказы и иметь право во всякое время заменять этих представителей другими.

14. Обе общегосударственные думы на время перерыва своих собраний должны составлять из себя Наблюдательную Комиссию.

15. Министры, назначаемые Главою Государства, должны быть ответственны перед обеими думами и могут быть отдаваемы ими под суд.

16. Думе Союзной, как представительнице областей, кроме участия в общегосударственном законодательстве и управлении, должно принадлежать в частности заведование государственными имуществами, как общим всем областям государства запасом. ...

17. Все названные думы должны обязательно собираться в определенные сроки на очередные собрания. ...

18. Глава Государства может, с согласия Союзной Думы, распустить Государственную Думу, но в таком случае распускается и Союзная Дума, а в манифесте о том должен быть назначен и срок избрания новых членов этих дум; одновременно с изданием этого манифеста должны собираться областные думы, которые и должны заседать до собрания новых общегосударственных дум.

19. В случае незаконного захвата государственной власти с чьей бы то ни было стороны, должны собираться по собственному почину областные думы, которые и примут меры к восстановлению законного порядка. ...

20. Для суда над министрами за преступления по должности, а также над членами Государственной и Союзной Думы за государственную измену должен

собирается Верховный Суд из членов уголовного департамента Сената и Союзной Думы.

21. Сенаторы должны назначаться пожизненно главою государства из кандидатов, предложенных ему Союзною Думою непременно из лиц, получивших высшее юридическое образование и бывших уже членами судебных палат, областных или общегосударственных дум.

22. Думы уездные и областные, а также Глава Государства, должны иметь право поднимать вопрос о несогласии постановлений Государственной и Союзной Думы с основными законами (уставом, конституцией) государства; вопросы эти должны разрешаться Сенатом в общем собрании его департаментов.

23. Никакие перемены в основных законах государства не должны быть производимы без предварительного согласия двух третей голосов Государственной и Союзной Дум и без утверждения Государственного Собора.

24. Государственный Собор должен состояться из членов соединенных Государственной и Союзной Думы, а также из нарочитых гласных, избранных областными собраниями в таком количестве, чтоб число членов Союзной Думы и этих нарочитых гласных было равно числу членов Думы Государственной.

25. Глава Государства должен быть обязан обнародовать законы, принятые общегосударственными собраниями, и постановления Сената, лишаящие их силы, а также постановления Государственного Собора, наблюдать за исполнением законов и преследовать в законном порядке их нарушения.

Примечание. Глава Государства может быть наследственный Император, равно как и избранный на срок Председатель Всероссийского Государственного Союза. В первом случае за его действия должны быть ответственны министры, в порядке, указанном в §§15 и 21, а во втором он ответственен сам в том же порядке.

IV. Из выше изложенных начал политического преобразования России должно считать особенно важными: 1) права человека и гражданина и 2) самоуправление местное; правление же всею Россией посредством центрального представительного собрания, без признания и обеспечения этих прав и местного самоуправления, должно считать так же мало охраняющим свободу вообще и интересы Украины в частности, как и теперешнее устройство Российской империи.

V. По осуществлении вышеизложенного или подобного плана политического преобразования России в целом, или в важнейших частях его, члены "Вольного Союза" должны взять на себя обязанность обратить свои усилия к облегчению угнетающих теперь жителей российской Украины общественных тягостей и к обеспечению каждому из них средств к жизни и развитию. Для этого члены "Вольного Союза" должны обязаться проводить, при помощи свободы и через органы самоуправления, всякие меры, направленные:

1. К уменьшению тяжестей военной повинности, впредь пока общие международные отношения дадут возможность заменить постоянную армию временно-собираемыми народными ополчениями. ...

8. К предоставлению, по возможности, каждому земледельцу участия в пользовании или во владении землею и лесом, — посредством раздачи их из государственных имуществ, переселения на незанятые места, выкупа прикредит и пособия от общественных учреждений, покупки общественными учреждениями земель и лесов у частных лиц. ...

10. К поддержке и развитию громадского и товарищеского землевладения и арендования, и всякой другой товарищеской и артельной работах.

11. К выкупу копей, вод, лесов, железных дорог и т.п. в собственность государства, областей, уездов, волостей или общин и к предоставлению их в пользование населению, возможно дешевое и с применением по возможности артельного способа добывания и обработки продуктов. ...

VI. Проведение вышеочерченных экономических мер составляет наименьшее из обязанностей, принимаемых на себя членами "Вольного Союза", по установлению в России начатков политической свободы; члены же, которые будут считать эти меры недостаточными, могут после этого установления без нарушения своего слова, удалиться из общества, для действия по своему усмотрению.

Заключение. После всего сказанного цели украинского общества "Вільна Спілка", в настоящее время могут быть сжато выражены в следующих словах:

I. Цели общегражданские:

а) *Права человека и гражданина — как необходимое условие личного достоинства и развития.*

б) *Самоуправление — как основа для движения к социальной справедливости.*

II. Цель частнонациональная:

Политическая свобода — как средство для возвращения украинской нации в семью наций культурных.

Печатается по: Слюсаренко А.Г., Томенко М.В. Історія української конституції. К., 1993. С.52-60.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ФРАНКО

Франко Иван Яковлевич (1856-1916)

Выдающийся украинский писатель, поэт, политический и общественный деятель. Мировоззрение Франко формировалось под влиянием социально-экономической, политической среды, которая существовала в Галиции того периода; значительный интерес он проявлял и к марксизму. Взгляды Франко на происхождение государства были близки к марксистским. Зарождение государства он связывал с появлением частной собственности и расслоением

общества на антагонистические классы. Однако к пониманию сущности государства и его функций у Франко были своеобразные подходы. Наиболее важным признаком государства он считал обособление от общества управленческого аппарата, который выступает как аппарат насилия. Тем самым этот аппарат лишает других членов общества политических прав. В буржуазном обществе, по мнению Франко, политическая власть превратилась также в капиталиста. Конституционность современных ему буржуазных государств не ликвидирует социальное и национальное неравенство, фактическое бесправие народа. Буржуазный парламентаризм, как подчеркивал он в своих статьях, чужд трудящимся, ибо парламент на деле представляет интересы, прежде всего, шляхты и буржуазной интеллигенции; преследующих одну цель — "брать и драть парламентарно". Франко подчеркивал, что следует различать формальные и реальные равенство и свободу. Он говорил, что ни одна из провозглашенных конституцией свобод не может считаться реальной, ибо равенство перед правом, которое не основано на экономическом и образовательном равенстве, остается на бумаге. Франко оценивал государство как политическую власть, пытался отмежеваться от упоминания термина "государство" при характеристике социалистического общества и заявлял, что при социализме "государства в нынешнем понимании не будет". Отношения власти при социализме, по его мнению, будут складываться не из "господства-подчинения", а из "руководства-подчинения". Коллективный организм в лице "союза общин" в центре, общины — на местах не поглощает чужую волю, а состоит из "политических волей" всех участников властных отношений. Будущее общество Франко представлял как содружество людей труда, которое создано на принципах равенства, установленной полной гражданской и политической свободы. Касаясь путей и способов утверждения социалистических отношений в обществе, Франко не всегда был последователен. Во многих своих статьях он призывал "переменить, преобразить, разбить общественный уклад", не останавливаясь перед "радикальным средством" — социальной революцией ради достижения свободы. Однако в других своих работах он высказывался за мирные пути преобразования общества, без "лишней" траты сил и лишней жестокости, без "кровавых" методов.

Франко уделял большое внимание борьбе за утверждение общечеловеческих прав, достижение которых является важной предпосылкой получения прав национальных. Выступал за политическую самостоятельность и независимость наций.

Поза межами можливого

...Ідеал національної самостійності в усякім погляді, культурнім і політичним, лежить для нас поки що, з нашої теперішньої перспективи, поза межами можливого. Нехай і так. Та не забуваємо ж, що тисячні стежки, які ведуть до його осушення, лежать просто-таки під нашими ногами, і що тільки від нашої свідомості того ідеалу, від нашої згоди на нього буде залежати, чи ми

підемо тими стежками в напрямі до нього, чи, може, звернемо на зовсім інші стежки. Виплоджений так званим матеріалістичним світоглядом фаталізм, який твердив, що певні (соціальні, разом з тим і політичні) ідеали мусять бути досягнені самою "іманентною" силою розвою продукційних відносин, без огляду на те, чи ми схочемо задля сього кивнути пальцем, чи ні, належать сьогодні до категорії таких самих забобонів, як віра в відьми, в нечисте місце і фєральні дії. Ми мусимо серцем почувати свій ідеал, мусимо розумом уяснювати собі його, мусимо вживати всіх сил і засобів, щоб наближуватись до нього, інакше він не буде існувати і ніякий містичний фаталізм не сотворить його там, а розвій матеріальних відносин перший потопче і роздавить нас, як сліпа машина.

Свобода і автономія

I

В останніх роках у всіх кругах громади йде жива суперечка про перебудову всього громадського устрою для досягнення якнайкращого розвою всіх громадянських сил. Різні люди висловлюють різні погляди відповідно до того, на якому становищі стоять і які інтереси та суспільні сили уважають найважливішими. Ось на днях читали ми в "Новом времени" голос д. Меншикова, який ... говорячи про будущій устрій Росії, ні з сього ні з того випалює таку бомбу: "Россия для русских! Нема більшої дурниці, як признавати в будущій думі якісь права іншим народностям, або признавати, прим., українців, якимось окремим народом. Не слід також допускати до думи всіх іногородців: євреїв, поляків, башкирів, кавказців. Треба показати їм, що ми тут пани". ...

Кращі уми в Росії, йдучи за такими ж умами Західної Європи, давно вже вказали інший шлях для справді тривкого і плодючого розвою. Сей шлях ґрунтується на першому принципі всякого громадського життя — пошані до чоловіка, до його кровних інтересів, до його природних, невідчужених прав, таких як свобода слова й організації, як нетиканість домашнього огнища без суду, як свобода заробітку та переселення і т.д. Се елементарні основи для всякого хоч трохи успішного життя громадського і державного, і, власне, запевнення і укріплення тих основ не бачимо досі в Росії. Від того браку терпить і пропадає так само великоруське плем'я, як і всякі іногородці, і поки стан сеї елементарної необезпеченості триває в Росії, поти всякі такі балакання, що "ми тут пани" і "Россия для русских", виходять на жалку самохвальбу того хазяїна, що, сховавшись під столом перед грізною коцюбою своєї господині, відтам пискливим голосом озивається: я пан дому! ...

II

З питанням про надання всім росіянам (не лише "русским") повної горожанської свободи (до таких гарантій належать: перенесення управи краю і законодавства на виборну народну репрезентацію, одвічальність міністрів перед тою репрезентацією і контроль державних фінансів з боку тої ж репрезентації) в'яжеться тісно питання автономії країв і народностей, питання, що мусить бути

розв'язане не лише в інтересі поодиноких народів і країв, але і в інтересі цілої держави. Російські письменники та політики дуже часто, коли зайде мова за автономію різних окраїн, відкидають усяку думку про неї головню тому, мовляв, усяка така автономія ослабить цілість держави. Так як коли б для збереження цілості людського тіла доконче було треба, щоб у нього були зв'язані руки й ноги, закриті очі та заткані вуха. Вони не хочуть розуміти того, що, обезсиливши поодинокі часті держави, вони обезсилять тим самим і цілість. Щоб держати окраїни в німім і глухім послуші, на се треба повертати чимраз більше урядових сил і грошей, які без того можна б повертати на спільну користь усієї людності. Розріст державної адміністративної машини, зовсім непродуктивної, а зате ненажерної, потягає за собою чимраз більші кошти і не осягає своєї цілі, бо, як ми бачили в останніх роках російської історії, такий розріст доводить на кінці до повного безладдя, до самоволі навіть найдрібніших чиновників, до повного упадку почуття права серед людності, доводить самих чиновників до крадіжок, до хабарництва, а мирну людність до розрухів і актів самоволі як пімсти за ту самоволю, яку їй доводиться терпіти. ...Надання такої автономії різним окремим частинам великої держави, отже, не лише інородцям, але й "коренним русским" у різних частинах широкої держави, то не лиш уступка, добродійство держави для людності. Ні, се держава мусить робити в своїм власнім інтересі. ...Російська держава занадто велика, щоб один центральний уряд міг лише дбати про безпечність і законність у всіх частинах і країнах, але тим менше він може дбати в кожній частині про тисячні місцеві інтереси, дрібні з погляду державного, але дуже важні для загалу місцевої людності. Дороги і шляхи, мости і греблі, недороди і місцеві випадки, пошесті й хороби, школи і лікарні — все се такі речі, що інакше залагоджуються в кожній губернії і вимагають окремого проводу й опіки не так уряду, як радше власних місцевих людей, зорганізованих для сього діла. Така автономія ніяким робом не може бути шкідлива для цілості держави, навпаки, вона корисна для неї, бо дбає за зріст добробуту і заспокоєння народних потреб у кожнім куточку держави відповідно до місцевих обставин. Вона позиточна для держави й тим, що полегшує їй адміністрацію, беручи на себе ті її часті, яких ведення було б для державних урядів занадто коштовне. Без такої автономії жодна держава не може остоятися, і ті, що радять Росії обходитися без неї, очевидно, самі не тямлять, що говорять.

III

Свобода й автономія мусять нерозривно в'язатися з собою, а властиво автономія мусить опиратися вповні на основах горожанської свободи. ...

...Покликом нашим у сю пору не може бути ані автономія *sans phrase* (без розмов/франц. — Сост.), ані федералізм *sans phrase*, але все і всюди: *повна політична воля і рівність кожної людської єдиниці, забезпечення її людських прав, а вже на тій основі автономія національності.*

Програма галицьких соціалістів

...II

Соціалізм прагне до ліквідації всякого панування над людьми, всякої влади людини над людиною.

Майбутній устрій, отже, буде базуватися на як найширшій самоуправлінні общин, повітів і країв, складених з вільних людей і поєднаних між собою вільною федерацією, що ґрунтується на солідарності інтересів. ...Девізом найвищої історичної еволюції буде: солідарність і свобода.

Стосовно того погляду на свободу, держава — в теперішньому значенні слова — залишитись не може. Держава, як узагалі всяке правління, що базується на гнобленні, не може мати місця в майбутньому суспільному ладі її місце всюди заступить адміністрація суспільних витворів, вибрана всіма членами общини, повіту і т.д.

Релігія, яка нині служить також подекуди засобом визиску і тому задоволена такою опікою держави і правлячих класів — приведена до властивого свого значення — стане приватною справою. Зрештою, з поступом освіти місце догматичної релігії всюди займе позитивна наука і мистецтво.

Натомість виховання повинно бути справою народною. Прагнути до цього будуть однаково всі: община, повіт, край. ...Нинішню однобічну систему виховання повинно замінити виховання всебічне...

Супротивний всілякому утискові, соціалізм мусить засудити нинішнє обездолення жінок; він вимагає для них рівних прав з чоловіками, рівної можливості навчання і якнайширшого поля для конкуренції з точки зору розумової і взагалі будь-якої праці на користь суспільства. ...

III

...Національна справа відносно самої основи соціалізму є справою другорядною, але з погляду практичної дії при нинішньому стані національного питання (у нас особливо) вимагає глибшого розгляду. Прагнучи до свободи і знищення усякого гніту, соціалісти не можуть бути байдужими щодо гніту національного. А там, де національне питання належним чином ще не розв'язане, ... там вони мусять активно підтримувати відокремлення різних дрібних націй, — чи то із-за своєї автономічної і федеративної позиції взагалі, чи то внаслідок того, що лише пристосування до місцевих національних елементів дасть їм можливість впливати на той елемент і вести його з собою до спільності і збратання народів, чого жодним пригніченням досягнути не можна. ...

VI

Заперечуємо в цілому нинішню державну владу, як установлену буржуазією і яка боронить виключно її інтереси. Однак можемо і повинні користуватися державними інституціями, оскільки це може допомогти здійсненню нашої програми.

До тієї мети ведуть дві дороги: одна — покладатися на дію вроджених сил, що схильні до розпаду і будуть триматися засади: "чим гірше, тим краще", а отже,

ігнорувати нинішній стан дійсності і чекати банкрутств і занепаду, після яких приступлять до зведення нової будови; або також — що майже те саме, — дією чисто негативною підтримувати той занепад, не закладаючи одночасно підвалин під майбутню будівлю. Є інший, більш позитивний спосіб, який полягає в тому, що користується існуючим нині інститутом і тяжіє до розширення влади пролетаріату з метою поетапного приготування нової суспільної організації. Обидві дороги є революційні, бо заперечують нинішній лад, у той час як так звані реформісти визнають цей лад в основі добрим, який потребує тільки часткового поліпшення. Реформісти воюють паліативами, а ми прагнемо вказати на справжню причину зла, що міститься в самому суспільному устрої; хочемо усунути не окремі наслідки, але джерело, звідки воно витікає. Другу зі вказаних вище доріг, тобто старання передусім про здобуття влади для пролетаріату, вважаємо тому за ефективнішу, що є вона певніша: засуджуючи існуючий стан справ, ми приступаємо відразу до будування майбутньої споруди і можемо мати надію, що, доки впаде теперішня будова, ґрунт під майбутню вже буде приготовлений і фундамент закладений. Натомість, покладаючись цілком на дію руйнівних сил, не знаємо, чи після остаточного повалення нинішніх інституцій очікуваний нами порядок буде спроможним увійти до життя; події могли б захопити нас у хвили, коли ґрунт ще не буде приготований і дорога до реакції відкрита.

VII

Заперечуючи сучасну державу, тим більше мусимо заперечувати нинішнє панування загарбницьких урядів над народами польським і українським і прагнення репрезентантів чужих народів до гегемонії над ними. Немає-бо народів вищих і нижчих: усі є рівними і мають рівне право на вільний розвиток.

VIII

Показавши вище наш погляд на соціальне питання і остаточну мету наших прагнень, приступаємо до окреслення найближчих наших вимог, які разом утворюють програму безпосередньої нашої діяльності.

...Першим кроком до здобуття політичної влади є, як відомо, участь у законодавчій діяльності, бо на перший план ставимо повсюдне право вибору і виборності до парламентських органів, як центральних, так і провінційних, і общинних, з якнайповнішим дотриманням виборчої свободи, насамперед прямих виборів і таємного голосування.

Від того ж уряду мусимо далі домагатися свободи спілкування і зборів, свободи мови і друку — якнайширшої, вільної від обмежень і застережень, розрахованих на шкоду народові. Усі ті свободи становлять стільки ж засобів до боротьби в руках пролетаріату.

Домагання покращень в організації промислу, фабричних законів, особливо закону, що забезпечує здоров'я і життя робітників; обмеження кількості робочих годин; захист жінок і дітей від визискування; врегулювання питання про учнівство, промислове судочинство й т.д. і передусім запровадження вільних робітничих спілок. Все це повинно входити до переліку наших тимчасових вимог, бо

ж завдяки одержанню тих поступок не тільки поліпшиться побут робітників, — наскільки це поки що можливо, — але також зміцниться сила пролетаріату в боротьбі з буржуазією, оскільки зменшиться конкуренція між самими робітниками. ...

Нинішня система оподаткування кладе головну частину тягара на пролетаріат через посередні податки. Будемо ж невпинно домагатися знищення посередніх податків і заміни їх прогресивним прибутковим податком. ...

Печатается по: Франко І. Збір. творів у 50 т. Т.45. Філософські праці. К., 1986. С. 285, 439-447, 448-464.

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГРУШЕВСКИЙ

Грушевский Михаил Сергеевич (1866-1934)

Видный ученый-историк, политический и общественный деятель, создатель основ Украинского соборного суверенного самостоятельного государства. Выработал свое понимание общественного процесса и политического развития. Сущность историософской концепции Грушевского состоит в трех основных понятиях: народ, государство и герой в истории. Народ – это понятие метафизики романтического периода, тогда как государство — это анархо-социалистическое понятие, герой в истории — отвечает позитивистской концепции, как метод познания. В народе Грушевский видел действенную силу истории. Исследуя историю украинского народа Грушевский выдвигает идею "национальной самообороны" и "национальной смерти". Вся история украинского народа — это разбуженная энергия национального самосохранения перед опасностью видимой национальной гибели. На такой исторической почве вырастают идеалы украинского народа: свобода, равенство и "народный идеал справедливости" или автономия.

После февральской буржуазно-демократической революции в Украине Грушевский возглавляет созданную тогда Центральную Раду. Анализируя события в Украине тех лет, Грушевский подчеркивает опасность двух течений проявившихся в политической жизни: крайнего украинского национализма ("Украина для украинцев") и сродненного с ним самостояительства ("самостійна Україна"). Сам же Грушевский поддерживал "украинскую автономию в Российской федеративной республике", а также "солидарность украинства с постепенными течениями иных народностей и лояльность к Временному правительству. Да и сама Центральная Рада, вырвавшаяся изо дня в день как живой руководящий очаг в Украине постоянно сталкивалась с множеством трудностей. Грушевский придавал большое значение отражению в сознательности масс тех или иных событий и ситуаций, так как важно было не только знать, как происходили события, а и то, как они воспринимались массами, знать настроение масс. По мнению Грушевского, главной основой Великой Украины должно стать крестьянство и на нем необходимо строить Украину. Он обосновывает понятие

народ как национально-этническую, духовно-культурную общность, подчеркивая, что украинская народность отличается от ближайших соседей антропологическими особенностями: строением тела и психологическими чертами — индивидуальной способностью в отношениях родственных и общественных, в быту и культуре. Как историк Грушевский стремится выяснить вопрос о роли государства в историческом развитии. Обращаясь к прошлому, он утверждает, что Киевское государство возникло на своей родной почве и не привнесено варягами, что украинский народ всегда стремился к социальному и национальному освобождению, к образованию украинской государственности.

***Українська партія соціалістів-революціонерів
та її завдання***

**ЗАМІТКИ З ПРИВОДУ ДЕБАТ
НА КОНФЕРЕНЦІЯХ ЗАКОРДОННИХ ЧЛЕНІВ ПАРТІЇ**

I

Події останніх місяців поставили питання: бути чи ще не бути українській партії соц.-революціонерів.

Позиція її між тріумфальним походом російських комуністів, з одного боку, і тими бездорожжями, на котрі позаходила різна націоналістична публіка під проводом всяких головних і не головних отаманів, справді не дуже вигідна. І зрозуміло, що після того, як деякі елементи партії в єдинім національнім фронті позаганялись на край безодні, кинувши недобре світло на цілу партію, психологічна реакція викликає у багатьох підвищене бажання якнайрізче відмежуватись від сього зігзагу вправо — скоком уліво!

Але виправляти зігзаг зігзагом — се не робота! Нового зігзагу не повинно бути. Не повинно бути і перебіжки!

В високій мірі не бажано, щоб поодинокі, скільки-небудь цінні члени, кидаючи партію, одинцем чи невеликими компаніями перебігали в стан торжествуючих. Партія мусить запобігти такому дезертирству, перевіривши в світлі нових досвідів свою ідеологію і свої позиції, щоб змінити їх відповідно коли треба, і на нові позиції перейти по можності в повнім складі всього цінного, що єсть у неї, не розбиваючись і не відриваючись від свого ґрунту. ...

Чи вмітимуть наші письменні люди захопитись за край тієї нитки, що тягнеться сама по собі в нашому мужицтві, чи вмітимуть прив'язати до неї й те, що виплела за XVII-XVIII ст. думка людей, котрих історія не переривалась, і звести в темноті й на самоті випрядену нитку іноді більше бажання, ніж ясної думки нашого мужицтва, — з великою сіткою наукових і громадських думок європейських людей. Ось у чому тепер все діло для письменних людей на нашій Україні.

Те, що має за собою традицію, має великий шанс успіху. Се розуміли всі великі новатори, включно до проводирів російського комунізму, які при всім

дерзновенні мислі таки люблять підшукати на її підкріплення цитату з Маркса або Енгельса, прецедент з паризької комуни тощо. Вважаю так само важним для нас, щоб українська соціалістична революція, далі спираючись на єдину свою реальну основу — трудове селянство, використовувала не тільки все те, що дає для соціалістичного будівництва сучасна ситуація, але вживала і все те, що дає для нього попередній розвій нашого життя і нашої мислі,— все, що може, відповідно освітлене, поглиблене й усвідомлене, послужити підмогою для дальшого соціалістично-революційного будівництва нашого життя.

ІХ

...Можемо собі уявити фізіономію будучої української республіки, як вона складається в процесі революції. Се буде властиво федерація громад і їх рад, котра тільки поволі, в процесі культурної й економічної творчості вироблятиме свої внутрішні зв'язки.

Як у багатьох інших справах, так і тут реальний розвиток революції відкидає нас від шаблонів новітньої європейської демократії назад, до ідей і бажань нашого старого народництва, яке при всій своїй романтичній закрасці мало під собою, як тепер виявляється, досить твердий ґрунт реальних умов і традицій, в яких сформувалось життя нашого народу та його домагання.

Воюючи проти поліцейсько-бюрократичного, централістично-деспотичного режиму царської імперії, воно глибоко перейнялось недовір'ям і ненавистю до централізму й бюрократизму й не мирилося з ним в ніякій формі в будучині. Основою будучої організації воно клало автономну громаду, комуна, наділену можливою повнотою власті в широкім самоврядуванні, свобіднім від втручань адміністрації, і свобідне об'єднування сих комун по принципах географічних, комунікаційних і економічних в ширші союзи, з певними осередніми органами, не наділеними, одначе, ніякими дискреційними адміністраційними правами в тій сфері, що належала до компетенції комуни. Сі принципи лягли, напр., в основу "Вільної Спільки" Драгоманова, що відбивали в собі сі настрої українського тодішнього народництва, в котрих було дещо від Прудонівної апотеози федералізму і дещо з анархізму, до котрого вона схилялась.

Але коли прийшла революція й поставила конкретні завдання негайного політичного й соціального будівництва, українське громадянство не відважилось розгорнути свою стару ідеологію до кінця.

Розміри і можливості революційного руху ще не вияснилися вповні, українське громадянство забагато покладалось на прогнози чисто політичного характеру революції, які ставились в російських кругах, до котрих Українці звикли прислухатись. Під їх впливами українське громадянство теж уважало своїм завданням як-найскорше вивести свій край з стадії революції в стадію конституційної, парламентарної еволюції та в її рамках вести соціалістичне будівництво. Тому брало готові шаблони західноєвропейської демократії та старалось, нашвидку прочистивши їх від пережитків централізованого поліцейсько-бюрократичного режиму, зробити тим способом досить міцною посудиною для

нового соціалістичного змісту. Така посередня форма була підхожа і для буржуазної демократії (неукраїнської переважно), котру українські соціалістичні партії не рішались дражнити, рахуючись з малою, як їм тоді здавалось, приготованістю до політичної акції українського селянства та малою чисельністю й відірваністю від ґрунту робітництва України. Сей посередній характер між західними буржуазно-республіканськими взірцями і тою соціалістичною радянською республікою, котру виконує нам життя, мала наша конституція 28 квітня, прийнята Центральною Радою в останні години свого існування.

Та революція не давала себе зацитькати, зачарувати ніякими компромісами і не хотіла спинятись серед дороги. Опинившись між двома непримиренно-ворожими контрастами старої царської Росії й Росії комуністичної, наш край не міг ізолюватись і зістатись нейтральним.

Уже в повстанні 1918 р., хоч як було воно відразу засмічене націоналістичними й контрреволюційними елементами, все-таки пробивається, хоч несміливо й невиразно, новий провідний мотив: розриву з буржуазією, з буржуазною демократією та її державними шаблонами. Дальший процес революції поглиблював усе більше оте відречення від старої псевдодемократії, що в дійсності: була наругою з принципу власті народу, держучи трудові масі в твердій власті нетрудової меншості: всегда нині і присно і во віки амінь!

На місце її все з більшим переконанням і зрозумінням сталі прийматись як чергова організаційна форма республіка рад — робітничих і селянських, з виключенням від політичних прав і власті елементів нетрудових і допущенням до користання політичними правами трудової інтелігенції. Диктатура трудового народу в формі "радянської соціалістичної республіки", які в силу даних умов в найближчій часі мусить бути федерацією сільських громадських рад з включеними між ними ("вкрапленнями", я сказав би по-російськи) радами робітничими, а, може також і трудово-інтелігентськими. (Не хочу на сим спинятись, але взагалі мало віри в існування осібно інтелігентської курії, мабуть, трудова інтелігенція розпливається в ряда селянських і робітничих. — Прим. М.Грушевського).

Безстороння оцінка реальних умов українського життя приводить до переконання, що ся форма організації мусить бути прийнята. Ті, хто не вірять, що демократичні форми можуть бути здані до архіву вже тепер, все-таки, рахуючись з сими обставинами, мусять щиро і чесно прийняти радянську форму для сього переходового моменту та постаратись якнайповніше використати її для діла економічного і культурного, для будівництва соціалістичного, поки ся форма переживеться. Для даного моменту, повторюю, іншої форми нема, і хто хоче служити своєму народові, мусить використати сю форму.

Коли буржуазна демократія не пережилась, її прихильники можуть бути певні, що вона пробереться, протече в сю форму. Але, може, вона, буржуазна демократія, таки дійсно відмирає разом з буржуазними формами економічного

життя, з класовими протилежностями, з класовою державою і витвореним ним правом?

Той, хто вдумливо і об'єктивно придивляється до величезного перевороту, який твориться й росте в житті, в усіх сферах його, хто не закриває собі навмисно очей і вух, той, хоч як би цинив дореволюційні (властиво — передвоєнні) форми життя, не може задавити в собі сумніву, що се такі можливе: що сі старі форми — для короткості вжиємо сього імені — "буржуазного життя", вони дійсно відмирають, зникають, гинуть. Тому замість конвульсійне чіпатись їх, замість безнадійно латати старі міхи, нездатні витримати нового вина, розум наказує братись до нових форм, даних життям, до нових міхів — може, й грубо вироблених та несовершених, але міцних і витривалих — та старатись можливо використати та удосконалити на потребу життя.

Це буде легше і природніше для тих, хто не буде невольничо й безтямно триматись взірців західноєвропейської буржуазної демократії, а попробує на хвилю відчепившись від них, стати на ґрунт наших історичних прецедентів і традицій нашого народництва. Для них відступлення від букви буржуазної демократії не буде ні страшне, ні трагічне.

Прошу собі пригадати конституцію нашої старої республіки XVII в. Кому в ній належала власть, хто мав в ній політичні права? Тільки революційний озброєний український народ — козацтво.

Буржуазні верстви та шляхта, яка приймала козацьку зверхність, духовенство й міщанство — вони стояли під протекторатом "військового рейменту", користувались самоврядуванням, яке забезпечував їм сей реймент, але не брали участі в правлінні, не мали голоса ні в військовій раді, ні в раді генеральної старшини, тільки місцеве врядування відбувалося при фактичній участі їх представників, особливо в справах мішаних.

...Ми не підходимо до сього революційного утвору з прийнятими нормами демократичного устрою. Але чи не знайдеться тут дуже близької аналогії з сим сучасним революційним утвором — радянською республікою, котра наділяє правами тільки ті верстви, на яких опирається її будова, в яких вона бачить охоронців своїх інтересів і самого свого існування?

А зрештою! Не кажучи вже, що в переважній більшості демократій ціла половина людності була позбавлена політичних прав (жіноцтво!) і не можна сказати, щоб се занадто бурило совість сих демократичних громадянств,— чи не позбавлялись політичних прав цілі категорії людяності, як активне військо, урядовці (в декотрих конституціях), і се вважалось навіть архідемократичним тому що сі люди не вважалися вповні вільними в своїм політичнім самоозначенні, свободними членами громадянства. Чи не знайдеться й тут аналогії для виключення від політичних впливів тої буржуазної верстви, власть і впливи котрої революція ставить першим своїм завданням зломити, щоб закріпити власть трудового народу?

Х

В подробиці устрою сеї української радянської республіки, як вона може зложитись в процесі революції, не вважаю, розуміється, можливим входити. Для сього треба було б ближче приглянутись теперішньому станові речей на ґрунті, щоб зміркувати, як будуть укладатись відносини в найближчій, перехідній добі в результаті всіх тих глибоких змін, які пережила Україна й її трудові маси. Треба мати докладніші відомості про те, що я назвав комунальним правом,— те, що реально витворилось на місцях і повинно в процесі революції лягти в основу нової організації. Тільки на деяких загальних питаннях я вважаю потрібним спинитись, щоб їх підчеркнути.

Перше питання: що в тій радянській організації мусило б висуватись на перший план: чи принцип місцевості, себто кооперації різних трудових елементів: селянства, робітництва, трудової інтелігенції, об'єднаних разом, починаючи від найперших ступенів організації так, щоб уже в комуні сільській чи городській спільно засідали представники робітників, селян і трудової інтелігенції, по певному ключу, даному місцевими обставинами. Чи повинен заховуватись принцип куріальний так, щоб селяни, робітники і трудова інтелігенція мали свої окремі, паралельні ради першої, а, може, й другої інстанції, і тільки десь в вищій інстанції вони об'єднувались в спільнім органі?

Очевидно, з становища безкласового соціального устрою, в інтересах нейтралізації різниць інтересів, витворених буржуазно-капіталістичним устроєм, і витворення, можливо, одностайної трудової людності було б бажано куріальність, можливо, оминуті, або принаймні ослабити. Тому, на мою гадку, партія УПСР повинна підтримувати принцип єдиної комунальної ради.

Друге питання: порядок інстанцій повинен бути можливо простий чи многостепенний? Між комунальною радою і всеукраїнським конгресом рад має бути одна, дві, три інстанції.

Громади сільські і громади районні (городські), на котрі в інтересах організації мусять, очевидно, поділитись більші міста (мабуть, будуть об'єднуватись в місцевих об'єднаннях, які приблизно відповідатимуть великій волості).

Слідуючою формою об'єднання міг би бути такий округ, як "земля", проєктована законом Центр. Ради, проведеним фракцією УПСР. Приблизний поділ території України на такі землі на основі географічних, комунікаційних та економічних даних, приблизно з одним мільйоном людності в землі, був тоді вироблений і прийнятий, і ці землі мали заступити повіти з одного боку, губернії з другого.

Таким чином, найпростіша схема радянської організації була б така: робітничо-селянська рада громади (комуни), місцеве об'єднання (волесть, місто), земля, всеукраїнський конгрес рад або Центр. Рада.

Зауважу, що в інтересах витворення єдиної трудової людності України витворювання великих міських індустріальних та інтелектуальних центрів

представляється небажаним. З економічного, культурного і організаційного погляду теж краще, щоб елемент промисловий, ремісничий, інтелігентський не скупчувався в небагатьох центрах, а більш рівномірно розселювався по краю. Тепер іде стихійне розселення, розпорошення міської людності, особливо з великих центрів, по селах, по краю.

При відбудовуванні економічного життя замість того, щоб наново концентрувати промисел і культурне життя в кількох великих містах, як Київ, Харків, Одеса, було б краще пильнувати розселення його по можності в менших осадах, де не раз є на те й кращі фізичні та комунікаційні умови.

Тепер щодо об'єднань. При широкій автономії рад громадських (комунальних) компетенції рад місцевих (волостних, міських чи кантональних) не мають причин бути широкими, се ясно. Не так ясно, чи бажано надавати ширші компетенції радам земель? Не кажу, розуміється, про якусь власть їх в сфері самоврядування громад: в сю сферу рада землі повинна мішатись якнайменше, тільки регулюючи, а ніяк не адмініструючи, не декретуючи того, що входить в сферу компетенції громади. Але там, де кінчаються ресурси і можливості громадської чи волостної ради — в організації всякого рода технічної, культурної й організаційної помочі, де має лежати центр ваги: в руках всеукраїнського конгресу чи в руках ради землі?

Се питання має своє значення, бо від такого чи іншого розв'язання його залежить питання, чи українська радянська республіка має бути унітарна, чи федеративна.

Коли загальна організаційна робота буде скуплена в органах земель, а всеукраїнський конгрес обмежиться тільки тим, що доконче мусить бути скуплене в центральнім органі, як справи міжнародної політики, оборона, адміністрація військова і морська і т. ін., все ж інше буде віддано в компетенцію землі, то українська республіка в останнім рахунку буде федерацією земель — сполученими штатами України. Тоді тим самим відпаде питання про спеціальне становище країв, котрим історичні умови надали відмінну етнографічну, економічну чи культурну фізіономію, як, скажім, Крим, Бессарабія, Галичина чи які інші.

Коли ж у центральних органах Укр. Республіки будуть сконцентровані великі, широкі й різносторонні компетенції, а ради земель гратимуть роль більш обмежену і тісну, тоді питання про становище таких країв з окремою фізіономією та їх право на ширшу автономію і федеральний зв'язок з іншими українськими землями виступить неминуче. Тоді, по аналогії з ними, можливо, що й інші більш території захотіли б користати з федерального права, як стара Слобідська Україна, Гетьманщина, Новоросія (Степова Україна чи Запорізька) і Україна Правобічна.

УПСР завсіди вважала своїм обов'язком притримуватись старих федералістичних принципів, висунених кирило-мефодіївцями (і ще раніше "Обществом Соединенных Славян", не кажучи про старші прецеденти). Вона вважала право на федеральний зв'язок не тільки правом України в відносинах до

інших національних територій, але також і за окремими частинами української території признавала право домагатись федеральної української республіки. Я думаю, що тепер вона менше, ніж коли-небудь має причини відступати від цього свого принципу, особливо тому, що сей принцип має легке розв'язання питань про землі спірні, не чисто українські, або поставлені в окремі, спеціальні умови. Питання тільки що корисніше: чи загальне переведення принципа широкої децентралізації земель усіх загалом, значить перетворення Української Республіки в більш-менш одностайну, рівномірну федерацію невеликих земель (між котрими знайдуть своє місце і ті землі, так би сказати, спеціального характеру), чи допускати принцип федерації на спеціальне домагання, як свого роду території, з котрою в федеративнім зв'язку стоять деякі окраїнні землі більш відокремленого характеру?

Теоретично, здається, краще перше. Але бути доктринером в таких питаннях непринципільних не вважаю потрібним, хочу підчеркнути з усею силою, що слідує.

Чи буде Українська Республіка формально зватись федеративною чи ні, фактично вона однаково повинна організуватись як федерація своїх фактичних республік-громад. Всяке накидування громадам механічної унітарності, примусових зв'язків буде величезною помилкою, яка викличе тільки відпір, реакцію, центробіжність, або й дасть ґрунт для нових усобиць. Як я вище сказав, об'єднання мусить вирости само собою в процесі життя, воно не може бути штучно форсованим, тим менше насильно, примусом накидуване.

Як відомо, натуральний процес в кожній добре налаженій, відповідно організованій федерації йде в напрямі об'єднання, в напрямі розвитку компетенцій центральних органів і добровільного самообмеження членів федерації в інтересах її одноцільності й одностайності. Чи буде українська республіка зватись федеративною чи ні, вона повинна йти сею дорогою добровільного розвитку тенденцій одності в процесі дружнього пожиття, а не дорогою "запросів" одностайності і уступок, "скидок" під натиском змагань до децентралізації.

XI

Ся фактично чи юридичне федеративна Українська радянська республіка має бути самостійна — чи входитьме в склад іншої соціалістичної федерації? Так ставлю я се питання — по інерції того, як воно ставилось давніше. Але в процесі революції се питання так обтерлось і обточилось, що тратить майже всяку рацію в такій постановці, коли мислити собі будучі відносини в площині соціалістичних радянських республік. А я все досі розглядав, власне, в такій площині.

В минувшині ми ніколи не були приклонниками незалежності в ходячім, вульгарнім розумінні цього слова. Мати власну армію, митну сторожу, поліцію, в'язниці й шибениці — се ніколи не захоплювало українських народників. Наскільки се все мусило б зістатись невідлучним атрибутом громадського пожиття, українські народники вважали за краще принаймні розложити сю неприємність на більшу спілку, на ширшу федерацію. В федеральнім устрою сі

атрибути значно б змаліли, він знейтралізував би багато боротьби, напружень, інтриг, за котрі правлячим кругам приходиться одних людей садити до Іванової хати, а других займати наглядом і репресіями проти них та витратити гроші на утримання армій та кордонних охорон на державних границях, котрі любісінько могли б бути просто межами федеративних штатів і т.д.

Така була наша стара "ідеологія", призабута в гарячці останніх літ. Коли почали лунати перші голосні оклики за незалежністю, почавши від *Ukraina Irredenta* Бачинського і "Самостійної України" РУП, українські народники старших категорій ставились до сих окликів з великим скептицизмом, побоюючись, що з сього самостійницького яйця вилупиться шовіністична реакція і всякі націоналістичні авантюри. І се правда, що націоналістична виключність і назадництво з самого початку стали примішуватись до сих гасел (пригадати виступи групи НУП, що вийшла з РУП, і різні націоналістичні брошури, які стали появлятись, особливо перед війною).

Але події гнали воду самостійникам. Світова війна з її нечуваним лукавством і цинізмом в національній справі: з кличами самостійності для поневоленних народів і лютою кампанією на знищення українства на практиці дуже скріпила самостійницькі течії, а революція поскидала маски з різних псевдофедералістів (особливо російських с.-р.) і теж непомалу причинилась до сього. Федералізм дійсно став кепською забавкою. Антанта домагалась від України, щоб вона, як частина Росії, хоч би й федеральної, прийняла на себе обов'язки старого російського режиму, продовжувала війну і т. ін. Недобитки старої Росії, програвши справу в старій формі, стали перешиватись на федералістів і дискредитувати сю ідею своїми централістичними змаганнями, котрі продовжували і під сею новою маркою. Нарешті Савітська Росія, вивісивши прапор "Федеративної Савітської Республіки", під сим гаслом почала господарювати на Україні — пам'ятаємо, яке було се господарство під час її першого наступу. Справа суверенності українського народу і незайманості його волі стала гарячою, дражливою і вилилась в домагання повної самостійності і незалежності України, винесене насамперед військовими кругами, а далі прийняте цілим, чи майже цілим, національним свідомим українським громадянством.

Чи було се домагання, се гасло неминуче? Ні! На мій погляд, воно лежало більш в психології відпору всім, хто хотів накидати свою волю українському народові. Тому ставило величезну крапку над і, більшу, ніж треба було сій букві; хапалось найбільшого калібру, щоб нарешті не лишити місця ніяким неясностям і недоговореностям. Те, що в дійсності хотілось і дійсно треба було захистити: суверенність українського народу, незайманість його національних, економічних і політичних інтересів, се, розуміється, можна було забезпечити і в федеральній формі, якби обставини були нормальні, якби час не був такий пожарний. Але він був такий, і не самі тільки Українці, а й інші народи бувшої Росії хапались сеї елементарної формули: "самостійність і незалежність", щоб відмежуватись,

відцуратись від усяких претензій старої Московщини, в яких би формах вона не відроджувалась.

Всім учасникам пам'ятне, з якою нерішучістю, з якими ваганнями соціалістичні українські партії прийняли се гасло "Незалежної України". Їх побоювання сповнилися в повній мірі. Дійсно, се гасло було підхоплено гіршими елементами української людності: елементами бандитськими, контрреволюційними, реакційними, що зав'язували "гайдамацькі" загони і займались громлінням жидів, різними спеціалістами, формуванням військових відділів, всякими отаманами,— головними, великими й малими, і всею тою декласованою воєнною верствою, що витворилась з розкладу російських армій і повторює на нашій землі сумну історію німецької Тридцятилітньої війни. Гасло "Самостійної України" стало гаслом боротьби не тільки проти Совітської Росії, але в значній мірі й проти соціалізму, навіть скільки-небудь послідовного демократизму. Воно перемінювалось в гасла "України для Українців" і всякі інші націоналістичні й шовіністичні оклики.

Але се одна сторона справи. Є й друга.

Гасло української незалежності пішло в широкі народні трудові маси. І тут з ним нерозривно переплелись здорові ідеї суверенності трудового українського народу, недотиканості його прав, гасло боротьби проти всякої експлуатації України для яких-небудь завдань, для неї сторонніх; проти трактування України як колонії, а українського народу як дешевого гарматного м'яса чи дешевого матеріалу для експериментів.

Гасло незалежності за сі роки облилось кров'ю чесних і добрих синів українського народу, що склали свої голови за свободу й добро його трудових мас, їх суверенне право, свободу й незайманість їх політичного, соціального й культурного розвитку. А кров не вода і не забувається легко.

Після трьохлітньої кривавої боротьби під гаслами Незалежної України і Федеративної Совітської Росії добро і зло, гріхи і заслуги сих гасел так збилися, так переплуталися, так перемішалися, що треба бути дуже обережним в розбиранні сього добра і зла, щоб не ввійти в конфлікт з тим, що має право на всяке наше поважання й признання і являється силою будучого, з якою зачіпатись шкідливо і небезпечно. Таке є і по українській, і по російській стороні.

Ми відкидаємо боротьбу з Совітською Росією, з комуністами-більшовиками, явну і тайну: тактику оружних повстань і політику зривання зсередини. Ми навчилися шанувати в більшовиках провідників світової революції, котрим за се мусимо пробачити не одно з того, що нам боком вилазить, тим більше, що наші власні помилки оправдують не одно в їх упередженнях і помилках в відносинах до нас.

Ми переконались також, що об'єктивні дані, реальні умови українського життя, спадщина царської Росії не дають змоги будувати українське життя без замирення, без порозуміння з Росією. Зложивши пиху з серця, ми мусимо шукати

порозуміння мусимо доходити добросусідських, доброзичливих відносин з нею, навіть ціною певних уступок, бо інакше не зійдемо з нинішньої мертвої точки.

Але й повний поворот від незалежної України до "Федеративної Росії" для Українців, очевидно, також неможливий. Те, що сталось, відстатись не може. ...

Совітська Росія тою федерацією, котру вона своєю волею декретувала на Україні, а на практиці звела до повної й абсолютної залежності України від московського центру, навіть без якого-небудь путящого самоврядування, сама поховала для Українців ідею Федеративної Росії. "Федеративна Росія", навіть соціалістична й совітська — се гасло, дискредитоване тактикою більшовиків, різко осудженою самими більшовиками, які мали нагоду ближче приглянутись ситуації на Україні і не раз гостро, але досі безуспішно критикувати сю сліпу централістичну політику.

Ні партія укр. с.-р., ні яка-небудь інша соціалістична українська партія, очевидно, не пристане на те, щоб Україну трактовано як московську провінцію або московську колонію, щоб нею під яким би то не було гаслом правили з Москви, там розпоряджались її природними багатствами й продуктами праці її трудового народу, звідти кермували її економічним життям, її фінансами — так, як се було повелось в Совітській українській республіці в її "федерації" з Російською.

Україна мусить бути вповні автономна, і щоб не викликати в сій справі ніяких підозрінь, краще не чіпати її незалежності. Питання про конфедерацію чи федерацію — се річ будучності. Для неї треба насамперед здобути довір'я трудового українського народу. А поки що не можна йти далі в сім напрямі поза воєнну та економічну конвенцію. Та, мабуть, і не буде в тім потреби, бо обставини переносять питання на інший ґрунт,— саме отої федерації соціалістичних республік Європи.

Се наш старий ідеал, який ні в кім не стріне опозиції і при добрій волі дасть нікому не обидне розв'язання питання. Коли Українська Радянська Республіка і Російська Совітська вйдуть обидві як рівнорядні члени в склад світової, європейської федерації, — се зліквідує питання. ...

Печатається по: Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть? К., 1991. С.225-236.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА	5
ХАММУРАПИ	5
Законы царя Хаммурапи	5
КОНФУЦИЙ.....	7
Изречения.....	8
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ АНТИЧНОСТИ.....	15
СОКРАТ.....	15
ПЛАТОН.....	16
Государство	17
АРИСТОТЕЛЬ.....	32
Политика.....	32
МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН	48
О государстве.....	50
О законах.....	52
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	55
АВРЕЛИЙ АВГУСТИН (БЛАЖЕННЫЙ).....	55
Исповедь	56
О граде (или государстве) Божиим.....	58
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.....	61
НИКОЛО МАКИАВЕЛЛИ.....	61
Государь.....	62
ТОМАС МОР.....	70
Утопия.....	71
ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА.....	75
Город солнца.....	76
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ	80
БРИТАНСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА	80
ТОМАС ГОББС.....	80
Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского	80
ДЖОН ЛОКК.....	90

Два трактата о правлении	91
ФРАНЦУЗСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА	97
МАРИ ФРАНСУА ВОЛЬТЕР	97
Мысли об обществе	98
Мысли о государственном управлении	98
Философские диалоги и фрагменты	99
ШАРЛЬ ЛУИ МОНТЕСКЬЕ	103
О духе законов	104
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ	113
ИММАНУИЛ КАНТ	113
Метафизика нравов в двух частях	113
Учения о праве	113
ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ	116
Философия права	116
ИДЕОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛИЗМА	119
КАРЛ МАРКС	119
К критике гегелевской философии права	120
К критике политической экономии	123
Критика Готской программы	124
КАРЛ КАУТСКИЙ	126
Путь к власти (политические очерки о вращении в революцию)	127
ИДЕОЛОГИЯ АНАРХИЗМА	131
МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН	131
Федерализм, социализм и антитеологизм	132
Государственность и анархия	134
ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН	137
Хлеб и воля	137
Современная наука и анархия	138
ИДЕОЛОГИ БОЛЬШЕВИЗМА	139
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН	139
Государство и революция	140
ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН	145
Вопросы ленинизма	146

О проекте конституции Союза ССР (1936)	146
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ XX ВЕКА	150
РОБЕРТ МИХЕЛЬС	150
Социология политической партии в условиях демократии	151
ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО	160
Компендиум по общей социологии	160
ГАЭТАНО МОСКА	164
Правящий класс	164
МАКС ВЕБЕР	171
Политика как призвание и профессия	171
КАРЛ ПОППЕР	187
Открытое общество и его враги	188
РАЙМОН АРОН	196
Демократия и тоталитаризм	197
ГАБРИЭЛЬ АЛМОНД	209
Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций	209
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ УКРАИНЫ	224
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ДРАГОМАНОВ	224
Проект оснований устава украинского общества "Вольный союз" — "Вільна спілка" (1884)	225
ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ФРАНКО	230
Програма галицьких соціалістів	234
Поза межами можливого	231
Свобода і автономія	232
МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГРУШЕВСКИЙ	236
Українська партія соціалістів-революціонерів та її завдання	237

Навчальне видання

Віктор Юхимович Пушкін
Михайло Васильович Зенкін
Лариса Миколаївна Колосова
Валентина Василівна Литвиненко
Володимир Іванович Чернобаєв

ПОЛІТОЛОГІЯ

Частина 4

ХЕСТОМАТІЯ

За редакцією чл.-кор. Української академії
історичних наук, професора В.Ю. Пушкіна

Навчальний посібник російською мовою

Друкується за редакцією авторів

Комп'ютерна верстка – М.В. Зенкін

Підписано до друку 17.05.02 г. Формат 30x42/4.
Папір офсетний. Різографія. Умовн. друк. арк. 14.
Обліково-видав. арк. 14. Тираж 500 прим. Замовл. №

Підготовлено до друку і видруковано
у Національному гірничому університеті
49600, ДСП, Дніпропетровськ, 27, пр. Карла Маркса, 19.